

Марина Эльденберт

Парящая для дракона. Книга 2

Глава 1

Я так много хотела ему сказать.

У меня было столько слов, когда я набирала его номер, но сейчас я почему-то не могу вытолкнуть ни одного. Они будто все застыли во мне, под его взглядом. Примерно так же он смотрел на меня в первый раз, когда я ворвалась в его кабинет — чтобы раз и навсегда положить начало и конец нашему знакомству.

Он проходит в комнату так стремительно, что я даже не успеваю подняться: Торн уже стоит передо мной. Пальцы ложатся на мой подбородок, заставляя вскинуть голову. Не сразу, но я понимаю, что он рассматривает мою пылающую щеку, и мне становится стыдно. Так стыдно, хотя по сути, после того, что случилось...

— Пусти. — Я сбрасываю его руку и поднимаюсь.

— Кто это сделал? — Его голос такой же холодный как взгляд. Не просто холодный, он ледяной, пробирающий до костей.

— А это имеет значение?

— Имеет.

— Не сейчас. — Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

Мне жизненно важно услышать то, что он сейчас скажет, и меня всю трясет. Потому что если претензии от отца я готова была выслушивать... хорошо, не готова, но если это я могла пережить, то от него... только не сейчас. Но он ничего не говорит, просто подходит к стулу, на котором по-прежнему висит мое пальто, а после снова возвращается ко мне.

— Мы уезжаем, Лаура.

— Что, вот так просто?

— Сложнее сделать уже не получится.

Это не обвинение, по крайней мере, не прямое, но меня снова начинает потряхивать.

— Торн. — Хотя еще пару минут назад я думала, что не смогу вытолкнуть из себя ни слова, что не готова перед ним оправдываться, что я не должна перед ним оправдываться, сейчас мне снова хочется это сделать. Не оправдываться — объяснить, только чтобы выражение в его глазах, этот лед растаял, рассыпался крошкой. Мне надо, чтобы он понимал, что это произошло случайно. Поэтому я делаю глубокий вдох и произношу: — Торн. Меня отравили. Меня накачали чем-то. Я не знаю, как...

— Я знаю. — Он подает мне пальто, и я на автопилоте сую руки в рукава. — Запрещенное вещество, которое обнаружили в крови у тебя и у твоих однокурсников, очень хорошо сочетается с любой едой или питьем. С алкоголем — гораздо хуже. Я знаю, что ты не пила, Лаура.

Последним он перебивает меня раньше, чем я успеваю сказать хотя бы слово, и мне ненадолго становится легче. Но очень ненадолго.

— Говорить об этом теперь уже не имеет смысла. Сейчас мы уезжаем, решать проблемы будем по мере их поступления.

Торн отступает, пропуская меня вперед, и я шагаю к двери. Почти.

Потом возвращаюсь, выключаю фоторамку, с которой мне улыбается мама, и складываю в сумку. В этом доме мне больше нет смысла оставаться, а проблемы, как правильно говорит Торн, надо решать по мере их поступления.

— Все твои вещи привезут позже, — говорит он.

— Завтра у отца вступление в должность.

Я не знаю, зачем я это говорю, потому что вряд ли он об этом не знает.

— Вступление в должность придется отложить.

— Что?! — Я вскидываю голову. — Почему?!

— Все вопросы потом, Лаура.

Его губы складываются в жесткую линию, и я понимаю, что он мне больше ничего не скажет. По крайней мере, не здесь. Поэтому я молча выхожу, молча спускаюсь по лестнице и так же молча останавливаюсь перед дверью, рядом с которой замерли мергхандары. Проводить меня не выходит никто: ни отец, ни Ингрид, ни Сильви. Даргел, наверное, вышел бы, но Даргела здесь нет, зато есть Торн, который, в отличие от меня, не останавливается.

Кордон флайсов взмывает в воздух, и я зачем-то все-таки оборачиваюсь. На одно короткое мгновение, чтобы увидеть стремительно удаляющиеся огни дома. Это настолько остро, что я сжимаю кулаки и мгновенно отворачиваюсь, возвращаясь в салон флайса. Здесь пахнет кожей и резкостью морозного инея. Торн заканчивает разговор по телефону коротким:

— Лучше с утра, — и отключается. В эту минуту я понимаю, что больше так не могу.

— Поговори со мной, — тихо выталкиваю из себя. — Пожалуйста.

Он смотрит на меня в упор.

— Да, я это допустила, — произношу, глядя ему в глаза. — Но я даже представить себе такого не могла. Торн, это же... я же не могу жить с постоянной мыслью о том, что меня могут отравить, подставить, что...

Я даже слов не могу подобрать, а еще меня опять начинает трясти. Эта внутренняя дрожь то возвращается, то исчезает, но мне надо договорить.

— Торн. Я не хотела, чтобы все получилось именно так. Но оно получилось. Мне сейчас очень больно. Очень тяжело. Очень страшно. Пожалуйста, не отворачивайся от меня. Пожалуйста, поговори со мной. Я хочу знать, что ты чувствуешь.

— Ничего.

Это звучит как хруст ломающегося льда, под который я готова провалиться. С головой, в ледяную воду, которая вопьется в тело тысячами обжигающих игл и потянет на самое дно. Потянула бы. Если бы он не продолжил:

— Я не могу себе позволить ничего чувствовать, Лаура. Потому что если я это себе позволю, я сломаю хребет тому парню, который тебя лапал. А следом — тому, кто все это устроил.

Он говорил неестественно-спокойно, и даже зрачки его оставались человеческими. Насколько человеческими, что это было куда страшнее, чем если бы радужку заливала ярость драконьего пламени, располосованного вертикальными стилетами. Торн, который никогда в жизни еще не казался мне настолько драконом, как в эти минуты, чуть подался вперед.

— Поэтому я ничего не чувствую, Лаура. Ни-че-го.

Последнее «ничего» оказалось настолько жутким, что обострившиеся в присутствии дракона инстинкты отбросили меня назад, заставляя вжиматься в спинку кресла. Я рывком выдернула себя из этого чувства и потянулась к нему.

— Я люблю тебя, Торн, — прошептала тихо. — Пожалуйста, давай пройдем через это вместе.

Его ноздри раскрылись, словно он готовился выпустить пламя, вместо этого дракон подался назад.

— Поговорим в резиденции.

Стена, отрезавшая меня от него, была гораздо мощнее ультрасовременной защиты уносящих нас к телепорту флайсов. Ее не пробить словами. Не сейчас. Я сделала все, что могла, и все, что мне оставалось — просто ждать. Поэтому я тоже подалась назад и стала смотреть на мельтешащий лентами скоростного движения Хайрмарг.

Резиденция встречала нас тишиной и готовым ужином. Правда, пока мы добрались до ужина, прошло еще два часа, а узнала я о нем исключительно благодаря тому, что ко мне заглянул Дораж. Я в это время сидела рядом с драконенком и Гринни, которые возились с игрушками, но уже лениво. После прогулки, на которой эти двое носились и летали, оставив всю свою неумную энергию на свежем воздухе, сейчас эта умиротворенная возня была скорее проявлением желания еще чуть-чуть побыть со мной. Я видела, что у них закрываются глаза, поэтому отложила игрушки. Как раз в это время и пришел шеф-повар.

Драконенок поднял голову, оценил степень угрозы (нулевая), после чего устроил голову между лап и снова закрыл глаза.

— Лаура? Ты как?

Кажется, он был единственным, кто об этом спросил, и я улыбнулась.

— Чудесно.

— Правда чудесно? — Мужчина посмотрел на застывшего у стены мергхандара, а я поднялась.

— Давай оставим их и поговорим где-нибудь в другом месте.

Гринни сердито засопела, подползла к Верражу под бок и свернулась клубком, а мы с шеф-поваром вышли в коридор. Если честно, я не представляла, где здесь разговаривать, кроме моей комнаты, поэтому туда мы и пришли. Сопровождение осталось за дверями, а я подошла к окну, разглядывая насыщенно-густой, темно-синий зимний пейзаж. Впервые за долгое время он не вызывал у меня умиротворения, а еще я отчаянно захотела лета. Так отчаянно, как, наверное, не хотела никогда в жизни.

Лето...

Я подошла к сумке и достала фоторамку, включила.

— Твоя мама? — Дораж подошел поближе.

— Да.

— Красивая. Очень красивая, как и ты. Кстати, ужин готов. — Шеф-повар мне подмигнул.

А я, к своему удивлению, поняла, что хочу есть.

Думала, что после такого «обеда» мне неделю не захочется смотреть в сторону еды, но видимо, нейтрализатор, который мне вкололи, действительно был сильным. Потому что от тошноты, помутнения сознания и озноба не осталось даже следа. Я как будто заново родилась.

Другой.

— Пожалуй, это самая отличная новость за сегодняшний день, — я подмигнула ему в ответ.

— Мне приятно тебя порадовать. — Он тоже улыбнулся, а после мгновенно стал серьезным. — Вся эта политическая возня... ненавижу это. Мне очень жаль, что так случилось, Лаура. Правда.

— Благодарю, — я коснулась его руки. — Ты можешь то же самое сказать Торну?

Он шутливо вскинул вверх руки.

— Оставлю эту инициативу тебе. Ты главное скажи, когда накрывать.

— Скажу, — пообещала я.

В присутствии этого человека невозможно было не улыбаться, а когда улыбаешься — невозможно думать о чем-то плохом. Правда, лично у меня не получалось, поэтому к Торну я шла уже совершенно в другом настроении. Мне надоело чувствовать себя виноватой. Точнее, не так. Мне надоело думать о том, что я могла бы не пойти на эту «вечеринку», что могла бы не пить, не есть, да в конце концов просто раньше уйти, как собиралась. Могла бы. Но не ушла.

Последствия, какие бы они ни были, нам теперь разбирать вместе. И судя по тому, что Торн сразу по возвращении скрылся в кабинете, но так из него и не вышел, разбирать их мы будем долго. Тем не менее я сделаю все от меня зависящее, чтобы его поддержать.

Остановившись у дверей кабинета, я постучала, и только после этого вошла. Вопреки моим представлениям, он не говорил по телефону и даже не работал. Крышка ноутбука была открыта, но экран погас. Как давно, я не знала, равно как и как давно он сидит, глядя сквозь нее жестким взглядом навывлет.

Этот взгляд ударил в меня, стоило мне войти.

— Дораж Эмери позаботился о нашем ужине, — сказала я. — Как насчет того, чтобы этим воспользоваться?

Торн кивнул.

— Тогда я попрошу, чтобы нам накрыли на стол.

Все хорошо?

Этого я не спросила, потому что как бы мне ни хотелось преисполниться оптимизма, все хорошо не

было. Для него так точно. И как следствие — для меня. Тем не менее пока я занималась ужином, все было хорошо и даже лучше. Организаторская деятельность вообще здорово повышает жизненный тонус. Накрыли нам быстро, настолько быстро, что я хотела даже набрать Рин, но пока думала о том, что если она мне не пишет и не звонит, значит, с нейтрализатором ей не так повезло, или вообще не повезло, пришел Торн.

Мы устроились друг напротив друга, жалюзи я предусмотрительно опустила, чтобы не было искушения (у меня в первую очередь) смотреть в окно. Потому что мне нужно было смотреть на него, мне жизненно важно было смотреть на него. На мужчину, которого я любила.

— Приятного аппетита, — сказала я, снова первой нарушив молчание.

Расстелила салфетку и улыбнулась. Потянулась за приборами, попробовала салат и поняла, что все-таки себя переоценила. Организм сказал: «Есть — это не в меня», — и я решила, что можно будет просто аккуратно поковыряться в кулинарном шедевре (у Доража по-другому не бывает).

— Лаура, как прежде уже не будет.

Я так увлеклась продумыванием салатной судьбы, что сейчас вздрогнула. И подняла голову. Торн смотрел на меня в упор, спокойно — так же спокойно, как и во флайсе. Неестественно.

— Я понимаю, — сказала я. — Но я сделаю все, что потребуется. Ты... или пресс-секретарь наверняка научите меня, что делать и что говорить.

Я не шутила и не была предельно серьезной, я просто старалась разрядить обстановку. Насколько у меня получалось — хороший вопрос.

— Я сейчас не об официальной части. Пока все не уляжется, ты останешься здесь.

— Здесь? Но я и так здесь, — я пожала плечами. — И никуда не собираюсь.

— Здесь, Лаура, это значит, что все физиопроцедуры тебе будут делать в резиденции. В Хайрмарг ты в ближайшее время не вернешься.

Про салат я как-то сразу забыла. По-хорошему, его тоже стоило чем-нибудь накрыть, чтобы не смотреть уже в него вместо окна, но сейчас я сразу же подняла голову. Ударилась об очередную ледяную стену, замерла.

— Что значит — не буду? — переспросила я. — Физиопроцедуры — не единственное, зачем мне нужно в город. Мне нужно возобновить тренировки сразу после завершения курса, у меня кастинг почти сразу после праздников. Ты же и сам прекрасно это знаешь, Торн! Мне нельзя терять время, особенно после того, что случилось...

— Ты не поедешь в Рагран, Лаура. — Он даже не притронулся к еде. — Кастинга не будет. Я его отменил.

Торн произнес это настолько серьезно, что я ни на мгновение не усомнилась в его словах. Кастинга не будет. Он его отменил. Не знаю, как — написал тем, кому в свое время звонила Рин, или это сделали за него — да, с наибольшей вероятностью это сделали за него, или... Все это было уже неважно. Он это сделал. Он просто это сделал, как в свое время подарил мне надежду, точно так же сейчас ее уничтожил. И вместе с ней мое сердце.

— Прости, — сказала я, откладывая салфетку. — Сейчас мне лучше уйти.

— Останься.

Это была не просьба, не приказ, а нечто совершенно новое. Совершенно иное, что сейчас рождалось, перекраивалось, сплавлялось из наших отношений в то, с чем мне придется жить всю жизнь.

— Зачем? — спросила я. — Ты уже все решил без меня. Ты уже все сделал без меня. Думаю, ужинать тебе тоже лучше без меня.

— Это не так.

— Не так — что именно? — Я посмотрела ему в глаза. — Я только что узнала, что ты выбросил мою мечту на помойку, Торн. Боюсь, я несколько неадекватна сейчас. А еще я боюсь, что если сейчас позволю себе чувствовать, выражаясь твоими словами, это может очень дорого мне обойтись.

Или нам.

Хотя... никаких нас никогда и не было. Были только я и он — правитель, привыкший казнить и

миловать, дарить и отнимать. Только его решения всегда были важны, и если он захотел сделать для меня что-то, он это сделал. Не захотел — ну извини, Лаура, тебе все равно придется улыбаться и делать вид, что все хорошо. Потому что у первой ферны нет другого выбора. Но у меня есть. Потому что я не первая ферна.

— Возьми, — сказала я, снимая кольцо. — Возьми и оставь его себе, я не выйду за тебя, Торн. Твоя репутация не пострадает, особенно если сейчас ты откажешься от меня. Сразу. Скажешь, что не можешь жениться на девице с сомнительным прошлым... или которая не умеет держать себя в руках.

Я была права, мне надо было уйти. Мне надо было уйти сразу, не продолжая, не спрашивая, игнорируя его «останься» — так же, как он игнорировал все мои попытки достучаться до него сегодня. Но я не ушла, точно так же, как я не ушла из того ненавистного ресторана, и может быть, оно и к лучшему, потому что иначе я бы вышла за него. Иначе я не сказала бы все то, что чувствую, потому что в отличие от него я не чувствовать не могла.

— Я уже говорил, что не отпущу тебя, Лаура. — Мою руку перехватили раньше, чем я успела подняться. Кольцо вернулось на место, а жестким взглядом меня пригвоздили к стулу. — Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя.

— Серьезно? Насильно заставишь меня выйти замуж? И как ты себе это представляешь? Мы даем клятвы, а по обе стороны от меня — мергхандары, которые не дают мне сбежать? Может, они еще и говорить за меня будут?!

Я с трудом находила слова и дыхание для того, чтобы их произнести. Я могла бы просить его сказать, что все это неправда, что не было никакой отмены кастинга, могла бы попросить все вернуть, но это было бессмысленно. Поэтому меня сейчас трясло, и пока эта дрожь не вырвалась наружу, пока не обрушилась на него потоком упреков и отчаяния — ты был мне нужен, почему вместо того, чтобы меня обнять, ты отнял у меня последнюю надежду, то, за что я могла бы держаться, пока пресса будет обрушиваться на нас с тобой снова и снова — я плотно сжала губы.

— Отпусти, — сказала я, вышло глухо, поэтому я повторила: — Отпусти.

Не знаю, к чему это сейчас относилось — к моей руке, которая в его ладони казалась запечатанной во льдах. Или к тому, о чем мы говорили раньше. Я вообще смутно понимала, что происходит, но мой мир рушился с такой скоростью, что я не успевала его восстанавливать. Мне не хватало дыхания. Не хватало биения сердца.

— Хватит.

Это прозвучало как пощечина. Жесткое, отрезвляющее, острое.

И тогда я по-настоящему взорвалась. Рванула руку на себя с такой силой, что опрокинула бокал с водой прямо на скатерть и на пол. Стекло треснуло, осколками брызнуло мне под ноги.

— Нет, — сказала я. — Нет, Торн. Не хватит. Все это время я была рядом с тобой: все это время я пыталась до тебя достучаться. Сквозь твои бесчисленные кордоны, и какие бы ни были у тебя причины ими закрыться, я больше так не могу. Не хочу. Я больше тебе не верю. Я не хочу быть заложницей твоих единоличных решений и твоего нежелания впустить меня в свою жизнь. Да, я сегодня ошиблась — но, когда я шла на этот обед, я думала, что прощаюсь с однокурсниками. Думала, что это моя последняя вечеринка, потому что после того, как я стану твоей, я больше не смогу на них появляться. Я даже не представляла, во что это все выльется, а ты — ты просто взял и решил за меня. Решил, что я не достойна даже обсуждения: ты отнял у меня то, что могло бы дать мне гораздо больше, чем...

Я задохнулась, покачала головой.

— Как я уже сказала, мне лучше уйти.

— Твоему отцу нужна эта должность.

Руки у меня были холодные. Почему-то это я сейчас ощущала ярче, чем что бы то ни было. Все остальное ощущалось довольно смутно.

— Ты этого не сделаешь, — сказала я.

— Мне и не придется.

Он этого не сказал, но оно явственно прозвучало: «После того, что сделала ты». После того, что сделала я, мне прямой путь в первые ферны... и только это поможет отцу сохранить должность, которую он уже считал своей.

— Торн, — сказала я, — давай разделим нас и мою семью. Они тут ни при чем.

— Ты еще не поняла, Лаура? — Он тоже отложил салфетку и поднялся. — Когда дело касается власти, «ни при чем» не работает. Твоя семья — это твоя ответственность. За все, что ты делаешь или говоришь, придется отвечать. Поэтому сейчас ты пойдешь к себе, а завтра утром я познакомлю тебя с новым пресс-секретарем. Он расскажет, что тебя ждет в ближайшие две недели.

Я открыла рот, чтобы возразить, объяснить... но поняла, что и это тоже бессмысленно. По сути, бессмысленно было даже то, что я делала до этой минуты. Поэтому я развернулась и вышла, и мергхандары, которые теперь не отходили от меня ни на мгновение, провожали меня до самой комнаты. Там я устроилась на подоконнике, подтянула к себе колени, и, обняв их руками, долго смотрела в сгустившуюся синеву зимней ночи.

Глава 2

— Вот же ларркин выродок, а, — процедила Рин. — Да если бы я знала...

— Никто не знал, — сказала я.

— Никто, кроме него, правда? Вот ни за что не поверю, что он не приложил к этому свои грязные лапы! Чтоб у него лишай на заднице вылез. А еще лучше на...

— Ты сама как? — спросила я.

Это меня интересовало гораздо больше, чем лишай на любом месте Миста, а учитывая, что когда я набрала Рин, она исключительно плевалась ядом в сторону моего бывшего и всех, кто нам это устроил, выяснить это было довольно проблематично.

— Меня никогда так не тошнило, — сказала она. — Но это, наверное, ерунда, по сравнению с тем, что там у тебя? Меня-то никто не фотографировал.

Я пожала плечами.

— Лал, не молчи. — Рин нахмурилась и отодвинулась, сложив руки на груди. — Что у тебя произошло?

— Это государственная тайна.

— Ха-ха. Очень смешно.

— А я не смеюсь. Мне запрещено говорить с кем бы то ни было о том, о чем я говорила с пресс-секретарем. Хотя по сути, там и разговора-то не было.

Точнее, он был. Мужчина, который оказался на месте Мильды Хайц, смотрел на меня, но сквозь. Ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы донести до меня информацию: мне запрещено так или иначе комментировать сложившуюся ситуацию в соцсетях, своим знакомым или друзьям (можно подумать, я бы сама до этого не догадалась). Вся политика сейчас будет выстроена на том, что меня отравили, и что все случившееся сейчас под контролем внутренней разведывательной службы. Дело, о котором сейчас писали все журналисты, из развлекательного превратилось в политическое.

— Ферна Хэдфенгер не дает комментариев по поводу случившегося, — таково было официальное заявление пресс-службы Торна, — вся ответственность за произошедшее возлагается на организаторов покушения, стремящихся замаскировать попытку убийства под скандальную случайность с запрещенным веществом на студенческой вечеринке.

В этом же заявлении говорилось о том, что мне повезло, и что организаторы покушения не рассчитывали на вмешательство мергхандаров, которых на вечеринке не должно было быть. По той же причине я сейчас находилась в загородной резиденции, где мне был обеспечен высочайший уровень защиты.

— Но это реально было покушение? — шепотом переспросила Рин. — Тебя действительно хотели убить?

— Сомневаюсь, — сказала я. — Иначе мы бы с тобой не разговаривали.

— Ты так думаешь?

— Я не знаю, что думать. А Торн со мной не разговаривает.

Вот не собиралась я этого говорить, оно само вырвалось. Как бы там ни было, он действительно со мной почти не разговаривал. Утром ничего не изменилось ни для меня, ни для нас — исключительно сдержанный завтрак, знакомство с пресс-секретарем, предупреждение о нашей линии поведения и... все. Потом они с пресс-секретарем отбыли в Хайрмарг, а я осталась. Успела посмотреть заявление, погулять с Верражем и Гринни, ну и вот — позвонила Рин. После ее сообщения.

— Как бы там ни было, он с ними разделается.

Это прозвучало кровожадно.

— Ты знаешь, что Мист под следствием? — продолжала подруга. — Что его только-только отпустили, сегодня утром, и вид у него был совсем не геройский?

— Подозреваю, об этом знает весь Хайрмарг. То есть весь Ферверн.

— Туда ему и дорога, — почти прорычала Рин. — Гаденыш. Мерзкий, мстительный гаденыш.

— Рин, давай сменим тему? — попросила я. — Я хочу хотя бы пять минут не говорить ни о Мисте, ни о том, что вчера случилось. Как Сэфл?

— Рвет и мечет. Сказал, что Мисту надо з... прости. Он тоже считает, что Мист к этому причастен.

Я вздохнула.

— Нет, ну серьезно? Он все это организовал! А на какие деньги? Я никогда за ним особой щедрости не замечала... — Рин осеклась. — Тебя это реально достало, да?

Нереально.

— Да.

— Слушай, но в этом есть один большой плюс: я смогу приехать к тебе в гости и посмотреть на резиденцию Верховного. Да-да, я помню, что ты меня приглашала на праздник, но до него еще времени дракон, а я могу приехать сегодня. Хочешь, приеду? — подруга внимательно на меня посмотрела. — Что?

«Никаких встреч. Никаких посещений за исключением членов семьи, — пресс-секретарь смотрел на меня в упор, и его цепкий взгляд сейчас напоминал крючья, которые охотники древности прятали в ловушках для драконов. — Если об этом посещении станет известно — а о нем непременно станет, журналисты не дадут этому человеку прохода. В отличие от вас, их мы защитить не сможем, равно как и предсказать ход их беседы».

Все это звучало правильно и очень логично, хотя и отчаянно напоминало тюрьму в пустоши. Ферверн был единственной страной, где построили тюрьму для иртханов. Во всем мире для них существовало два вида наказания: таэрран, запирающая пламя магическая печать, чем-то напоминающая позорный ошейник, иногда в сочетании с домашним арестом, и смертная казнь. В Ферверне таэрран считалась пережитком прошлого, а меры пресечения были такие же, как и для людей. С той лишь разницей, что место заключения иртханов располагалось глубоко под землей. В пустошах.

На этой потрясающе оптимистичной мысли пикинул внутренний коммуникатор.

— Рин, прости. Внутренний.

Я спрыгнула с подоконника, который стал моим излюбленным местом. Подошла к тумбочке, и, коснувшись панели приема, услышала голос Тиуса:

— Ферна Хэдфенгер, приехал ваш брат.

Дар? Дар!

— Тиус, пусть его проводят ко мне! — Я выключила связь коммуникатора и снова вернулась к Рин. — Рин! Дар приехал!

— Ну, хоть так, — проворчала подруга. — А то я уже думала, что мою Лауру подменили, а вместо нее посадили манекен.

— Манекен из меня никакой, — сообщила я.

— И я о том. Созвонимся тогда чуть позже. — Подруга усмехнулась. — Я тебя наберу. И не думай, в покое я тебя не оставлю. Нельзя встречаться, тогда буду доставать звонками.

Она отключилась раньше, чем я успела попрощаться, а я едва успела добежать до зеркала и посмотреть, похожа ли я на манекен, когда в комнату уже шагнул Даргел.

— Лаура!

— Дар!

Я бросилась к нему и обняла так порывисто, что он рассмеялся.

— Эй, тише. Ты меня так задушишь.

Правда, когда он обнял меня в ответ, вряд ли его объятия можно было назвать расслабленными.

— Сестренка, ты как?

— Я уже хорошо, — честно сообщила я. Так же честно стараясь не хлюпнуть носом от радости. Мне действительно было несказанно хорошо — вот так, в объятиях брата, просто стоять. Хотя «просто стоять» в этой ситуации было странно, мы стояли. Во мне бушевал настоящий ураган эмоций, которые я старательно в себе подавляла, и, видимо, Дар это почувствовал. Потому что отстранился и заглянул мне в глаза:

— Я безумно по тебе соскучился.

— Я тоже, — призналась я. — Хочешь кофе? Или пройтись?

— Кофе и пройтись вместе не предлагаются?

— Предлагаются, — сказала я.

Спустя двадцать минут мы уже шли по расчищенным дорожкам, по которым я обычно гуляла с Гринни и Верражем. Над одноразовым стаканчиком поднимался пар: себе я кофе попросила автоматически, и теперь так же автоматически его пила. Что касается брата, он к своему, кажется, вовсе не притронулся.

— Здесь красиво, — произнес Дар, когда мы отошли от дома на приличное расстояние.

Мергхандары не отставали, и это, видимо, было одной из причин напряжения, которое между нами возникло впервые.

— Да. Очень.

— Лаура... как так получилось?

Вопрос от Даргела был не сказать чтобы неожиданным. К тому же, я уже смирилась с тем, что все хотят знать «как так получилось», и что я по этому поводу чувствую. В последнем, к слову сказать, я была не уверена.

— Отец тебе не рассказал?

— Он рассказал, что ты пошла отмечать, и что тебя накачали какой-то дрянью. Пресс-служба говорит примерно то же самое, но уже более масштабно. А я хочу знать, что произошло на самом деле.

— Если я скажу, что не хочу об этом говорить, ты поймешь?

Дар все-таки отпил кофе и поморщился, как будто кофе был из дешевого автомата.

— Я спрошу, о чем хочешь поговорить ты.

— Я не знаю, что мне делать, Дар. Я запуталась.

Брат не стал останавливаться, увел меня на огибающую парк аллею, и даже не обернулся, когда тени мергхандаров вытянулись поперек дорожки, словно преграждая нам путь.

— Что тебя беспокоит, сестренка?

— Торн.

— Торн? — Даргел нахмурился, невольно понизив голос.

— Ему не все равно, но ему... как бы все равно. Я не могу этого объяснить. Он даже ни разу не спросил меня, как я себя чувствую. Это же так просто, правда? Вот ты спросил. И Дораж Эмери тоже.

— Дораж Эмери?

— Шеф-повар. Он... ладно, неважно. В общем, я понимаю, что по сравнению с тем, что сейчас происходит мои чувства крайне незначительны, но мне от этого больно. Мне страшно, что так будет всегда. Мне страшно, что меня не останется... если я останусь.

Вот теперь Даргел остановился. Оглянулся, как будто не представлял, куда ему поставить стаканчик с кофе, и замер. Мергхандары остановились тоже. Спасибо что хоть в нескольких метрах, а не в непосредственной близости.

— Ты хочешь расторгнуть помолвку?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет. Я же говорю, я запуталась. А Торн молчит, он со мной вообще почти не разговаривает. Не считая того, когда ему нужно донести до меня официальную информацию.

— По-моему, — Даргел наклонился и все-таки поставил кофе прямо на дорожку, а после выпрямился и взял мою руку в свои, — вам нужно время. И тебе, и ему.

— А время что-нибудь решит?

— Время многое способно решить, Лали.

— Вот только у меня его нет.

— Разве нет?

— Время до праздника. Сколько его осталось? — Я закусила губу. — Он отменил кастинг, Дар.

— То есть как отменил?

— Вот так. После всего, что случилось... взял и отменил. Хотя когда он помог мне, когда он вернул мне надежду — после того, что случилось, я была просто... я не знала, как мне его благодарить, и...

Я замолчала. Потому что за «и» даже не представляла, что можно добавить. Кроме того, что я люблю его, но об этом я брату уже говорила.

— Хочешь, я с ним поговорю? — Даргел по-прежнему серьезно смотрел на меня. — Можно отправить тебя на кастинг, обеспечив охраной. Такой охраной, что к тебе никто не приблизится.

— Дело не в этом. — Я покачала головой. — Мне кажется, что это наказание. И эта мысль не дает мне покоя. Он действительно мог обеспечить мне такую охрану, что даже жюри стало бы дурно. Мог, но не захотел. Или решил меня наказать. За своеволие. За все, что я допустила.

— Ты серьезно так думаешь?

— Я не знаю, что думать, — повторила слова, сказанные с Рин.

— Вам надо поговорить, Лал.

Можно подумать, я сама этого не знаю.

— Как? Если он все время от меня закрывается.

— Он закрывается не от тебя, а от себя, сестренка. От того, что он чувствует.

— Ты это по собственному опыту говоришь?

— Разумеется. — Даргел улыбнулся. — Лично я всегда молчу, чтобы не наговорить лишнего. Спорим, ты тоже так делаешь? Поговори с ним. Еще раз. Уверен, что больше молчать он не будет.

— И сколько раз Мел нужно к тебе подойти, чтобы ты с ней заговорил после ссоры?

— Обычно это я к ней подхожу.

Я вскинула брови.

— Чаще всего. В девяносто девяти целых и куча девяток после запятой случаев.

— Мел с тобой повезло.

— Рад, что ты это понимаешь. Теперь осталось донести это до нее.

Я невольно улыбнулась.

— Наверняка она тоже это понимает.

Даргел хмыкнул.

— Будем надеяться.

Он снова обнял меня, защищая от ветра, взметнувшего по дорожке вихри колючих снежинок.

— Теперь у тебя будет кофе со вкусом зимнего парка.

— Ах, да. Кофе.

Даргел снова наклонился, поднял стаканчик. Отпил.

— Кстати, я привез твои вещи. То, что осталось. Ингрид их собрала.

Вещи! Значит, и комплект белья там же.

— Она просила тебе передать, что придет завтра по поводу платья. Насколько я понял, посторонних к тебе не пускают, поэтому платье привезет она. Точнее, то, что оно сейчас из себя представляет. Я выслушал море информации по выкройкам и претензий на тему, что ей придется все делать самой, то есть прикалывать тебя булавками...

— Прикалывать меня булавками — это очень точное определение. Уверена, что это именно то, что Ингрид хочет сейчас со мной сделать.

Даргел расхохотался.

— Знаешь, мне тоже так показалось. Поэтому держись от нее подальше.

— Это будет сложно, если она будет с платьем и с булавками.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, потом Даргел поцеловал меня в макушку и отстранился.

— Не вешай нос, сестренка. Все будет хорошо.

— Даже не сомневаюсь. — Я задрала этот самый нос как можно выше.

— Вот! Это уже больше похоже на Лауру Хэдфенгер. Хотя тебя теперь уже называют не иначе как Лаура Ландерстерг.

— Кто?!

— Все. Везде. — Даргел кивнул в сторону дома. — Возвращаемся?

— Возвращаемся. — Я взяла его под руку.

Беседа с Даргелом меня воодушевила настолько, что я даже забыла о случившемся. Вот так, впервые после всего этого, просто выпала в другую реальность, в здесь и сейчас рядом с братом. В ту реальность, в которой сегодня вечером мне предстоял разговор с Торном. Хочет он или нет, ему придется меня выслушать. Ему придется меня слушать, если он хочет, чтобы наши отношения продолжались.

И чем скорее он это поймет, выражаясь его же словами, тем лучше.

— Ферн Ландерстерг только что вернулся, ферна Хэдфенгер.

— Благодарю, Тиус.

Я попросила дворецкого сообщить, когда Торн появится в резиденции, и появился он ближе к ночи. Если бы не желание поговорить с ним именно сегодня, я бы легла спать.

Несмотря на то, что меня отрезали от Хайрмарга, я решила, что все равно буду танцевать. Правда, здесь не было лент, но разминку, разрешенную мне физиотерапевтом, я делала. И не только разминку, простые танцевальные движения, не связанные с сильной нагрузкой.

После ужина еще прогулялась с Гринни и Верражем, и напряжение от ожидания предстоящего разговора отступило, сменившись приятной усталостью. Такой, какая возникает после долгих прогулок и игр в снежки с полностью довольными жизнью малышами.

Драконенок уже полностью смирился с тем, что от меня не исходит пламя. Кем он меня считал, сказать сложно, но то, что решил меня оберегать, выяснилось, когда один из мергхандаров шагнул ко мне слишком резко. Верраж мгновенно вздыбил чешуйки и утробно зарычал.

Сейчас, когда Тиус сообщил о возвращении Торна, мне почему-то вспомнился этот эпизод, и я улыбнулась. От защиты Верража я бы сейчас точно не отказалась, да хотя бы от защиты кого бы то ни было: напряжение вернулось, а вместе с тем вернулось и ощущение, что я — провинившаяся школьница, которую вызывают к директору. В данном случае меня никто не вызывал, но избавиться от этого чувства я не могла.

До тех пор, пока шла по коридору к его кабинету.

Зато стоило мне шагнуть за дверь, оно испарилось. Я поняла, что больше не хочу оправдываться, и что больше не хочу быть школьницей. Если Торн хочет видеть рядом с собой женщину и жену, а не приложение к его реформе — хорошо. Если нет...

— Нам надо поговорить.

Он обернулся, встречая меня ставшим уже привычным ледяным взглядом.

— И тебе доброго вечера.

— Доброго. Что-то случилось?

Торн подошел к столу и указал мне на кресло.

— Мы выяснили, кто за этим стоит.

Я замерла.

— Кто?

— Присядь, Лаура.

Я приблизилась к столу и действительно опустилась в кресло. Только после этого сел он.

— Эллегрин Рэгстерн.

Он вытолкнул эти слова, как паззлы ручной головоломки, так же равнодушно и жестко, но мне вдруг стало не по себе. От того, сколько застывших чувств под этим скрывалось.

Я поднялась, обошла стол и опустилась к нему на колени. Так плавно и в то же время так быстро, как только могла, не давая себе времени передумать. Обвила ладонями его плечи, хотела прижаться, но Торн резко перехватил мои запястья.

— Ты что делаешь?

От неожиданности я даже не пошевелилась.

— Я сегодня не настроен на близость, Лаура.

— Идиот!

— Что?

— Я говорю, ты — идиот, Торнгер Ландерстерг! — Я взвилась с его колен, стряхивая его руки. — Ты не настроен на близость не только сегодня, но и вообще. В принципе. Ты хоть понимаешь, что я не могу так?! Не могу оставаться с мужчиной, который не позволяет себе ни малейшего чувства?! Ни капельки? Да, я понимаю, у тебя огромная ответственность, но рядом с тобой живые люди, и помимо огромной ответственности перед страной, у тебя есть я. Как мы вообще можем общаться, если ты постоянно меня отталкиваешь?

Он вскинул голову, а потом так же резко поднялся.

— Ты не расслышала, что я сказал?

— Нет, я тебя прекрасно слышала! Эллегрин Рэгстерн. Я это слышала, и еще я слышала, что тебе больно. Поэтому я подошла к тебе. Поэтому хотела обнять, а не напрашиваясь — выражаясь твоими словами — на близость! Торн! Я пришла поговорить не об Эллегрин. О нас. О том, что я хочу быть с тобой, но я не смогу с тобой быть, если ты будешь от меня закрываться.

— Я всегда такой, Лаура. И ты это прекрасно знала.

— Нет. Ты не всегда такой. Ты со мной говорил. В тебе есть чувства, и пусть они не всегда приятны, пусть от них иногда больно — в тебе они есть. Я это знаю, иначе бы ты не отключил щиты. Иначе не носил бы меня на руках и не сделал для меня то, что сделал... когда я упала. — Я приблизилась к нему, глядя в глаза. — Ты можешь сколько угодно меня отталкивать, но ты сам знаешь, что я права. Торн...

Я коснулась рукой его щеки, впитывая это прикосновение всем сердцем.

— Торн, я тебя люблю.

Больше я не успела ничего почувствовать. Ничего подумать, даже не успела вздохнуть — в глазах стоявшего напротив мужчины вспыхнул огонь. Дикий, звериный, настолько хищный, что я невольно

отпрянула, но он просто перехватил меня за талию. Не давая сдвинуться с места, без труда удерживая раскрытой ладонью, обжигающей даже через платье льдом. Вертикальные полосы зрачков сначала раскрылись, а потом собрались в две тонкие линии.

В то же мгновение он опрокинул меня на стол.

Я вскрикнула — больше от неожиданности, хотя все тело в одно мгновение покрылось мурашками, а холод, исходящий от него, казалось, впитывается в каждую клеточку моего тела. Прижатые к поверхности стола ладони покалывало пульсацией от ледяной, жесткой мощи.

От той, что врывалась в меня, заставляя саму превращаться в лед и плавиться под одним только этим взглядом. За мгновение до того, как Торн дернул меня на себя, и я всхлипнула. Этот всхлип отозвался в нем не то звериным рычанием, не то хриплым стоном, когда его губы впились в мои с такой силой, что дыхание во мне кончилось. Вместе с дыханием кончилась я сама, остались только его руки на моих бедрах, разводящие их.

И резкий рывок, когда меня накрыло ледяным пламенем, и когда мы стали единым целым.

Обрушившаяся на меня сила была настолько яростной, что я закричала. Ногтями впиваясь в затянутую в пиджак спину, обхватывая его бедра ногами и чувствуя, как рождающееся во мне дикое наслаждение растекается от низа живота в грудь, поднимается вверх, рождая все новые и новые звериные стоны. Меня словно вытянули в струну или собрали в одну точку, в единое средоточие наших тел, поэтому когда эту связь разорвали, я дернулась.

Как никогда раньше ощущая внутри пустоту — в те несколько мгновений, пока меня перехватили, легко, как пушинку, толкнув к столу животом и снова врываясь — теперь уже сзади. От острой смены ощущений полыхнуло перед глазами, ногти скрежетнули по непривычно-беззащитной полировке, но я услышала только свой крик и его рычание.

Почувствовала вплетенные в волосы пальцы, заставившие запрокинуть голову, и горячее дыхание на шее, сменившее их. Короткая острая боль вспыхнула тысячей искр. От сжавшихся на коже зубов ледяные нити протянулись через все тело, превращая его в сгусток чувственного удовольствия.

Там, где по нарастающей шла пульсация.

Там, где ладони касались поверхности.

Там, где его ладонь сжималась поверх моего бедра, а после скользнула ниже. Грубой и жесткой лаской в вихре охватившего нас ледяного пламени заставляя меня кричать снова и снова, пока во мне разом не лопнули все струны.

Я задышалась, содрогаясь от наслаждения, еще чувствие резкие сильные рывки, а потом — вместе с ним, снова. До одури и умопомрачения, до сорванного голоса и хриплых выдохов на пределе сил.

До резкого рывка назад, и судорожного стога, прерванного закушенной губой.

Когда я оттолкнулась ладонями от стола и обернулась, меня вело. Перед глазами еще плыла иссиня-белая дымка, похожая на зимний рассвет. Я чувствовала себя пьяной: им. Настолько пьяной, что мне хотелось еще, еще и еще... И я потянулась к нему, в это звериное пламя, всеми инстинктами. Всем своим существом.

Чтобы услышать:

— Прости. Это больше не повторится.

Я моргаю. Его лицо кажется довольно далеким и в то же время безумно близким, и это ощущение тоже проходит, когда я понимаю, осознаю, чувствую смысл его слов.

— Да пошел ты! — говорю я, и разворачиваюсь, но Торн перехватывает меня за локоть.

— Секс с пламенем, — произносит он. — По крайней мере, пока ты без харргалахт.

По крайней мере?! Во мне кончаются слова, а потом начинаются заново, и все они не должны принадлежать Лауре Ландерстерж. Да если быть честной, они и Лауре Хэдфенгер принадлежать не должны, но...

— Поставь свою харргалахт себе на задницу, — сообщаю я. — И гордись ею! Ты... ты просто...

Р-р-р-р!!!!

Это даже не злость, я не знаю, как это назвать, от желания вцепиться ему в лицо или пнуть прямо в то, чем он собирался «не повторять» (все равно же больше не пригодится!), просто становится

нечем дышать. Только сейчас я понимаю, почему: у меня в крови по-прежнему гуляет пламя, в диких количествах. Это от него я пьяная. Это от него меня влечет к этому чудовищу, с той же силой, с которой мне хочется его сейчас оттолкнуть. Или впиться губами в губы, зубами, с рычанием и яростью, мне не принадлежащей. Это от него я сейчас дрожу, даже вспоминая о диком, животном наслаждении...

— Секс с пламенем, — повторяю я, сбрасывая его руку. — Секс с пламенем, Торн Ландерстерг?! Вот что это для тебя?

— Ты сама придумала все остальное.

— Я? — шепчу я почему-то севшим голосом. — Это я придумала? Когда? Когда ты говорил, что я свожу тебя с ума?

— Я от своих слов не отказываюсь.

Если можно было сделать что-то еще с большей отстраненностью, чем то, что он сделал сейчас — просто застегнул брюки и поправил рубашку — то я смутно понимаю, что это вообще могло быть. Можно было бы спросить, от каких именно слов он не отказывается, но после случившегося спрашивать уже ни о чем не хотелось. Меня все еще вело, но первые признаки отрезвления уже были налицо.

Например, я вспомнила, зачем сюда пришла.

— Я хотела поговорить о другом, — сухо, настолько сухо, насколько это возможно, сказала я. Не нарочно. Просто во мне кончились чувства, и теперь я понимала, о чем он говорил. Если бы они не кончились, меня бы просто уничтожила эта сила, бьющаяся в самой глубине моего существа.

— Говори.

— Не сегодня.

Никогда.

Об этом я говорить уже не стала, просто поправила платье. Развернулась и вышла.

Я держалась до той минуты, пока шла по коридорам с мергхандарами. Пока поднималась к себе. Пока заглядывала к Гринни с Верражем, чтобы посмотреть на две сонные мордахи, вскинутые на открывшуюся дверь.

Только оставшись наедине с собой, на миг зажмурилась, сжала кулаки, и... выдохнула. От звонка Дару меня отделяли какие-то считанные секунды, натянувшиеся невидимые нити внутри. Я могу ему позвонить, могу попросить меня забрать, могу даже собрать вещи, но мне ясно дали понять, что меня не отпустят.

Меньшее, что получится из этого звонка — это конфликт брата с Ландерстергом. Если Даргел узнает обо всем, он... нет, я не имею права впутывать его во все это. Я вообще не имею права ничего ему говорить. Никому не имею.

Даже Рин.

Особенно Рин.

Я разделась как никогда аккуратно, повесила платье на плечики. Стоя в душе, смотрела на бегущие по запотевшему матовому стеклу капли воды, все отчетливее убеждаясь в том, что я должна сделать.

Глава 3

В комнате было невыносимо тихо — несмотря на то, что в этой резиденции никогда не было так шумно. Если честно, даже в последнюю неделю, когда подготовка к праздничной ночи шла полным ходом, даже тогда в ней не было так шумно, как сегодня. И даже в ту неделю, когда основная подготовка еще не началась, в ней не было так тихо, как сегодня в моей комнате. Или во мне.

Торн уехал на следующий же день до завтрака: он зашел попрощаться и сказать, что в силу сложившейся ситуации требуется его постоянное присутствие в Хайрмарге. Я бы сказала ему, что он попросту убегает, но если бы я что-то сказала, во мне снова проснулись бы чувства, а этого я позволить себе не могла. По крайней мере, не в ближайшее время.

Поэтому я попрощалась, пожелала ему скорейшего разрешения всех вопросов и самоустранилась из этой ситуации. Так же, как самоустранился он. Мы оба существовали в одной реальности, но по обе ее стороны. Я видела, как было объявлено об аресте Эллегрин Рэгстерн, я слышала резкие заявления ее отца и наблюдала за волной, всколыхнувшейся над миром ир்தханов в Ферверне.

Впрочем, волна прошла стороной, не задев меня.

В резиденции Торна меня вообще ничего не могло задеть, а учитывая, что я запретила себе думать об этом и чувствовать — тем более. Вторая волна накатила, когда родители Мистхарда попытались заявить претензии по поводу ментального допроса, которому подвергли их сына, но эту тему тоже достаточно быстро закрыли. Особенно принимая во внимание тот факт, что их сын оказался причастным к покушению, и то, что ему теперь тоже предстоял суд.

Я наблюдала за этим равнодушно и отстраненно, настолько, что временами мне самой не верилось в то, что все это происходит со мной. Меня записали в «неприкосновенные», а то, что обо мне писали в сети... ну, я предпочитала думать, что это пишут о моей однофамилице из Хайрмарга.

Моя жизнь разделилась на «до» и «после», и наверное, я никогда раньше не думала о том, что такое политика. То есть не то что не думала, я даже не представляла, и сейчас предпочла бы и дальше оставаться в блаженном неведении, но было уже поздно. Механизм уже был запущен, шестеренки крутились, и Лаура Хэдфенгер стремительно, день за днем, становилась Лаурой Ландерстерг — ларркой, спровоцировавшей бывшего однокурсника, соблазнявшей его и позволившей случиться тому, что случилось, и так далее, и тому подобное.

Торну тоже доставалось.

Впрочем, политикам всегда достается, хотя об этом я раньше тоже как-то не думала. Равно как не думала и о том, что буду делать, когда все закончится.

Но сегодня, в эти недолгие минуты тишины, когда стилисты уже ушли, а до прихода Торна еще оставалось время, эти мысли нахлынули на меня потоками пламени, грозя испепелить или превратить в ледяную скульптуру, способную рассыпаться снежной крошкой от любого неловкого прикосновения.

Я думала о том, что за все это время мы с ним говорили три раза — по видеосвязи. О том, что даже не я, а стилисты посылали ему мои фотографии с репетиции образа. О том, что все наши разговоры сводились к тому, что он сообщал те или иные новости касательно праздника. В частности, о том, что Рин и Сэфл в качестве приглашенных будут только на следующий день, но не ночью.

Сейчас я даже была этому рада.

Потому что, сжимая леденеющие руки, даже не представляла, что случится сегодня ночью.

Стук в дверь прозвучал так громко, что я вздрогнула.

— Лаура? Можно?

Голос отца доносился пока еще из-за двери, и я поднялась. Расправила юбку, струящуюся волнами снежного шелка.

— Да.

Мой голос даже не дрогнул.

С отцом мы все это время не разговаривали вообще. С того вечера, закончившегося пощечиной, до сегодняшнего дня я его не видела. Поэтому сейчас, когда он вошел, внутри меня все замерло и окончательно обратилось в лед.

— Чудесно выглядишь, дочка.

Это было так просто — зайти и сказать «чудесно выглядишь, дочка» после недель молчания. И я так же просто ответила:

— Благодарю.

Отец помялся в дверях, хотя я никогда раньше за ним такого не замечала. Юргарн Хэдфенгер всегда заходил куда бы то ни было без малейшего промедления и ложного неудобства. Сейчас же эта заминка была очевидна настолько, что я почувствовала ее физически. На уровне каких-то звериных инстинктов. Сама не знаю, откуда во мне это взялось, но такие вспышки у меня иногда случались, как будто часть пламени Торна навсегда осталась во мне.

— Готова стать Лаурой Ландерстерг?

— Лаурой Ландерстерг я сегодня не стану.

— Ты понимаешь, о чем я. — Он все-таки прошел в комнату и остановился рядом со мной. — Как ты?

Как я? Мне почему-то захотелось рассмеяться, и это меня напугало. Гораздо больше предстоящего.

— Чудесно. Разве не видишь? — Я повернулась к зеркалу.

Платье было похоже на свадебное. Бледно-голубые переливы на белом напоминали игру солнечного света на заснеженных вершушках гор. Лиф плотно облегал грудь, кружево казалось присыпавшим кожу снегом, искрящимся под лучами. Юбка обтекала бедра и уже книзу раскрывалась волнами. Дополнял все это великолепии комплект от «Адэйн Ричар», украшения подчеркивали и в то же время сглаживали эффект кольца у меня на пальце. Волосы мне уложили в элегантную прическу, единственной вольностью которой были завитки на висках.

Я выглядела безумно дорого.

Я выглядела как будущая первая ферна.

И чувствовала себя точно так же. То есть — никак.

— Ты восхитительна, — повторил свою мысль отец.

Кажется, наши темы для разговора иссякли.

— Ингрид очень хочет на тебя посмотреть.

Не сомневаюсь. Пока мы готовили платье на завтра (которое мне уже не придется надеть), Ингрид постоянно расспрашивала о том, которое было сейчас на мне. Увы, оно держалось в строгом секрете. настолько строгом, что сложно было даже представить, какую ценность несет информация о выходе Лауры Хэдфенгер рядом с будущим мужем в праздничную ночь.

А ведь это время всегда было наполнено для меня теплом.

Выбором подарков (не заказами через сеть), а поездками в моллы, весельем, улыбками, шутками и совершенно безудержным хохотом — когда мы с Рин прикидывали, что будет, если подарить Ингрид какой-нибудь сувенир из интим-магазина.

Это все было настолько давно — сверкающая упаковка, банты, пакеты, которые водитель заказанного флайса помогает донести до багажника, а потом до лифта. Смех и игра в снежки. Отчаянно-теплые чувства с ароматом шантвейна и хвои, головокружительная скорость центрального катка и предпраздничная суета. Улыбка Дара и первый тост за год, в котором будет много всего чудесного.

— Даргел с Мелори уже здесь?

— Да, — отец кивнул. — Через пятнадцать-двадцать минут откроют телепорт для первых гостей и журналистов.

Значит, скоро за мной придет Торн. Где-то час у нас будет на то, чтобы всех встретить. А потом...

Я снова сжала холодные пальцы.

— Если не возражаешь, я бы хотела остаться одна.

Отец собирался было возразить, но потом кивнул:

— Да. Да, пожалуй, ты права. Лучше поговорим потом.

Он вышел, и стоило двери за ним закрыться, я оперлась руками о столик.

Пятнадцать минут до выхода.

— Лаура.

Торн шагнул в комнату, и я обернулась — пожалуй, чересчур резко. Замерла, глядя на него.

И точно так же напротив меня замер он.

Сейчас он скажет, что я чудесно выгляжу, подумалось мне.

Но он просто стоял и смотрел. Смотрел так, что чуть не посыпались все ледяные стены, которыми я окружала себя — старательно, все это время. Те самые, благодаря которым я не лежала, подтянув колени к груди, и не думала о том, как я буду без него.

Сейчас я об этом подумала.

На мгновение.

На то самое мгновение, что растянулось на время его взгляда, глубокого и настолько знакомого, что мне стало нечем дышать.

Длилось, к счастью, это недолго: взгляд снова стал взглядом Торнгера Ландерстерга, Верховного дракона Ферверна, и меня отпустило. Во всех смыслах.

Стены больше не дрожали, я тоже больше не дрожала. Даже руки были не такие ледяные, когда я вложила пальцы в его ладонь.

— Ты готова, Лаура? — Это было единственное, что он спросил.

«К чему?» — захотелось уточнить мне.

Вместо этого я ответила:

— Готова.

И мы вместе вышли в коридор.

Резиденцию было просто не узнать. Залитые светом коридоры, мергхандары — как на параде. Сейчас она больше напоминала дворец Эргерхардской династии, сменившей в свое время династию Флангеррманских. В те времена наши края назывались Северные земли, и в отличие от материка, на котором располагались Рагран, Лархарра, Фиян и другие, впоследствии объединившие несколько более мелких государств в содружества и союзы, мы всегда были едины. Даже Аронгара в свое время была разделена — Огненные земли, Ильерра и другие суверенные государств. Север же всегда оставался сплоченным под единоличной властью сильнейшей семьи иртханов, управляющей наместниками с очень развитым пламенем. Возможно, именно потому, что иначе в наших краях было просто не выжить.

Миновав коридоры и парадно-праздничные посты, мы с Торном встречали гостей. Я бы никогда не подумала, что смогу улыбаться, зная о том, что хочу сделать. Но я стояла и улыбалась, приветствуя иртханов и иртханесс — здесь были и правящие изо всех городов, и людей, которым предстояло занять места рядом с ними, разумеется, тоже с семьями. Эта помолвка была настолько политической, насколько это вообще возможно.

Все улыбались, веоланское лилось рекой. На меня смотрели со всех сторон, и вскоре я вообще перестала на это реагировать. Я едва ли помнила имена всех тех, кого мне представили, и с кем я здоровалась. Калейдоскоп лиц собирался разными узорами в разных частях празднично украшенного зала, живая музыка — фортепиано и виолончель — вплеталась в многоголосье.

— У меня для тебя сюрприз, — произнес Торн, когда последние из прибывших гостей отошли.

Рядом с нами тут же возник официант с подносом, а меня затошнило.

Натурально так затошнило. Кажется, я переоценила степень своей непробиваемости.

— Сюрприз? — переспросила, чтобы отвлечься от собственных мыслей.

— Да. Уверен, тебе понравится.

Я в этом так уверена не была, но поскольку попытка заговорить закончилась для меня очередным приступом тошноты, решила, что молчать будет лучше. Когда Торн взял с подноса два искрящихся пузырьками бокала с веоланским, свой я приняла автоматически. Мне казалось, что я подавлюсь первым же глотком, поэтому вино я едва пригубила, а если быть точной, просто поднесла бокал к

губам и сделала вид, что пью.

Этот зал был не просто большим, он был огромным, но мне казалось, что с каждой минутой эти стены давят на меня все сильнее. Несмотря на то, что россыпи искр от украшений и запах хвои всегда ассоциировались у меня с праздником, сейчас голова кружилась все сильнее. До тех пор, пока на импровизированную сцену (где расположились музыканты), не вышел конферансье.

— Добрый вечер! — Его приветствие влилось в постепенно затихшую музыку, справа и слева сверкнуло несколько вспышек. Приглашенные журналисты наконец-то переключили свое внимание с нас на сцену. — Совсем скоро мы перейдем в следующий год, но до этого нам с вами предстоит еще два, несомненно, очень важных события! Первое — и основное...

Он хитро прищурился и замолчал, но все посмотрели на нас.

Снова.

Отец с Ингрид стояли в двух шагах, я встретила его улыбку и отвела взгляд.

— И второе. Небольшой сюрприз, которым мы откроем праздничную ночь. Сегодня среди приглашенных женщина, чье имя знает любой фервернец. Так уж получилось, что нам удалось уговорить ее исполнить для нас свою новую песню в качестве праздничного подарка. Встречайте — Сибрилла Ритхарсон!

Зал взорвался аплодисментами раньше, чем Сибрилла поднялась на сцену. Хлопали все, я видела, как у Сильви от восторга горят глаза. Даже Ингрид вытянулась в струну, потому что они стояли чуть наискосок от сцены, и если перед нами все расступились, то им уже не так повезло.

— Всем добрый вечер! — Голос у нее был не просто сильный, когда он прозвучал, затихло все, что звучало. Даже последний всплеск оваций растаял, растворился в коротких мгновениях тишины, пока Сибрилла обводила взглядом собравшихся. — Я очень рада видеть всех вас и для меня большая честь закрыть для вас этот год и открыть новый.

Наверное, у певицы ее уровня по-другому и быть не может, но ее голос даже сейчас, вне песни, пробирал до мурашек. Низкий, чувственный, глубокий — звучащий так, как будто тишина уже сама по себе музыка.

— Эту песню вы услышите первыми. Мне показалось, очень символично исполнить ее именно сегодня, в Праздничную ночь. В ночь перехода из прошлого в будущее. В те мгновения, когда время между ними замирает. Итак...

Вслед за воцарившейся тишиной приглушили свет. Полумрак в зале наполнился ожиданием, когда, казалось, просто отовсюду хлынула музыка. А следом за ней — голос Сибриллы Ритхарсон.

— Закончится прошлое...

Прямо сейчас.

Дорогами разными

Пойдет каждый из нас.

Новые встречи...

И новая жизнь

Тебя попрошу лишь:

Ты только держись!

Память со временем

Покроется льдом,

Новые чувства

Вспыхнут огнем.

Огонь действительно вспыхнул. Полыхнул на мгновение, и этот дикий звериный отклик — отклик каждого из присутствующих ирллангов на ее звучание, отозвался внутри меня с неистовой яростной силой.

— Не будет сомнений

Не будет обид,

Новое время

Нас освободит!

Ведь мир многогранен

И в нем на пути

Так просто, открывшись

Счастье найти.

То счастье, что рядом

С тобой для меня

Казалось сильнее

Любого огня.

Казалось, но прошлое

Здесь и сейчас

Закончится и для тебя,

И для нас.

И мы, распахнув

Крылья сердца в груди

Уверены будем,

Что все впереди.

Пусть новый день

За собою зовет

Шагай же в него...

Как впервые в полет!

Я не сразу поняла, почему так тихо: сначала глухо ударилось внутри сердце. Потом в эту тишину ворвалась другая, напряженная, покалывающая кожу иголочками пламени — едва уловимо. А потом зал снова взорвался аплодисментами: грохотом, который возносился под высокие потолки, отражался от панорамных окон, звучал и вибрировал в каждой клеточке тела, но все равно не мог перекрыть сильное, пламенное звучание голоса Сибиллы Ритхарсон.

От него до сих пор по коже шел мороз. Или жар.

Или и первое и второе вместе.

— Благодарю! — Сибрилла рассмеялась. — Благодарю! Благодарю!

Она была на сцене до тех пор, пока не затихли аплодисменты. А после спустилась и направилась к нам.

— Ферн Ландерстерг.

Остановившись рядом с нами, она взглянула сначала на Торна. Затем на меня:

— Ферна Хэдфенгер.

— Рад личному знакомству, ферна Ритхарсон.

— Взаимно.

— Очень красивая песня, — я сказала это совершенно искренне.

Сибрилла снова взглянула на меня.

— Благодарю.

— Отдыхайте и наслаждайтесь вечером.. — Торн улыбнулся. — Сегодня вы наша гостья.

Знакомство было коротким, но, когда Сибрилла отошла, я невольно посмотрела ей вслед. Сколько же лет этой женщине? Выглядит она роскошно. Иссиня-черное платье облегалo ее фигуру, подчеркивая каждый изгиб. Светлые волосы подняты наверх и каскадом стекают в головокружительный вырез на спине, достаточно провокационный для такого мероприятия. Заканчивался он на талии, подчеркивая красивые бедра так же, как браслет подчеркивал изящное запястье, ткань платья дорого переливалась при каждом шаге.

— Тебе понравился сюрприз? — голос Торна выдернул меня в реальность.

Надо же, благодаря этой встрече я почти забыла обо всем.

— Да. Песня красивая, хотя и неоднозначная.

— Я не знал, что она будет петь. В какой-то мере это был сюрприз и для меня.

— Даже так? — Я приподняла брови.

— Ты научила меня любить сюрпризы.

Жаль, что я не научила тебя любить.

— Хорошо. — Я перевела взгляд на сцену, где сейчас снова играли музыканты.

Свет горел, очарование, волшебство и какая-то проникновенная пронзительность, налитая огнем, развеялась. Теперь это снова был всего лишь политический вечер.

— Хорошо?

Я пожала плечами.

— Я тебя не узнаю, Лаура.

— Я сама себя не узнаю. Извини. У меня есть время пообщаться с братом?

— По крайней мере, минут пять у тебя точно есть.

— Хорошо.

Вот теперь я сбежала. Под аккомпанемент фортепиано и виолончели, вливающих в зал пока еще мягкими волнами. Впрочем, после выступления Сибриллы на музыкантов даже не смотрели, отголоски ее пения до сих пор отзывались искрами воспоминаний.

— Даргел. Мелори. — Я подошла к брату и его девушке.

— Лаура!

Мелори невысокого роста — совсем как Сибрилла, но в отличие от нее — жгучая брюнетка. К тому же, коротко стриженная.

— Лал. Как настроение? — Даргел сжал мою ладонь в своей. — Ты выглядишь...

— Чудесно?

— Необычно, — фыркнула Мелори.

— Да, это именно то, что я хотел сказать.

— Надеюсь, необычно — это хорошо? — Я улыбнулась. — Мел, я украду твоего парня ненадолго.

— Вернуть не забудь, он мне еще пригодится.

— Спасибо, что отвели мне роль робота-уборщика, — шутливо отозвался Даргел, но тут же взял меня под руку и увел в сторону. Ближе к фуршетному столу, рядом с которым пока почти никого не было. — Лал? Все в порядке?

Я хотела ему солгать. Точно так же, как солгала отцу — это было даже не сложно, точно так же, как улыбалась Торну. Вместо этого покачала головой.

— Вы снова поссорились? — Брат нахмурился.

— Нет.

— Тогда что?

— Мы так и не помирились. Точнее, мы даже не ссорились, я просто не представляю, как это назвать. Когда Торн со мной, мы общаемся, но он по-прежнему держит дистанцию. То есть... я вроде как есть, а вроде как...

Я покачала головой.

— Забудь.

— Забыть? — Даргел взгляделся в мое лицо. — Я не хочу ничего забывать. Что происходит, Лал? Чем я могу тебе помочь?

Помочь себе могу только я сама.

— Просто постарайся меня не слишком сильно ненавидеть, ладно?

— Что?

Вместо ответа я порывисто его обняла, а потом отступила в сторону. Даргел попытался меня задержать, но я отняла руку, к нам приблизился кто-то из гостей и обратился к нему. Я же быстро влилась в толпу, улыбаясь так же, как улыбалась гостям при встрече. Торн беседовал с отцом, и, когда я приблизилась, они оба одновременно повернулись ко мне.

Как раз в тот момент, когда музыка стихла, и на сцену снова вышел конференсье.

— Совсем скоро мы будем поздравлять друг друга с новым началом, но прежде чем это случится, мы бы хотели сделать одно объявление. Которое, несомненно, тоже станет новым началом. — Конференсье выдержал паузу и произнес: — Приглашаем! Ферн Ландерстерг, ферна Хэдфенгер!

Нас тоже встречали аплодисментами, под которые сердце подскочило к горлу, и, по ощущениям, там и осталось. Я шла к сцене, испытывая желание развернуться и бежать как можно дальше, но это желание не видел никто. Для всех я просто улыбалась, и все улыбались, единственное встревоженное лицо — почему-то у самой сцены я выцепила его, Даргел смотрел на меня в упор — принадлежало моему брату. Но так и должно было быть, он знал чуть больше, чем все остальные.

По лестнице я поднималась, считая ступеньки. Их было четыре, и каждый шаг повторял удар моего сердца.

Странное дело, еще совсем недавно зал расплывался у меня перед глазами, а сейчас, кажется, я могла разглядеть каждую черточку каждого лица, развернутого к нам. Конференсье протянул микрофон Торну, но я перехватила его в считанные секунды.

Перехватила и поднесла к губам.

— Как уже было объявлено, — произнесла, глядя в зал, — у нас есть очень важная новость. Возможно, это не совсем то, что вы хотели услышать, но...

Я поняла, что если не скажу этого сейчас, не скажу никогда.

— В свете сложившихся обстоятельств мы решили, что слишком поторопились. Помолвка отменяется. Мы расстаемся.

Это было как шагнуть в пропасть, а дальше все стало неважным.

И взорвавшийся множеством голосов зал, и растерянность на лицах, понемногу сменяющаяся осознанием. И вспышки, и суета видеооператоров. И даже кольцо, которое я все-таки стянула и вложила в ладонь Торна.

От которой мгновенно повеяло жутким холодом. Я увидела только искрящийся иней, впитывающийся в его кожу, когда услышала глухой хлопок. Наверное, только я его и услышала, потому что из-за шума в зале расслышать что-то было достаточно сложно. Этот хлопок, источник которого я поняла не сразу, раздался совсем рядом. Я снова перевела взгляд на его ладонь и увидела, что от драгоценного камня, который не способен разрушить даже лазер, осталась густая, похожая на ледяные осколки крошка.

— Одна из причин нашего расставания — отъезд семьи Хэдфенгер из Ферверна. Юргарн Хэдфенгер не сможет приступить к исполнению своих обязанностей, нам предстоят новые выборы. С формальностями на сегодня покончено, предлагаю всем наслаждаться праздником.

Торн говорил без микрофона, это я осознала, когда поняла, что все еще сжимаю его в руке. Так же, как он сжимал в руке превратившееся в крошку кольцо. Но если после моего заявления в зале стало шумно, то после его воцарилась абсолютная, безоговорочная тишина.словно его голос просто выключил остальные даже без усиления. Усилить, по сути, не было необходимости: даже вспышки прекратились, время будто замерло.

За эти мгновения я успела осознать, что он сказал. Как раз вовремя, потому что побелевший до состояния только что выпавшего снега конферансье взял у меня микрофон и профессионально-бодром голосом произнес:

— До нового года осталось пятнадцать минут! Мы...

Он что-то там еще говорил, совершенно точно не в соответствии со сценарием, но вряд ли его кто-то слушал. Торн взял меня под руку — в точности с тем же выражением лица, с которым мы поднялись на эту сцену, по лестнице мы спустились вместе.

— Чудесного вечера, Лаура, — произнес он, глядя мне в глаза.

А после развернулся и направился к дверям. Холод, обрушившийся на меня, едва ли был слабее смысла сказанных им слов: и сейчас, и на сцене.

— Врача! — крикнул кто-то. — Ферне Хэдфенгер плохо!

Я обернулась — лишь на миг — чтобы увидеть, как отец держит на руках потерявшую сознание Ингрид. Его лицо — белое, как у конферансье, искаженное, широко распахнутые глаза Сильви. Странно, но Даргела я не заметила. Это я осознала уже в тот момент, когда бежала, а если быть точной — шла к дверям, настолько быстро, чтобы не сорваться на бег, и настолько медленно, чтобы это не было заметно.

Сомневаюсь, что это не было заметно.

Вспышки возобновились, шум в зале нарастал, но я отрезала себя от него дверями, вылетев за них и с трудом пытаясь втянуть ставший неожиданно холодным и липким воздух. Шаги дракона я слышала отчетливо, и вот теперь, уже совершенно не стесняясь вытянувшихся вдоль коридора мергхандаров, бросилась за ним.

— Торн!

Разумеется, он не остановился. Дверь его кабинета защелкнулась, когда я вылетела из-за поворота. Подлетев к ней, распахнула, врываясь внутрь.

— Ты не можешь с ними так поступить!

Он обернулся. Пламя, сделавшее его глаза похожим на две светящиеся льдины, хлестнуло наотмашь, заставляя отпрянуть на уровне инстинктов. Я с силой вдавила ногти в ладони и шагнула вперед.

— Ты будешь говорить мне о том, что я могу и что не могу, Лаура? — тихо произнес он.

— Они здесь ни при чем!

— Неужели? Твой отец тебя воспитал.

Я задохнулась. От той ледяной жесткости, с которой были сказаны эти слова.

— Знаешь, о чем ты всегда забывала, Лаура? О том, что я могу. Я могу сделать с тобой и с твоей семьей все, что пожелаю. — Он говорил тихо, но в кабинете стремительно холодало. — С теми, кто посчитал возможным играть со мной в игры.

— Нет. — Из рта вырвалось облачко пара, я растерянно смотрела, как мое дыхание тает в разделяющем нас полумраке. — Никто с тобой не играл, Торн. Я пыталась до тебя достучаться. Когда мне стало понятно, что я не могу, я просила тебя меня отпустить. Ты сказал, что ты меня не отпустишь. Что мне еще оставалось делать?!

Кажется, только сейчас я поняла, что он сказал. Точнее, что он сказал еще.

— Моя семья ничего не знала!

— Об этом «ничего» ты шепталась со своим братом перед тем, как подняться на сцену?

Я шагнула к нему:

— Никто ничего не знал! Я никому не говорила! Я жила с этим все это время, пока ты снисходил до меня исключительно для рекомендаций по поводу праздника.

— Превосходно, Лаура. Теперь ты будешь жить с этим всю жизнь.

Он отвернулся и шагнул к столу. Не вполне отдавая себе отчет, что делаю, я бросилась за ним. За секунду до того, как мои пальцы коснулись бы его руки, Торн обернулся. Бросок был молниеносный, только что я видела его спину, а сейчас вижу его лицо. Ледяные пальцы сжимаются на моей шее, снежные искры иглами впиваются в кожу. Это длилось едва уловимое мгновение, а после пальцы разжались, и он отступил.

— Пошла вон. — Дракон указал мне на дверь. — Убирайся. Пока я тебя отпускаю. Сейчас.

Меня трясло от пламени, которое понемногу гасло в его глазах. Зрачки из звериных снова стали человеческими, но ничего человеческого в этом лице не было. На меня по-прежнему смотрел зверь, и я отступила. Развернувшись, вышла за дверь, почти бегом бросилась в сторону зала. За несколько метров до него развернулась снова, метнулась обратно, но уже к лестнице. Я понимала, что если сейчас войду в этот зал, просто рухну на глазах у всех, присоединюсь к Ингрид.

Под бешеный стук сердца влетела к себе — или уже не к себе.

«Убирайся. Пока я тебя отпускаю. Сейчас».

Я зажала руками рот, но тщетно. Тошнота снова подкатила к горлу, я едва успела добежать до туалета, и меня вывернуло наизнанку. Меня выворачивало долго, до глухих хлопков, раздавшихся снаружи.

Фейерверк.

Новый год начался.

На этой мысли меня вывернуло еще раз, казалось, ледяным пламенем, засевшим в самой глубине моего существа. На этой мысли я поднялась и направилась к раковине. Умывшись, обхватила себя руками, пытаюсь унять охватившую все тело дрожь. Я даже не сразу поняла, откуда доносится знакомая музыка, а когда поняла...

Подскочила, метнулась в комнату.

— Лаура! Что у вас там вообще происходит?! — взволнованное лицо Рин.

У них там тоже фейерверк, судя по всему.

— Что?

— Ты что, отказалась за него выходить?!

Я сжала зубы.

— Лаура, дракона твоего за ногу, не молчи! Вы порвали все каналы, сейчас не празднуют, а строят теории, что за чешуйня вообще творится.

Я посмотрела на нее, понимая, как отчаянно мне хочется сейчас оказаться там. Там, с Ринни и Сэфлом, и просто ее обнять, просто заснуть, чтобы закрыть этот день, эту ночь, а завтра... Меня

разрывало от желания набрать Тиуса, сообщить об открытии телепорта, и уйти, как мне было сказано. Но там, внизу, еще оставалась моя семья, и помимо этого, оставалось еще осознание: если сбегу сейчас, на людях я уже никогда больше не появляюсь.

Всю жизнь буду прятаться, стану тенью, которой уже ничего не светит.

Не говоря уже о каких-то кастингах или о чем-то большем.

Мне было странно осознавать, что в такие минуты я еще думаю о кастингах, но, наверное, мы с Торном похожи куда больше, чем мне казалось. Странно, что поняла я это только сейчас.

— Лаура!

— Рин, давай не будем говорить об этом сейчас.

— А когда?! Лаура!

— Передавай мои поздравления Сэфлу. Потом поговорим.

Я нажала отбой раньше, чем подруга успела ответить. Выключила телефон, швырнула его на кровать.

В ванной снова ополоснула лицо, поправила макияж. Хорошо, что макияж мне сделали «на века».

Дорога до зала, куда мы не так давно вошли вместе с Торном, не заняла много времени. Я остановилась только на миг, чтобы расправить плечи и улыбнуться.

После чего шагнула в распахнувшиеся передо мной двери.

Глава 4

Я открыла глаза из-за того, что закатное солнце расплескалось по комнате. Зимой оно кажется особенно ярким и даже обманчиво согревает, если лежать под теплым одеялом и ловить лицом огненные полосы света.

Шевелиться мне не хотелось, ничего говорить или делать — тоже, но так можно и всю жизнь пролежать. Поэтому я вытряхнула себя из-под одеяла и подошла к окну. Еще несколько минут, пока Хайрмарг заливало ярко-красным холодным цветом, растянутым по небу и вонзающимся в стальные иглы высоток, просто стояла и смотрела на город, который мне вскоре предстояло покинуть.

Потом, когда солнце окончательно упало вниз, позволяя сумеркам вползать на улицы, отвернулась. На стуле, поверх моего платья (над созданием которого трудились стилисты Торна), лежал халат. Видимо, Даргел позаботился о том, чтобы мне не пришлось надевать платье, когда я проснусь. По сути, надеть мне было больше нечего: все мои вещи остались в резиденции Торна.

Вечер схлопнулся на удивление быстро. Конферансье еще пытался развлекать собравшихся, но очень скоро все поняли, что это бессмысленно. Официальная часть и фуршет закончились, и телепорты открывались один за другим. На этот раз Торн провожал гостей в одиночестве, и первыми уехали отец с Инрид и Сильви. Со мной они, разумеется, не разговаривали, а нас с Даргелом и Мелори провожал Тиус. Учитывая, что все оставшееся время Торн смотрел на меня, как на пустое место, это было даже к лучшему.

Незадолго до отъезда, во время фуршета, Даргел увел меня из зала, чтобы спросить:

— Почему ты ничего не сказала мне?

Я готова была к упрекам, но не к такому. Поэтому и ответила не сразу.

— Потому что не хотела тебя в это впутывать.

— Я бы поговорил с отцом! — Он невольно повысил голос. — Все это можно было сделать иначе, Лаура!

— Ты так думаешь? — Я подняла голову и посмотрела брату в глаза. — Ты думаешь, что просто так он бы меня отпустил?

В его взгляде сверкнуло что-то яростное, но я не пошевелилась. По ощущениям я вообще превратилась в биоробота, и только когда Дар притянул меня к себе и обнял, судорожно вздохнула. Оказывается, чувствовать — это действительно больно. Поэтому я позволяла себе просто стоять в его объятиях и слушать стук его сердца. В этом биении было гораздо больше, чем в тысячах слов, которые он мог мне сказать. Я просто знала, что он со мной, что он рядом, и что он на моей стороне. О большем нельзя было даже мечтать.

Он не расспрашивал меня и во флайсе, когда мы летели к нему. Мелори эту ситуацию вообще никак не прокомментировала. Они с Даргелом негромко обсуждали какой-то контракт, а я смотрела в окно, смазанными отрывками выхватывая то один район, над которым мы пролетали, то другой.

Сейчас, вспоминая все это, я отложила халат на постель и направилась в ванную. Постояв под душем, насухо вытерлась полотенцем и вернулась в комнату. После чего влезла в это клятое платье. Мне казалось, что я разорву его в клочья, как только у меня будет такая возможность, но пока такой возможности не было. Сейчас мне нужно было ехать к отцу, а ехать в халате — не самая лучшая идея.

Расчесавшись, стянула волосы в хвост, подхватила туфли, и, стараясь ступать бесшумно, вышла из гостевой комнаты в коридор.

В гостиной работал визор, я едва слышала обрывок фразы: «... резиденции Торнгера Ландерстерга» — как мне захотелось зажать уши. Тем не менее я стояла и слушала о том, что сегодня ночью произошло «событие, которого никто не мог ожидать», и уж точно никто не мог ожидать, что «Юргарн Хэдфенгер с семьей в ближайшее время покидает Хайрмарг».

— Лаура! Давно ты тут стоишь?

Я не услышала даже шагов брата, а себя обнаружила прижавшейся к стене. Только встретившись с ним взглядом, осознала, что стою, обхватив себя руками с туфлями в охапке.

— Мне надо к отцу.

— Тебе надо поесть!

— Нет. Мне надо с ним поговорить, Дар.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Не знаю. Но оставлять это так я не могу.

— Тебе... — Даргел явно собирался возразить, но потом только махнул рукой. — Хорошо. Тогда я поеду с тобой.

— Нет. — Я покачала головой. — Твое место здесь. С Мелори.

— Тебе не кажется, что я уже достаточно взрослый мальчик, чтобы решать, где мое место?

— Мне нужно решить это самой. Понимаешь? Я не хочу прятаться за твоей спиной. Я это сделала, и мне за это отвечать.

— Это сделала не ты, Лаура, — резко перебил он. — А Торнгер Ландерстерг. В любом случае, пока ты не поешь, из дома я тебя не выпущу. Идем.

Я тоже собиралась возразить, но поняла, что в данном случае единственное решение — это компромисс. В результате через пятнадцать минут мы сидели на кухне, делая вид, что все хорошо. Визор, разумеется, выключили, Мелори пыталась поддерживать разговор, но вскоре махнула рукой, и потом мы все просто жевали. Я — быстрее всех. После вчерашнего казалось странным, что мне вообще кусок в горло лезет, но он не просто лез, я съела, кажется, почти все, что было на столе, при этом продолжая ощущать себя дико голодной.

Это оказалось хорошим знаком: Даргел чуть-чуть расслабился, видимо, осознавая, что я не собираюсь морить себя голодом, и у нас даже получился кое-какой разговор о том, что когда я вернусь, я могу оставаться сколько захочу.

«Сколько захочу» в этом случае подразумевало, что я остаюсь в Хайрмарге.

— Я поговорю с Ландерстергом, — неожиданно решительно произнес Дар. — Тебе никуда не придется уезжать, закончишь с экзаменами, получишь диплом, и я помогу тебе найти работу. Все будет хорошо, Лаура. Я тебе обещаю.

Мелори скептически приподняла брови, но ничего не сказала.

— Уберу посуду и пойду разворачивать подарки. Надо же это когда-нибудь сделать.

Даргел посмотрел на нее так, словно не понимал, о чем она вообще говорит, или тоже очень неожиданно вспомнил про подарки. Тем не менее я молчала до тех пор, пока Мел не оставила нас одних, и только потом сказала:

— Не стоит.

— Не стоит? Что значит — не стоит? Если отец с Ингрид вполне способны о себе позаботиться, то ты...

— Я тоже способна о себе позаботиться. И я не останусь в Хайрмарге, Дар.

— Хорошо. И куда же ты собираешься? В Бельвенхарт? В Ниргстенграффе сейчас делать нечего, у них там с экономикой проблемы и с работой не вариант...

— В Рагран.

— Что? — переспросил Даргел.

И тогда я повторила больше для себя, чем для него.

— Я переезжаю в Рагран.

Брат хмурится и тяжело опирается о стол, потом снова подается назад.

— Лаура. Ты серьезно?! Это ведь другая страна!

— Это другая страна, где родилась моя мама. — Я тут же поправляюсь: — Наша мама.

— Но она даже на сотую часть не похожа на Ферверн... я имею в виду, какие там у тебя перспективы?!

— Там шоу «Эрвилль де Олис».

— «Эрвилль де Олис»?! Ты серьезно? То самое, кастинг на которое отменил Ландерстерг?! — Даргел все это выпаливает на одном дыхании, потом подается назад, проводит рукой по волосам. — Прости. Лаура, нет. Я не могу тебя отпустить.

Я приподнимаю брови.

— Ты понимаешь, о чем я! Там нет никого, кто о тебе позаботится!

— Я уже сказала, что я сама о себе позабочусь. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Моя проблема в том, что обо мне заботились все, кому не лень. Я хочу строить свою жизнь сама. Хочу понять, что я вообще из себя представляю. Это достаточно сложно, когда кто-то постоянно хочет о тебе позаботиться, не находишь?

Какое-то время мы смотрим друг другу в глаза, потом Даргел качает головой.

— Хорошо. Шоу. Предположим. Но что ты будешь делать первое время? Откуда ты возьмешь деньги?

— Я копила на путешествие, — говорю я.

— На путешествие?

— Да. Хотела поехать в Зингсприд, в Аронгару, когда закончу учебу. Правда, в последнее время я об этом забыла, поэтому мечта уже за мечту не считается, ну а на то, чтобы начать новую жизнь, мне хватит вполне.

Даргел поднялся из-за стола. Прошелся по кухне, вернулся к столу и встал рядом со мной.

— Как много я еще о тебе не знаю, Лаура? Ты хотела в Аронгару?

— Я копила с первого курса, — я смеюсь. — Скажем так, когда-то для меня это было очень важно. пляж, океан, жара, и я одна — вся такая роскошная, в купальнике, но главное — свободная, потому что все экзамены остались позади, и я могу наслаждаться жизнью перед тем, как выйти на работу. Правда, где-то на третьем курсе я чуть все не потратила, когда захотела флайс.

— Я это помню. Папа сказал, что водить ты не будешь, потому что незачем, — хмыкнул Даргел.

— Да, и я всерьез бегала по салонам, выбирала подержанные флайсы, но так ничего и не выбрала. За ту сумму, что у меня была, я могла купить разве что Ролек.

Вот теперь Даргел хохочет. Ролек — миниатюрный флайс, по размерам несущественно превышающий аэрокары для взрослых в парке аттракционов. Как бы там ни было, колени в нем разъезжаются в стороны во время вождения, потому что их больше девать некуда.

Когда я вспоминаю, как пыталась в нем посидеть, сама начинаю хохотать. То ли смех у брата чересчур заразительный, то ли во мне было слишком много напряжения, но мы смеемся как сумасшедшие, особенно я — у меня даже слезы на глаза наворачиваются. К нам заглядывает Мелори, машет рукой и тут же исчезает, но ее появление словно возвращает нас в реальность. Первым перестает смеяться брат, я за ним.

— Лаура. Аронгара, — говорит он спустя непродолжительную паузу. — Почему ты не хочешь поехать в Аронгару?

— Там жизнь дороже, — говорю я.

— И нет «Эрвилль де Олис»?

— И нет «Эрвилль де Олис», — я улыбаюсь. — Серьезно, я пока даже не знаю, где хочу жить, Дар. Но начать хочу с Раграна, это я знаю точно. Хочу посмотреть на город, в котором родилась и выросла мама. Хочу его почувствовать. Хочу пройтись по улицам, по которым ходила она, а там... кто знает. Я больше не хочу ничего загадывать. Пусть все будет так, как будет.

Мы снова молчим, брат притягивает меня к себе. Я сижу на стуле, его руки, его объятия — это мой оплот, который придает мне сил в последнее время.

— Ты правда на меня не злишься? — неожиданно спрашиваю я.

— За что? — хмыкает он. — За то, что не захотела жить с монстром?

Это «монстр» почему-то неожиданно больно ударяет по мне. Прямо в сердце.

— Торн не монстр, — говорю я.

— А кто? — хмыкает Даргел. — Кто может выслать семью из страны только потому, что ты ему отказала?

— Дракон, — я пожимаю плечами. — И давай об этом больше не будем. Хорошо?

— Хорошо.

Даргел еще раз предлагает поехать со мной или хотя бы меня проводить, но я отказываюсь. Это действительно мое дело, брат тут ни при чем, и ему полагается нормальный (хотя бы относительно) праздничный вечер наедине с любимой женщиной.

По дороге я думаю о Гринни и Верраже. О том, что Верража я больше не увижу, и о том, что Гринни безумно к нему привязалась. Так дико испугавшись в день первой встречи, сейчас она умудрялась спать на нем, отбирать у него игрушки, а в следующий момент уже тащила ему свои. Они были неразлучны, но сейчас, после всего... как все будет для них?

И где сейчас Торн?

Я запрещаю себе об этом думать, потому что это действительно больно. Моя жизнь без него. Но моя жизнь с ним невозможна, а значит, мне надо учиться жить без этих чувств. Начиная прямо сейчас, с этой минуты. Я вдруг отчетливо осознаю, что со мной нет ни Хестора, ни мергхандаров, и что мне безумно непривычно... так. Хотя я всю свою жизнь, за исключением последнего месяца, провела так, как сейчас, мне не хватает этого месяца.

А если быть точной, мне не хватает Торна.

Все, хватит!

Я решительно обрываю себя на этой мысли, думаю про Аронгару. Когда-то я и правда отчаянно хотела поехать на этот курорт — одна, взрослая, крутая. Сейчас я понимаю, что эта мечта уже давно перестала быть для меня важной, и что самое страшное, «Эрвилль де Олис» тоже больше не воспринимается как долгожданное счастье.

Осознание этого обрушивается на меня в ту минуту, когда флайс идет вниз, на парковку. Я благодарю водителя, выхожу, стараясь не думать о том, о чем только что подумала. Потому что если рухнет моя последняя мечта, мой мир рухнет вместе с ней окончательно, и что я буду делать тогда?

Выхожу из лифта, шагаю к двери, открываю своим ключом.

В холле темно, но стоит мне войти, свет зажигается автоматически. Доносящиеся из гостиной голоса стихают, встречать меня выходит Ингрид. Ее лицо просто каменное, но прежде чем я успеваю открыть рот, она шагает ко мне и изо всех сил залепляет мне пощечину.

Боль обжигает щеку, но еще сильнее обжигает холод. Волна ледяного холода поднимается изнутри, когда я изо всех сил даю пощечину Ингрид. Раскрытой ладонью — от души, и ее голова дергается в сторону. Глаза широко распахиваются: как раз в тот момент, когда в холл входит отец.

— Юргарн! — Визгливый голос Ингрид совершенно не вяжется с выражением ее лица, когда я вошла, а с настоящим — растерянным, наливающимся злобой — вполне. Она прижимает ладонь к щеке и отступает к моему отцу: — Она меня ударила! Ты это видел?! Она! Меня! Ударила!

— Я пришла поговорить с тобой, — игнорируя верещание Ингрид, говорю я. — Ты готов меня выслушать?

Кажется, такого не ожидал никто. Лицо отца тоже меняется: из холодного, отстраненного, оно становится еще более холодным и отстраненным.

— Тебе здесь не рады, Лаура.

— Значит, нет. — Я ставлю сумку на знакомую полочку. — И все-таки я настаиваю. Пойдем в кабинет, не хочу говорить при посторонних.

Ингрид переводит взгляд на меня, потом на него.

— Ты слышал?! Нет, ты это слышал?! И после всего, что она сделала, у нее еще хватает совести...

Не дожидаясь продолжения, я подхожу к ним, из-за чего Ингрид лишается дара речи. Беру отца под руку и киваю в сторону коридора. Странное дело, но он сразу идет за мной, а я... я чувствую разрастающуюся внутри ледяную бурю. Такую, как если бы в двух шагах от меня стоял Торн, и его пламя бежало по венам, превращая мою кровь в жидкий азот.

В кабинете я устраиваюсь в кресле, в котором когда-то сидела... будем честны, я часто в нем

сидела, в том числе и в тот день, когда узнала о приглашении от «Эрвилль де Олис» и моем «почетном» назначении на должность одной из невест Торна. Мне стоило тогда вести себя как сейчас. Стоило тогда проявить больше твердости, и ничего этого сейчас не было бы.

Но все это было. Поэтому я дожидаюсь, пока отец сядет напротив меня, и говорю:

— Я люблю тебя.

Такого он еще больше не ожидает, поэтому на миг замолкает, а потом его лицо искажается от гнева.

— Ты?! Ты хоть представляешь, что ты натворила?! Ты уничтожила нас. Нашу семью! Все, к чему я шел долгие годы, разрушила мою карьеру. Нам придется уехать, а я даже не представляю, куда.

— Возможно, так будет лучше.

Отец моргает, словно не верит в то, что я сказала, а я продолжаю:

— Я люблю тебя. Я люблю Сильви. Я даже Ингрид по-своему люблю, но ни тебе, ни ей я больше не позволю повышать на меня голос или поднять на меня руку. Ты ударил меня, когда я больше всего нуждалась в твоей поддержке, ты отдал меня мужчине, который считает возможным выслать нас из страны только потому, что все получилось не по его. Теперь подумай, стоит ли переживать о том, что ты не займешь правящую должность рядом с ним.

— Ты сумасшедшая, — выдыхает отец. — Ты сошла с ума, Лаура!

Он поднимается из-за стола, подставка для планшета летит на пол из-за его резкости.

— Ты пришла сюда после всего, что ты натворила, и ты мне все это говоришь... ты смеешь мне все это говорить?! После всего, что я для тебя сделал? Да я пытался устроить твою жизнь, чтобы ты не прыгала все время, сверкая трусами, на своих лентах! Чтобы у тебя было все! И как ты этим распорядилась?! Выбросила на помойку! Вместе с семьей! Со всеми нами! После этого ты смеешь говорить мне о любви?!

Я глубоко вздыхаю. Слова отца должны больно ранить, но боли нет. По крайней мере, я ее не чувствую: то ли срабатывает заморозка, взявшаяся во мне непонятно откуда, но очень кстати. То ли я все это пережила в тот вечер, когда очнулась после случившегося в «Алой ленте». Я не нужна ему. Он меня не слышит. Не понимает. Не хочет понимать. А я не хочу понимать его, и наверное, это уже стоит признать. Равно как стоит переставать цепляться за прошлое.

— Пожалуй, мне лучше уйти. — Я поднимаюсь.

— Тебе не стоило приходить! — кричит отец. — После того, что ты сделала, тебе не стоило даже переступать порог этого дома! Я, Ингрид... о своей сестре ты подумала?! Она только начинала учиться! Ты разрушила ее жизнь!

Его лицо искажено, я не хочу запоминать его таким. Поэтому быстро отворачиваюсь и иду к двери. Это не больно под заморозкой, нет, но это больно где-то на уровне сердца, которое все еще чувствует иначе. У двери я все-таки останавливаюсь, оборачиваюсь:

— Я переезжаю в Рагран. Если тебе интересно. Все контакты я оставлю Даргелу, поэтому когда ты будешь готов со мной говорить...

— Когда я буду готов?! — Отец раздувает ноздри. — Я жалею только о том дне, когда позволил твоей матери совершить это безумство. Ей надо было сразу сделать аборт.

Я выхожу за дверь. Он кричит мне вслед что-то еще, что-то еще падает и, судя по звуку, разбивается, но я просто прохожу по коридорам, возвращаюсь в холл. Ингрид по-прежнему там, стоит, как приклеенная. Только заметив меня, указывает вверх:

— Твои вещи доставили сегодня. Забирай их и выметайся, и не вздумай приближаться к Сильви! Она проплакала весь день, и только что заснула.

Ее взгляд просто сочится ненавистью, но я спокойно его выдерживаю. Прохожу мимо, направляюсь к лестнице.

— Как ты себя сейчас чувствуешь, Лаура? — Голос Ингрид дрожит. — Как ты себя чувствуешь, уничтожив свою семью?! Неблагодарная эгоистка!

Я лишь на миг задерживаюсь на лестнице, но потом понимаю, что это бессмысленно. Даргел оказался прав: мне сюда приезжать не стоило. Или, по крайней мере, не стоило делать этого сейчас, но с каждым шагом лед во мне становится крепче. Он нарастает броней, покрывая меня

изнутри и снаружи, и каждый мой шаг становится более уверенным и жестким.

Ингрид взлетает за мной по лестнице, бросается наперерез, и закрывает дверь в комнату дочери собой.

— Не смей. Не смей к ней заходить. Слышишь?

Я отодвигаю ее с той же легкостью, с какой могла бы отодвинуть аэрокресло. Она вроде пытается вцепиться в меня, но под моим взглядом просто отступает, только глаза полыхают.

Сильви действительно спит, светлые волосы разметались по подушке. Лицо опухшее от слез, зареванное, и я сжимаю кулаки, чтобы развернуть себя на пороге и выйти, не приближаясь. Мне безумно хочется поправить ей одеяло.

Мы никогда не были лучшими подругами, но мы были сестрами.

Поэтому сейчас я все-таки подхожу к ней, убираю волнистую прядь со лба, а потом разворачиваюсь и быстро выхожу. Мимо Ингрид, к себе в комнату. В комнату, которая когда-то была моей, а сейчас заставлена сумками, которые доставили из резиденции Торна. Сумок много, но посреди них, с совершенно несчастным, растерянным видом сидит Гринни. Увидев меня, виаренок с верещанием бросается ко мне, трется об мои ноги, пытается запрыгнуть на руки.

Я подхватываю ее, и меня тут же обжигают горячим носом, а потом стирают кожу шершавым языком. Мне хватает одного такого «лизь», чтобы ссадить пушистую прелесть на пол, и потерять горящую щеку.

— Сейчас поедem, — обещаю я. — Мне нужно только найти кое-что.

Рамка с маминым фото обнаруживается в сумке с бельем. С тем самым, которое я так и не надела, и еще с несколькими комплектами. Я отставляю эту сумку в сторону, ишу костюм. Костюм, купленный на кастинг, и коньки. При должной трамбовке все даже поместится в одну сумку.

Помещается.

Она, правда, получается увесистой, но так все равно проще. Я цепляю к ошейнику Гринни поводок, но виари не перестает верещать. Крутится, беспокойно заглядывает в глаза, словно спрашивает: «Мы же вернемся к Верражу? Вернемся? Вернемся? Вернемся?»

Я понимаю, что так и не попрощалась с ним вчера, и на глаза наворачиваются слезы. Странно, разговор с отцом, Ингрид, спящая Сильви — ничто из этого не смогло вытащить их из меня, а мысли о Верраже смогли. Вот только сейчас они точно будут некстати. Поэтому про Верража я больше не думаю. Пока.

Водитель заказанного флайса косится на Гринни, но, когда видит, что я беру ее на руки, сразу успокаивается.

— В гостях были? — спрашивает он, отправляя мою сумку в багажник. — Я вот тоже в гостях с женой отмечал. Правда, вы видели, что сегодня ночью случилось?.. Так вот, я...

Я шагаю под свет фонаря на парковке, и водитель замирает. Начинает часто-часто моргать, потом захлопывает багажник и убегает на свое место. Всю дорогу молчит, даже не смотрит на меня в зеркало, как обычно бывает — случайный взгляд во время движения по скоростной магистрали. Едва высадив меня на средней парковке высотки, где живет Рин, тут же снова бросается к флайсу, и машина взмывает ввысь.

Да, сегодня ему точно будет что рассказать жене.

Я какое-то время стою рядом с сумкой, через которую туда-сюда прыгает Гринни, потом подхватываю свой нехитрый багаж и иду к дверям. Набираю на прогретой панели номер квартиры, и мне отвечает мама Рин:

— Лаура?!

Ее голос удивленный, высокий, и я смотрю в глазок камеры.

— Лаура, Рин сегодня ночует у Сэфла.

Почему я об этом не подумала? Возможно, потому что раньше она у него не ночевала (не считая исключений вроде праздников)? Ну или потому, что ферн и ферна Рибельгар всегда были против этого (не считая исключений вроде праздников, а сегодня вроде как продолжение праздников).

Надо было сразу ехать к Сэфлу. Или к Даргелу. Или в гостиницу.

Где на меня все будут смотреть примерно как водитель.

Прерывая мои мысли, раздается негромкий щелчок, и дверь открывается.

— Заходи, Лаура! — говорит мама Рин. — Заходи, заходи, не стой на морозе. Мы с Нэгом как раз собирались ужинать.

Глава 5

— То есть как обязательно? Это же тэльс!

Ветеринар сочувственно на меня посмотрела:

— Сожалею, ферна Хэдфенгер. Вы не сможете вывезти ее в Рагран без кристалла. Это международное требование для перевозки виаров всех пород людьми. Исключений нет.

Я посмотрела на Гринни. Гринни посмотрела на меня. Огромные глаза распахнулись широко-широко, виаренок подскочил, потерялся о мои ноги и снова плюхнулся на попу.

— Кристаллы — это очень страшно?

— Как вам сказать. — Ветеринар протянула мне карточку — ветпаспорт Гринни, с которым я носилась вот уже пять дней. Пять дней, чтобы сейчас узнать, что мне все равно не позволят забрать ее без кристалла! — Кристалл подавляет животные инстинкты, звереныш станет ленивым, будет меньше играть. В будущем это, разумеется, тоже скажется на ее поведении, она станет больше кушать, будет еще сильнее привязана к вам. То есть если сейчас мы видим перед собой совершенно самостоятельного зверя, то из-за кристалла она утратит часть личности, будет зависима от вас. Вы станете для нее центром Вселенной, что, по моему мнению, еще не шло на пользу ни одному виару. Я бы рекомендовала вам оставить ее в Ферверне, если вам есть на кого ее оставить. Потом вы вернетесь, и...

Я не вернусь.

Вслух я этого не сказала, равно как и не поинтересовалась — она что, визор не смотрит? Скандал с расторжением помолвки продолжал полыхать — по всем каналам, во всех источниках. В сеть я уже давно не заходила, а на улицу выходила только в солнцезащитных очках, хотя к Рин журналисты добрались достаточно быстро. Сэфлу пришлось задействовать все свои связи, чтобы меня оставили в покое, но его связи были весьма ограничены, поэтому в покое меня оставили не все.

Оказываясь на улице, я уже мысленно была готова к тому, что в любой момент откуда-нибудь выскочит журналист с неудобными вопросами, и что Сэфлу придется его оттеснять. Он не выпускал меня на улицу одну, и я даже не сопротивлялась. Больше того, была отчаянно ему благодарна за то, что он, как и Рин, как и ее родные, остается со мной, и что даже воспользовался возможностью взять отпуск мергхандара, чтобы иметь возможность меня сопровождать.

— Хорошо. Я поняла. Спасибо.

Я взяла паспорт Гринни и поднялась.

Сэфл дожидался меня в коридоре, поэтому, стоило мне выйти, тут же шагнул ко мне.

— Лаура? Что случилось?

— Они говорят, что ей нужно ставить подчиняющий кристалл.

Он приподнял брови:

— Тэльсу?!

— Да. Тэльсу. Требования одинаковы для всех, и служба ветконтроля ее просто не пропустит.

Мы с Сэфлом одновременно посмотрели вниз: кроха сидела на полу и стучала хвостом. От счастья. За несколько дней она ожила, но вечерами все равно сидела у дверей и ждала, что ее отвезут к Верражу. Что, впрочем, не мешало ей наслаждаться жизнью сейчас.

— И что ты решила?

— Не могу так с ней поступить. Не могу вживлять ей эту дрянь, которая превратит ее в мягкую игрушку.

— Ладно. По дороге подумаем, что с этим делать. — Сэфл приобнял меня. — Дар с Мелори ждут нас всех на ужин, поэтому сразу летим туда. Или тебе надо переодеться?

— Нет, — я покачала головой.

— Тогда отлично. Пойдем!

— Нет. Сначала мне надо кое-куда заехать.

— Хорошо, во флайсе скажешь, куда...

— Скажу здесь, потому что не уверена, что могу тебя об этом просить. Мне нужно в Айрлэнгер Харддарк.

Сэфл выразительно на меня посмотрел. Очень выразительно. Раньше я даже не подозревала, насколько выразительным может быть его лицо.

— Мне стоит говорить о том, что это не самая удачная идея?

— Идея, может быть, и не самая удачная, но я не могу просто оставить ее в Хайрмарге. — Я взглянула на Гринни, которая уже несколько раз закрутила вокруг моих ног поводок и теперь пыталась понять, как это исправить. — У нее две привязки: Верраж и я. Если я не могу быть рядом с ней, пусть будет он.

— Это я понимаю, — Сэфл помолчал: явно хотел добавить что-то еще, но потом все-таки произнес: — Ладно. Пойдем.

Прежде чем пойти, мы распутали Гринни, и я подавила желание взять ее на руки. Расставаться с ней мне не хотелось, но еще больше не хотелось, чтобы ей снова пришлось привыкать к кому-то, пусть даже это Сэфл или Рин, которые сумеют о ней позаботиться. Сумеют же? В глубине души я понимала, что меня просто могут не пустить даже на порог Айрлэнгер Харддарк, не говоря уже о пороге кабинета Торна, но... но. Нет, я не могу оставить Гринни на друзей, ей нужен дом. Ей нужен Верраж, и только с ним она будет чувствовать себя спокойно.

Во флайсе мы молчали, на подлетах к сердцу Хайрмарга меня начало потряхивать. Не сказать, что я не чувствовала такого раньше, но к этой встрече совершенно точно была не готова. Нам не стоит встречаться. Особенно сейчас.

Гринни, словно чувствуя мое настроение, начала вертеться и жалобно пищать. Тыкалась носом мне в руки, я же снова превратилась в ледяную статую: так прошла дрожь. Сэфл изредка на меня смотрел, но не говорил ничего. Только подал руку, чтобы помочь выйти на парковке.

В двери высоты мы вошли вместе.

— Я могу...

— Не стоит. — Я покачала головой. — Просто подожди, пока все решится.

Или не решится.

— Ферна, сюда нельзя с животными... — К нам подошел охранник, но, едва я сняла очки, замер. В ледяную статую ему не грозило превратиться, потому что пламени во мне не было, но по ощущениям он окаменел.

— Это не просто виари, а подарок ферна Ландерстерга. Будьте так любезны оформить для меня пропуск. Мне нужно срочно его видеть.

Охранник пришел к себе достаточно быстро, шагнул к стойке регистрации. Спустя несколько мгновений на меня уже смотрели все: и собравшиеся за стойкой, и охранники, и визитеры Айрлэнгер Харддарк, и ее сотрудники, оказавшиеся в холле по той или иной причине. Я чувствовала, как вокруг меня замедляется жизнь и движение — только что человек или иртхан шел, и вот он уже замедляется — настолько, чтобы суметь меня рассмотреть, или хотя бы украдкой оценить, что же это за женщина, которая рискнула явиться сюда после всего.

Да, пожалуй ни одно шоу не способно было превратить меня в знаменитость так быстро.

— Ферн Ландерстерг не готов вас принять, — ко мне с предсказуемым в принципе ответом приблизился охранник.

— Что ж, в таком случае, я останусь здесь до тех пор, пока он не будет готов.

— Вы не поняли, ферна Хэдфенгер. Я настоятельно прошу вас уйти, в противном случае нам придется вывести вас силой.

— Нет, это вы не поняли. — Я улыбнулась. — За той дверью с десятков журналистов, которые будут счастливы увидеть, как ферну Хэдфенгер вышвыривают за дверь ее бывший потенциальный супруг. Уточните у него, желает ли он лицеизреть это во всех СМИ уже сегодня, а заодно и услышать комментарии бывшей невесты. И если нет, я повторю свою просьбу: будьте так добры оформить для меня пропуск.

Журналистов за той дверью, разумеется, не было: к Айрлэнгер Харддарк без разрешения они

слетаться побаивались, но в том, что я могу устроить скандал, который снимут все без исключения находящиеся в этот момент на улице, охранник явно не сомневался. Равно как и в том, что я могу дать комментарии журналистам, которые ждут чуть поодаль. О том, что они не ждут, он тоже не мог знать. Возможно, именно поэтому, поколебавшись, направился к стойке снова.

Гринни пискнула, и я опустилась рядом с ней.

— Ох, зверь, — сказала еле слышно, — знала бы ты, куда я тебя привела...

Зверь явно не знала, но мне доверяла безоговорочно. Хлопала длинными ресницами и смешно сопела, пока я чесала ее между ушей. Если бы только можно было забрать ее с собой! Если бы только можно было...

Все, я не буду об этом больше думать.

— Ферна Хэдфенгер. — Голос охранника заставил меня поднять голову. Мужчина протянул мне пропуск. — Ферн Ландерстерг вас примет.

— Чудесно. — Я поднялась. — Спасибо.

Сэфл шагнул было ко мне, но я покачала головой, направляясь к турникетам. Гринни все-таки пришлось взять на руки, внутри все мелко подрагивало — я только что выиграла битву, но самая большая битва у меня была еще впереди. Маленькое сердечко колотилось под моей ладонью чуть ли не быстрее моего, у виаров пульс чаще, чем у людей. Это я узнала, пока оформляла ветпаспорт, а вот про кристалл заранее узнать не потрудились.

Я готова была думать о чем угодно, только не о том, что меня ждет впереди, тем не менее, в лифт вошла, гордо расправив плечи. Взгляды, прилипающие ко мне, уже давно перестали беспокоить — это была наименьшая из проблем, с которой мне предстояло столкнуться в самое ближайшее время.

Знакомая приемная и секретари с каменными лицами: молодой человек помог снять пальто, дежурно предложил кофе, от которого я отказалась. Спустила Гринни с рук, и она не то фыркнула, не то чихнула — видимо, от запаха туалетной воды секретаря, оказавшегося несколько резковатым.

— Ферн Ландерстерг вас ждет, проходите.

Я глубоко вздохнула.

И шагнула за дверь.

Торн взглянул на меня, стоило переступить порог. Я уже и забыла, каково это — находиться в его кабинете, в просторном, залитом светом, но от этого не становящимся менее холодным. Сталь, повсюду сталь и лед. Раньше этот взгляд пригвоздил бы меня к двери, но сейчас она просто с легким щелчком закрылась за моей спиной.

— Итак, Лаура, ты решила остаться.

— Что?

— Я сказал, что ты можешь уйти, пока я тебя отпускаю, — произнес он, поднимаясь из-за стола и шагая ко мне. — Но ты решила остаться. Вопрос только в том, в качестве кого.

Этот новый Торн точно был мне незнаком. Я помнила ледяной взгляд, и пламя, рождающееся за полосами вертикальных зрачков, но не стоявшего передо мной мужчину.

— Я здесь не ради тебя. Я здесь ради нее. — Я посмотрела на Гринни, которая прижалась к моим ногам. — Я не могу ее забрать с собой, и я пришла тебя попросить...

— Ты. Пришла. Попросить. — Он оборвал меня так же резко, как мог рассечь ледяную глыбу своей силой. — Хорошо. Проси.

Я замерла. Подавилась воздухом, или что там еще во мне было, вставшее поперек горла и мешающее сделать вдох. Только сейчас я заметила, что его рука — та, в которую я вложила кольцо, выглядит неестественно-жутко. Полностью покрытая чешуей, как если бы Торн начинал оборот, пальцы искрятся дымкой ледяного пламени.

— Что... — Во мне хватило сил на одно короткое слово. Голос внезапно сел. — Что случилось?

— Ледяное пламя, Лаура. — Он приблизился ко мне и поднес руку к моей щеке. Иглы пламени ужалили так сильно, как если бы к коже с размаху приложили лед или раскаленный металл. Хотя он ко мне даже не прикоснулся. — Злоупотребление пламенем никогда не проходит безнаказанно, но ты здесь явно не за этим. Ты собиралась просить, так проси.

От него исходило безумное, давящее ощущение невероятной силы. Раньше я чувствовала ее иначе, сейчас же все инстинкты вопили о том, что нужно развернуться и бежать, спастись. Словно в подтверждение этому Гринни жалобно пискнула и сильнее прижалась к моим ногам. Виаренка была крупная дрожь.

— Я хочу... — Я сглотнула, глядя в эти неестественно-человеческие глаза: в них не было огня дракона, но и человеческими их назвать было нельзя, люди так не смотрят. — Я прошу, чтобы ты позволил ей остаться с Верражем. Они подружились, и он никогда не оставит ее и не даст в обиду. Если я правильно понимаю драконов...

На губах Торна мелькнула усмешка.

— Понимаешь драконов? Нет, Лаура, ты ничего не знаешь о драконах. Иначе у тебя не хватило бы смелости подняться сюда и о чем-то меня просить. И уж тем более выдвигать условия моим сотрудникам... Как ты там сказала? Желаю ли я лицедреть во всех СМИ — что? Как моя бывшая невеста снова позорится на глазах у всех? Признаюсь честно, мне плевать. Можешь прямо сейчас выйти из этого здания, можешь прямо сейчас дать интервью всем, кому хочешь. Ты думаешь, что способна меня задеть — после того, что ты уже сделала?

Вот сейчас в его глазах на миг мелькнули опасные искры пламени, которые мгновенно погасли.

— Зачем же тогда ты меня позвал? — тихо спросила я. — Почему разрешил войти?

Одно короткое движение — и поводок Гринни осыпался крошкой льда под прикосновением пальцев. Тех самых пальцев, которые непрерывно окружало серебристо-голубое свечение, подчеркивающее покрывающие его руку чешуйки. Виари взвизгнула, метнулась под стол, но не успела:

— Замри.

Короткий приказ мог остановить не то что крохотного виаренка, а зверя, дракона с немыслимой силой огня. Торн подхватил ее здоровой рукой, вышвырнул за дверь, в приемную, и вернулся ко мне.

— Хотел посмотреть тебе в глаза, Лаура. Хотел понять, что же мне с тобой делать дальше.

Несмотря на исходящую от него силу, вызывающую только одно желание: обхватить себя руками, сжаться, отступить, опустить голову — я продолжала смотреть ему в глаза.

— Посмотрел? — спросила я. — Понял?

— Вполне. — Он отступил. — Животом на стол. Ноги раздвинь.

Сначала я не поверила тому, что он сказал. Реальность обрушилась на меня мгновением позже.

— Я пришла сюда ради Гринни, — повторила, сжимая кулаки. — Это ребенок. Пусть даже ребенок виари. Если бы помощь требовалась нашему ребенку, ты бы тоже заставил меня раздвинуть ноги?

Его лицо стало страшным. На мгновение стало настолько страшным, что я чуть на шарахнулась назад. Осталась на месте только потому, что понимала: к этому зверю нельзя поворачиваться спиной. Уж точно не сейчас.

Не знаю, сколько это длилось — мгновение — или бесчисленное множество невыносимых минут, когда он, наконец, произнес:

— Если бы у нас был ребенок, Лаура, я бы не позволил тебе к нему даже приблизиться.

Теперь это был самый обычный Торн, но самый обычный Торн уже был на моих глазах совершенно другим. Далеким, незнакомым, опасным.

Настолько опасным, насколько может быть дракон.

Да, я действительно слишком мало о них знаю. Но что самое интересное...

— Я ничего не знаю о драконах, — подтвердила я, шагнув к нему. — Но больше ничего не хочу о них знать. И я искренне счастлива, что детей у нас нет.

Теперь я знала, что он меня больше не остановит, поэтому повернулась и вышла. Спокойно — на первый взгляд, хотя я поклесться могла, он чувствовал каждый мой удержанный вздох, даже самую тонкую дрожь в каждой клеточке тела, каждый удар сердца, падающего вниз. Возможно, даже струйку холодного пота, сбежавшую по спине.

Мог ли он просто швырнуть меня на стол лицом вниз? На секунду мне показалось, что да. Но быть в

этом уверенной я не могла, потому что я действительно ровным счетом ничего о драконах не знала.

— Ферна Хэдфенгер, ваше пальто. — Молодой человек шагнул ко мне, а девушка — второй секретарь, была занята тем, что вытаскивала Гринни из-под стола. Впрочем, вскоре это занятие стало бессмысленным: увидев меня, виари с верещанием метнулась через всю приемную, взлетела на своих тонких крылышках и плюхнулась прямо в подставленные руки.

Я обняла ее, прижала к себе и поспешно выбежала из приемной. Мне было не до этикета и не до мыслей о том, как я выгляжу. Сердце бешено колотилось, воздуха не хватало, поэтому я свернула в первый попавшийся коридор, уткнулась лицом в густую шерсть и замерла.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала шепотом. — Я обязательно что-нибудь придумаю. Мы найдем способ тебя вывезти, слышишь?

Гринни пискнула, и я поняла, что слишком сильно ее сдавила.

— Прости. Пойдем, зверь.

Зверь заурчал, громко сопя носом: судя по всему, страху он пережил столько же, сколько и я, если не больше. Стоять здесь, под прицелами его камер, которыми Айрлэнгер Харддарк нашпигована, как булочка шоколадными каплями, мне не улыбалось, поэтому я глубоко вздохнула и вернулась к лифтам. После случившегося мне совершенно точно было безразлично, кто и как на меня посмотрит, а Сэфл, едва заметив, что мы вышли из лифта, стремительно шагнул к турникетам.

— Давай ее мне, — произнес он, наткнувшись взглядом на мое лицо.

Я покачала головой.

— Не надо.

— Она же тяжелая.

— Совсем нет. Правда, пушистик?

Пушистик взвиркнул, а я судорожно вздохнула.

— Мне даже не хочется спрашивать, как все прошло.

— И не надо.

Сэфл открыл передо мной дверцу флайса, и я почти упала на сиденье. Гринни немедленно сползла с рук, плюхнулась на спину и задрала лапки вверх.

— Это что еще такое? — поинтересовался Сэфл.

— Она пережила стресс.

— Только она?

— Не надо, — повторила я.

— Надо или не надо, а подвинуться вам придется. — Сэфл усмехнулся.

— Смотрите, чтобы она не испортила мне обивку! — вмешался водитель.

— Не испортит. — Снова подхватив Гринни на руки, я подвинулась, чтобы Сэфл мог сесть. — Мы недавно постригли ей когти.

В ветеринарной клинике Гринни и правда подстригли когти (и это очень ей не понравилось), но теперь она не могла превратить мою руку в лоскутки. Впрочем, когти тоже были международным требованием к перевозке, равно как и то, что ни один человек не сможет перевезти виаренка без кристалла.

Ни один...

— Сэфл, — сказала я внезапно севшим голосом. — Ни один человек не сможет перевезти виари без кристалла.

— Да, я это уже слышал, — ответил он. — И...

— Человек, понимаешь? — Я повернулась к нему. — Ни один — человек.

Кажется, он понял. На мгновение даже показалось, что вот-вот улыбнется, но вместо этого Сэфл

нахмурился.

— Лаура, я невыездной, — произнес он. — И ты прекрасно это знаешь. К тому же, надо как минимум оформить новый паспорт, составить договор купли-продажи, и...

— Бен, — я перебила его.

— Что — Бен?

— Бен тоже едет в Рагран. Он уже уехал?

— Насколько я знаю, нет. Но Лаура, эта идея еще хуже, чем...

— Я знаю, что у него мерзкий характер, и я знаю, что мы с ним совершенно несовместимы на нескольких квадратных метрах. Но ради Гринни я об этом забуду. Если ты сможешь устроить нашу встречу, я...

— Лаура, Лаура, стоп! — Сэфл вскинул руки вверх. — Ты слишком быстро говоришь, я за тобой не успеваю. Это первое. И второе. Мы больше не общаемся.

Мимо нас пронесся яростно сигналящий флайс, я вздрогнула, обернулась к окну, и только тут до меня дошел смысл последних слов Сэфла.

— То есть как — не общаетесь?

— То есть так. После того, что у нас случилось, я слишком жестко расставил все точки, поэтому...

— Поэтому мне придется ехать к нему самой.

— Драконы, — пробормотал Сэфл. — У тебя вообще есть тормоза, женщина?

Гринни играючи прикусила мой палец (мне бы так: только что вся дрожала, а уже играет).

— У меня ощущение, что я тормозила всю жизнь, — ответила я, не позволяя покусать палец еще сильнее. — Больше не собираюсь. Если мне что-то нужно, мне без разницы, кто и как ко мне относится. Откажется он — найду кого-то еще.

Я выпалила все это на одном дыхании, глубоко вздохнула и откинулась на спинку сиденья. Напряжение выходило из меня вот так: рваными выдохами и поспешными фразами, мыслями о том, что я буду делать дальше. Буду. Все сделаю, чтобы забрать Гринни с собой, но в Ферверне ее не оставляю. А ведь Торн прекрасно все это знал — знал, что мне не позволят ее увезти без кристалла. Знал, что я не стану ставить этот кристалл. Знал, что я приду к нему — наверняка знал!

Я не была ир்தханессой, но то, что сейчас проснулось во мне, могло заменить с десятков озверевших драконов.

— Лаура, — прервал мои мысли Сэфл, и я повернулась к нему. — Бен — не самый лучший вариант...

— Я...

— Я не собираюсь тебя отговаривать. Бен — не самый лучший вариант. Но он — вариант, это правда. Я ему позвоню.

Я посмотрела в глаза этому мужчине. Мужчине, безумно любящему мою подругу. Мужчине, который взял отпуск на службе, чтобы носиться со мной и оберегать от желающих вытряхнуть из меня остатки сердца журналистов. Мужчине, который сделал для меня больше, чем кто бы то ни было, который сейчас отвозил меня к моему брату. Мне хотелось плакать, но вместо этого я улыбнулась.

И сказала:

— Буду очень тебе благодарна.

Глава 6

— Столько суеты из-за мелкой чешуевины с лапами, — когда мы вышли из ветклиники, Бен протянул мне карточку ветпаспорта. — Держи, бывшая владелица. Пусть до завтра побудет у тебя.

«Сам ты чешуевина с лапами», — подумала я, а вслух сказала:

— Спасибо.

— Я это делаю не ради тебя, не обольщайся.

— На каком именно заявлении мне стоит не обольщаться? Когда ты говоришь, что это делаешь ты, или когда ты говоришь, что делаешь это не ради меня?

— Вы общаетесь, как супруги с двадцатилетним стажем, — вмешался Сэфл.

Мы с Беном наградили друг друга убийственными взглядами.

Да, как-то совершенно иначе я это себе представляла: во-первых, мне только и нужно было, что приехать и переоформить на него ветпаспорт, договор купли-продажи мы сделали дистанционно. А во-вторых, он с какой-то радости меня по-прежнему невероятно раздражал — даже несмотря на то, что согласился помочь. Я должна была испытывать благодарность, потому что Гринни отправлялась со мной в Рагран. Бен даже согласился задержаться на несколько дней (он должен был уехать раньше), чтобы Гринни ехала со мной, но благодарности как не бывало. Возможно, исключительно потому, что стоило нам сегодня встретиться на парковке, он сходу заявил:

— Привет, бывшая первая ферна с коньками.

На что я ответила:

— Привет, бывший владелец частной клиники с лыжами.

Ответила на автопилоте, не задумываясь, но после этого сразу же поняла, что нормального общения у нас не получится. С другой стороны, оно мне надо — это нормальное общение? Мне надо вывезти Гринни в Рагран, мы выйдем из здания телепорта, я заберу из его рук поводок, и мы больше никогда не увидимся.

— Ладно, до завтра. — Это было сказано больше Сэфлу, чем мне. На ходу.

Хлопнула дверца флайса, и серебристо-синяя пуля взмыла по рукаву вверх.

— Все прошло лучше, чем я рассчитывал, — произнес Сэфл, разглядывая стремительно уменьшающийся флайс Бена.

— Спасибо, — ему я это сказала совершенно искренне.

— Да не за что. Готова к переезду?

Я пожала плечами. Если честно, за суетой перед защитой и выпуском из Университета мне даже не удалось как следует подготовиться. Квартиру в Мериуже, столице Раграна, я нашла практически на бегу. Только что я мониторию сайты, и вот уже у меня онлайн тур по квартире, а спустя пару часов на руках подписанный договор. Сумма оказалась ощутимой, но я не хотела жить абы где, и совершенно точно не хотела сидеть на месте после переезда. Сначала я попробую добиться кастинга в «Эрвилль де Олис», параллельно буду искать работу. Если не получится попасть на кастинг в этом году, получится в следующем, а пока буду работать по специальности. Зря я, что ли, в ХГУ училась все эти годы.

Во флайсе мы молчали. Мне сложно было представить, что я вижу вот такой ночной Хайрмарг в последний раз. Завтра рано утром у меня телепорт, и... все.

На этой мысли с губ сорвался смешок.

Сэфл накрыл мою руку своей, и я улыбнулась.

— Я приеду на вашу свадьбу, — сказала я.

— Только попробуй не приехать, — ответил он.

До самого дома мы больше не сказали ни слова. С Рин они обменялись поцелуями, а после Сэфл сразу же уехал: ему нужно было заехать в казармы по какому-то неотложному делу. За ужином я едва сумела затолкать в себя чуть-чуть салата, чудесного, к слову сказать, на вкус. Мама Рин готовила просто волшебным, по моим ощущениям, они бы нашли общий язык с Доражем Эмери.

Воспоминания о Дораже окончательно отбили у меня аппетит, я едва дождалась завершения ужина, чтобы поблагодарить и сбежать к себе. Гринни возилась с игрушкой, которую я ей купила, а я забралась на кровать с ногами и прижала к себе подушку. Мне просто надо было кого-то обнять.

— Так, подруга. Давай-ка, двигайся. — Рин влетела без стука, плюхнулась на кровать, бесцеремонно сдвигая меня в сторону. — Сегодня я сплю с тобой, и не возражай. Вообще-то так должно было быть в ночь перед моей свадьбой, и это ты должна была говорить такие слова...

Она осеклась.

— Слушай, прости. Я не хотела.

— Да все в порядке. — Я пожала плечами. — Моя свадьба все равно была не моя.

Она была создана по политическим причинам Торном и моей семьей. Об их отъезде я узнала от Даргела. Сильви закрыла от меня свою страницу в соцсети, поэтому новость о том, что они переехали в Зингсприд, сначала прозвучала от брата, только потом — из СМИ. Перевыборы на место отца были назначены на следующую неделю.

Интересно, перевыборы на место будущей первой ферны тоже уже прошли?

При мысли об этом мне захотелось что-нибудь разбить.

Рин молчит, и чтобы неловкость не разрослась в пропасть между нами (только этого мне еще и не хватало), я накрываю ее руку своей.

— Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали, — говорю тихо. — Ты, твои мама и папа. Сэфл.

Подруга кусает губы, а потом неожиданно меня обнимает так крепко, что на миг становится нечем дышать.

— Знаешь, — говорит мне в шею, — если я сейчас разревусь, никогда себе этого не прощу.

— Почему? — спрашиваю тихо, севшим голосом. Потому что сама близка к тому, чтобы разреваться.

— Потому что Ринара Рибельгар не плачет!

— Оу, — тихо говорю я.

А потом осторожно обнимаю ее в ответ. Рядом с Рин я чувствую. Так же остро, как до всего этого. Временами мне начинало казаться, что из меня вытряхнули все чувства, просто ссыпали в мешок, как осколки льда, и выбросили на солнце, сейчас же я понимаю, что нет. Все они живы, просто я слишком глубоко их запечатала, и пусть лучше так будет какое-то время. Какое-то время, пока я не смогу снова чувствовать как раньше.

— Так, все. — Она отстраняется. — Хватит соплепускания. Давай-ка лучше о хорошем.

Мы говорим о хорошем. Болтаем обо всякой ерунде, вспоминаем смешные моменты, которые пережили вместе. Сколько их было... Мы говорим, говорим, говорим и говорим, пока, наконец, у Рин не начинают слипаться глаза. Она засыпает под мою болтовню, тогда я укутываю ее пледом и поднимаюсь. Вряд ли я сегодня засну.

Наверное, такой и впрямь могла бы быть ночь перед свадьбой.

Перед моей свадьбой.

Я стою у окна, чувствуя вползающую в тело уже привычную дрожь. В последнее время меня часто бросало в озноб ни с того ни с сего. Первые несколько раз я думала, что простудилась, но градусник показывал нормальную температуру, даже чуть ниже обычного. Потом я привыкла. Возможно, это последствие того, что сделал Торн — в тот вечер, когда рассказал мне об Эллегрин. А может быть, просто давление. Давление у меня, к слову, теперь постоянно низкое. Перед защитой я кувыркнулась в обморок, в медпункте ХГУ меня и осчастливили тем, что мне нужно обратиться к врачу.

Разумеется, ни к какому врачу я не пошла — когда? Теперь уже пойду в Рагране, если все это не пройдет.

До утра я успела постоять, полежать, посидеть, походить по комнате, посмотреть на сладко сопящую Рин, завернувшуюся в плед. Когда она проснулась, совершенно неудивительно, что меня уже слегка шатало. Правда, к этому моменту я благополучно заползла на кровать (я же не самоубийца — признаваться Ринни в том, что не спала всю ночь).

— Ух... — Она потирает глаза, потягивается и поворачивается ко мне. — Когда я вырубилась?

— Наверное, тогда же, когда и я.

Она смеется:

— Кажется, нам пора на завтрак.

— Пора, — соглашаюсь я.

За завтраком все становится совсем странно. У меня такое состояние, как будто меня стукнули по голове — наверное, так и должно быть после бессонной ночи, к тому же, это своего рода анестезия. Такая ментальная анестезия перед отъездом, чтобы я не начала рыдать, не хуже как вчера мне сказала Рин.

Сумки у меня уже собраны, там и собирать-то особо нечего, после завтрака мы с Рин выгуливаем Гринни (которая всю ночь ходила за мной, пока не заснула на кресле от усталости), я благодарю ее родителей. Меня обнимают по очереди — и мама, и папа — он даже взял отгул и не пошел сегодня на работу, чтобы меня проводить. На этом моя анестезия дает сбой, на глаза наворачиваются слезы. Поэтому я быстренько прощаюсь и поспешно ныряю в раскрытую дверь за Сэфлом, который несет мои сумки, и за Рин. Гринни вышагивает рядом, постоянно вскидывает голову — видимо, чувствует мое состояние.

До телепорта все как в тумане, смазанные очертания залитого солнцем зимнего Хайрмарга, острая игла Айрлэнгер Харддарк ударяет в глаза ослепительными бликами. Я отворачиваюсь, смотрю прямо перед собой. Только вперед.

Уже в общем зале мне звонит Даргел, они с Мелори подлетают ко мне, и начинается вторая волна проверки анестезии. К счастью, почти сразу же Сэфлу звонит Бен. Сейчас я искренне этому рада, потому что Бен не вызывает во мне никаких чувств, а Дар с Мелори и Сэфл с Рином с его появлением становятся чуточку более отстраненными.

— Давай сюда мою собственность, — хмыкает он, и я протягиваю ему поводок Гринни и ее паспорт.

Он оценивающим взглядом обводит нашу компанию, и я понимаю, что если услышу хоть один комментарий в свойственном ему стиле, просто от души тресну его сумкой по голове.

Обходится без комментариев и без рукоприкладства. Бен просто смотрит на часы и буднично сообщает:

— Нам пора.

Нам действительно пора — на регистрацию, телепорт у нас хоть и первого класса, но далеко не ВИП.

— Лаура, я жду! — Даргел прикладывает сложенные пальцы к уху.

— Эй! — возмущается Рин. — Я тоже жду!

— Вы еще подеритесь за то, кому она должна позвонить первой, — фыркает Мелори, а потом шагает ко мне и обнимает. — Не смотри на этих эгоистов, сначала устроишься, потом позвонишь.

Именно в этот момент я понимаю, что что бы она ни говорила моему брату, она уже с ним. Его, если можно так выразиться. Именно это наполняет меня счастьем, теплом и уверенностью — у Даргела все хорошо. И у меня тоже будет.

Обязательно.

Поскольку порочный круг обнимашек кто-то должен разорвать первым, это делаю я. Просто отступаю, собираюсь поднять сумки, когда Бен морщится.

— Тьфу на тебя. Держи свое недоразумение.

Нedorазумение счастливо, что его держу я, а я... я просто понимаю, что рано или поздно мне придется повернуться спиной к брату и его будущей жене, и к друзьям. Чем быстрее я это сделаю, тем лучше. Поэтому я поворачиваюсь и иду вслед за Беном. Регистрация, багаж, ветконтроль. Гринни пищит на руках у Бена, но стоит ему посмотреть ей в глаза, тут же замирает.

Ближе к залу телепорта меня начинает тошнить. После того, как я кругами бегала по комнате всю ночь, в этом нет ничего удивительного, но все-таки отчаянно не хочется, чтобы меня вывернуло завтраком перед телепортом. Тут вплоть до того, что меня могут не допустить к переходу по медицинским показателям, потому что перегрузки телепортационных колец все люди переносят по-

разному. У иртханов с этим проблем не бывает, а вот у людей вплоть до серьезных проблем с сердцем и с сосудами.

Поэтому я отказываюсь от кофе, когда в зале ожидания первого класса ко мне подходит сотрудница телепортационной компании, и вообще стараюсь не смотреть, как Бен наворачивает сэндвичи, запивая их газировкой.

— Ты слегка зеленая, девочка с коньками, ты в курсе?

— Я всю ночь не спала.

— Это ты зря.

Больше мы не говорим, аккуратно до того, как объявляют переход до Раграна. На ногах держусь на чистом упрямстве, завтрак в себе держу тоже на нем же. Гринни топает между нами, явно не понимая, с какой радости ее ведет Бен.

— Вам придется взять животное на руки, — предупреждает портпроводница.

— Знаю. Не в первый раз.

У него, похоже, просто такая манера общаться со всеми.

— Прошу, пожалуйста. Руку на сканер.

В отличие от ВИП-переходов, сканирующая система показателей жизнедеятельности в зале первого класса находится перед входом в зал к телепортационному кольцу. Бен прикладывает ладонь исключительно формальности для — к сканеру для иртханов. Я — к сканеру для людей.

Сканер мигает тонкой сиреневой линией и пищит.

— Ферна, у вас очень низкое давление...

— Мы в курсе. Я ее врач, — говорит Бен.

— Но этот показатель...

— Сиреневый — в пределах низкой нормы. Это допустимо для перехода. Она не спала всю ночь, очень волнуется из-за переезда.

Портпроводница хотела было возразить, но Бен просто кивнул в сторону зала. Мы выходим к кольцу вместе: под мощными сводами металла по бледно-голубой поверхности идет рябь, как по бассейну в ветреный день. Стрелка под ногами мигает оранжевым, и Бен шагает к кольцу по дорожке. Гринни оглядывается за миг до того, как они скрываются под полотном телепортационных волн.

— Ферна, — напоминает портпроводник.

Запирающий красный под ногами уже сменился оранжевым, и я тоже шагаю к переходу. Обычно телепорт обволакивает мягкой волной, шаг — и ты уже по ту сторону полотна, но сегодня внутри пространство смешивается. Смешивается настолько, что я теряю ощущение реальности в пространстве и не сразу понимаю, что стою уже в Рагрane, и что меня всю трясет. Тошнота подкатывает к горлу с удвоенной силой, поэтому, почему ко мне обращаются на рагранском, я тоже понимаю не сразу:

— Риам! Риам, с вами все хорошо?

— Хорошо, — подтверждает Бен, подхватывая меня под руку.

Именно благодаря ему я сейчас выхожу из зала на своих ногах, но оказавшись в постпортационном пространстве, первым делом бросаюсь в сторону дверей дамской комнаты.

Откуда выхожу спустя минут десять еще более зеленая, чем до этого, и уже без завтрака.

— Ну с прибытием в Рагран, что ли, — хмыкает Бен, а потом добавляет: — Думаешь, здесь он вас не достанет?

Я собираюсь его послать, но вовремя вспоминаю, что он мне помог. Он держит Гринни на поводке, и именно благодаря ему она со мной, так что как бы плохо мне ни было (я сейчас просто как расплюснутая литтоновая ягодка), не будем развивать тему, куда может пойти Бен. Просто попрощаемся и расстанемся.

— Если ты думаешь, что ему есть дело до нас с Гринни, ты глубоко ошибаешься. — Я протягиваю

руку. — Спасибо. И удачи.

Бен смотрит на меня, как будто я сказала страшную глупость, а потом фыркает.

— То есть ты, — он шагает ко мне вплотную, — решила, что я говорил о тебе с Гринни? Девочка с коньками, ты явно скоро пополнишь этот мир на одного полуиртхана. Зато теперь я понимаю, что мозги у тебя все-таки есть. Или наоборот нет, все никак не решу.

Вместо поводка Гринни я хватаю пустоту.

— Ты очешуел? — интересуюсь я ему в лицо.

— Да нет, мне просто интересно, как в твоём возрасте можно быть не в курсе. Ты зеленого цвета, и в тебе — сын или дочь Торнгера Ландерстерга. Да я был уверен, что ты слиняла именно поэтому, хотя мне периодически хотелось поинтересоваться, почему ты не выбрала более простой способ самоубийства.

Вот теперь я вырываю у него поводок, а потом цежу:

— Я. Не. Беременна!

Разворачиваюсь и иду в сторону зала, где получают багаж. Меня даже тошнить перестает от злости, настолько я зла — «ты скоро пополнишь мир». Он совсем рехнулся?! У меня не было задержки... или была? Я вдруг понимаю, что не помню, когда у меня последний раз были месячные. Когда они у меня были? Я отмечаю их на календаре, в мобильном, и в этот раз... внутри все холодеет. Я вытаскиваю смартфон, листаю календарь и вижу, что отметка пропущена. Отметка пропущена.

Она реально пропущена, драконы меня дери!

Как я вообще могла ее пропустить?

Как? Может, потому что сначала из меня чуть не выдернуло бедро на катке, потом я согласилась стать женой Торна перед телекамерами, потом... Я смотрю на отметку, она реально была последняя прямо перед тем, как я упала. То есть сразу перед тем, как мы поехали на горнолыжный курорт, где у нас...

Меня опять начинает тошнить.

Тошнота настолько сильная, что мне приходится остановиться.

— Выдохнула, девочка с коньками?

Я его сейчас убью.

— Еще раз назовешь меня девочка с коньками — и я тебе врежу.

— О, ты еще и на такое способна? — Бен приподнимает брови.

— Ты даже не представляешь, на что я способна.

— Давай поводок. Ветпаспорт у меня, и ее не выпустят из зала без отметки ветслужбы. Это первое. А второе — я тебя провожу.

— Обойдусь.

— А я тебя не спрашивал. Кувыркнешься в обморок в заказном флайсе — поедешь в больничку. Поедешь в больничку — и завтра на столе Торнгера Ландерстерга будет отчет о том, что ты беременна. Или ты уже передумала и возвращаешься?

Что я там говорила про послать?

Тем не менее Гринни не выпустят из зала без отметки сотрудника ветконтроля, и мне приходится отдать поводок Бену.

— Сиди здесь, — говорит он. — Вернусь — заберем сумки.

Я хочу отказаться, но понимаю, что сейчас мне действительно лучше сесть. Лучше сесть, потому что иначе я кувыркнусь в обморок прямо здесь. На меня вдруг обрушивается волна деталей, которые из-за дикого напряжения последних недель я просто не замечала. Тошнота — она не была систематической, но холод... что, если так проявляется пламя ребенка Торна? У него же будет дико сильное пламя, если я правильно помню. Когда шло раскрытие информации о пламени иртханов, говорили, что первенцы вбирают всю мощь — или основную мощь пламени матери и отца. В этом

случае просто отца. И что...

Мысль «что мне теперь делать» обрывается словами Торна: «Если бы у нас был ребенок, Лаура, я бы не позволил тебе к нему даже приблизиться».

Если это так, если я беременна, он его заберет. Заберет, а меня вышвырнет, как сделал это с моей семьей. Меня начинает тошнить с удвоенной силой, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не броситься в сторону туалетов. Теперь уже у меня случается паранойя — как это еще назвать, когда я думаю, что повсюду камеры, и что он — Торн — может меня видеть. Даже мысль о другой стране не спасает, я стараюсь дышать ровно, но у меня это плохо получается.

Он меня везде достанет.

Если ему нужен будет его первенец... а у него первенец будет именно от меня...

Стоп!

Я обрываю поток мыслей раньше, чем он меня захлестнет и окончательно, с головой утащит на дно.

Во-первых, я действительно в другой стране. Даже то, что здесь повсюду камеры, не отменяет того, что получить информацию из другой страны Торнгеру Ландерстергу гораздо сложнее, чем с любой камеры Ферверна.

А во-вторых, вполне возможно, что я не беременна. Эта мысль — совершенно дикая. Я точно помню, что в доме на горнолыжном курорте Торн предохранялся. Это я помню точно, а значит, никакой беременности быть не может. Второй раз... Я закрываю глаза. Второй раз.

Все, хватит!

Прежде чем впадать в истерику, как минимум нужно купить тест. Что я и сделаю в ближайшей к дому аптеке. Или... прямо здесь. Аптечный пункт в здании телепорта мигает знакомой эмблемой, я поднимаюсь и иду к нему.

Моя голова напоминает какой-то сумасшедший дом, в котором мысли выпихивают друг друга со скоростью несущегося по пустой аэромагистральной флайсе. Если бы это был второй раз, у меня бы уже стояла отметка. Но там, в доме, Торн предохранялся. Как это могло получиться? Я зависаю у витрины, где выставлены несколько видов тестов. Причем различают их не только производители, их в принципе два. Для ирлланцев и для людей. Для самых обычных женщин.

Какой, спрашивается, нужен мне?

— Риам? — обращается ко мне консультант. — Чем я могу помочь?

Я автоматически перевожу ее слова на фервернский. Зачем-то. Я теперь в Рагране, и говорят здесь совсем на другом языке.

— Мне нужен...

— Спрей для рук, — за меня отвечает Бен. — Антибактериальный. Любой, можно этот. Да, спасибо.

Я автоматически смотрю, как он расплачивается, и только когда мы отходим, резко интересуюсь:

— Что это было?!

— По дороге обсудим, Лаура.

Он выделяет мое имя, а я протягиваю ему руку.

— Ветпаспорт. Поводок. С тобой я ничего обсуждать не буду.

— Будешь, — хмыкает Бен, а потом добавляет: — потому что иначе убьешь и себя, и ребенка.

Во мне кончаются слова. И эмоции. Во мне как-то разом все кончается, поэтому я иду с ним. Как еще иначе объяснить, что я иду с ним? Он мне никто, и то, что он помог забрать Гринни, не отменяет того, что произошло раньше.

— Я не знал, — неожиданно говорит он, когда мы заходим в зал для выдачи багажа. Сумки на аэропотоке плавают внутри прозрачной трубы и выпадают в специальный отсек. Я только сейчас понимаю, что он сказал, но мне все равно. — Эй.

Я на него не смотрю. Мне хочется плакать, кричать или просто вернуться в то мгновение, когда я этого всего не слышала. Но я это слышала, и я если Бен прав, я бы все равно это узнала. Может,

сразу, может, чуть позже, а может, когда прошла бы кастинг (если бы меня на него допустили).

При мыслях о кастинге с губ едва не срывается смешок, и я их плотно сжимаю. Не хватало еще начать истерично хохотать на глазах у всех. Кастинг, ну да. И ведущая роль в придачу. А живот у меня будет для притяжения, чтобы ветром не унесло.

— Лаура. — Бен хватает меня за плечи и встряхивает. — Лаура, дракон тебя раздери, я думал, ты в курсе.

— Мне все равно.

Я стряхиваю его руки и на автопилоте иду к аэротрубе, где уже плавают наш багаж. Потом вспоминаю, что надо достать карточку, без которой я не вынесу сумки из зала. И еще Гринни.

Моя жизнь рушится. Снова.

Сколько раз за последнее время она рухнула? Сколько раз я еще узнаю, услышу, увижу то, что будет испытывать меня на прочность? А ведь могла бы просто выйти за Торна, и просто жить с ним. Ничего не пришлось бы делать, он бы все делал за меня. Все решал за меня. Мне всего-то и нужно было, что мило улыбаться на камеру, встречать стилистов и визажистов и запоминать речи.

Всего-то.

— Все, пойдем.

Бен держит в руках и мои, и свою сумку. Она у него небольшая — это что, вся жизнь в ней уместилась? С другой стороны, в моих уместилось не больше. Одна сумка практически полностью принадлежит Гринни. Там ее игрушки, чтобы на новом месте было проще привыкнуть, и... что там еще?

В салоне флайса мы молчим. Я думала, что буду жадно лхнуть к окнам, разглядывая город, где родилась и выросла мама, но я его даже толком не вижу. Было бы странно, если бы видела, потому что я смотрю на свои руки. Непривычно видеть их без маникюра. Впрочем, если я права, в ближайшее время его отсутствие перестанет меня волновать. Все, что меня будет волновать — это как найти работу, будучи беременной, и как с нее не вылететь. А еще как выносить ребенка ирхана.

В те годы, когда раскрывали информацию, на людей вывалилось просто море того, что им нужно знать про ирханов. В частности, о полукровках. Полукровок в наше время было не сказать, чтобы много, но они были. Если у ирхана было пламя средней силы или слабенькое, женщина справлялась сама. Но если пламя было сильным, или таким, как у Торна, чтобы выносить ребенка, нужно было постоянное вливание огня.

Было кое-что еще.

Ирханы никогда не отказывались от своих детей. То есть остаться матерью-одиночкой с полукровкой на руках могла только ирханесса, но никак не простая женщина. Хотя бы потому, что пламя предсказать невозможно. Среднее пламя могло проснуться в подростковом возрасте, или чуть позже, слабое — ближе к совершеннолетию, но сейчас по всему миру наблюдалось общее увеличение силы ирханов. Поэтому как поведет себя огонь именно в этом ребенке, сказать не мог никто.

В случае такого пламени, какое мог передать своему наследнику Торн...

Ну, подозреваю, что оно могло проснуться в колыбели. Наверное.

— Вы же говорили, что будете жить одна, — это были первые слова, которыми встретил меня риэлтор.

— Она и будет. Я просто ее провожаю.

Невысокий лысый мужчина недоверчиво посмотрел на нас, но ключи все-таки отдал.

— Пойдемте.

Мне надо было осмотреть квартиру, чтобы проверить, что все исправно и на предмет видимых повреждений, но я лишь мельком оглядела поверхности и кивнула. Риэлтор что-то еще говорил про подключение каналов и сети, но Бен его выставил, сказав, что мы разберемся сами.

Мы.

Гринни уже вовсю бегала по квартире, изучая ее, а я стояла на кухне, символически разделенной с

гостиной барной стойкой. Когда Бен вернулся, я уже относительно вытряхнула себя из состояния, которым меня накрыло в здании телепорта. Взгляд его зацепился за что-то за моей спиной, потом он хлопнул в ладоши.

— Так. Кофе будешь?

Я обернулась, увидела кофемашину. Когда он шагнул к ней, выставила руку вперед.

— Зачем тебе это? — спросила, глядя ему в глаза.

Как я оказалась в Рагране, на кухне квартиры, в которой я стою впервые, вместе с Беном? Как такое вообще могло произойти со мной? Беременность, которая обрушилась мне на голову как сошедшая с гор лавина?

Все эти мысли промелькнули в тот момент, когда он пожал плечами и сказал:

— Предлагаешь просто тебя бросить?

— Мы с тобой не друзья.

— Знаю, ты мне уже неоднократно на это намекала.

— Я?!

— Да, ты, женщина. И если ты сейчас просто не сядешь, пока я делаю нам кофе... — Бен остановился возле кофемашины раньше, чем я успела ему высказать все, что думаю, и расхохотался.

Выглядело это, мягко говоря, странно, поэтому я на всякий случай отодвинулась.

— Ты чего?

— Кофе, — фыркнул он. — Если только твой риэлтор не предугадал магическим образом, какой кофе ты любишь и не забил им все шкафы...

Пару минут я смотрела на него, а потом закрыла лицо ладонями и опустилась на барный стул. Не знаю, сколько времени в молчании, под шуршание Гринни, изучающей новую территорию, пока движение воздуха рядом не заставило меня вздрогнуть. Я убрала ладони от лица и взглянула на остановившегося напротив меня Бена.

— Слушай меня внимательно, девочка с коньками. В свое время моей матери пришлось бежать из страны, и в то время у нее на руках был я. Такая мелочь, которая даже пешком ходила по стеночке, и создавала гораздо больше проблем, чем могла помочь. Так вот, не окажись рядом с матерью тогда мужчина, который вытащил ее из этого дерьма, я не знаю, как бы ей пришлось. Не знаю и знать не хочу. И я не собираюсь тебя с этим бросать только потому, что мы не сошлись характерами.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Серьезно? — Он прищурился. — Давай ты это повторишь, когда придешь в себя.

— Я в себе, — я поднялась. — Мне. Не нужна. Твоя. Помощь.

— Супер. И как ты будешь его носить?

Я глубоко вздохнула.

— Ребенок иртыхана — совсем не то, что обычный ребенок, Лаура Хэдфенгер. Особенно ребенок такого иртыхана.

Можно подумать, я этого не знала.

— Да. Есть еще отличный выход — аборт. О нем ты не задумался? — Я обхватила себя руками. — Зря. А я задумалась. И кроме того, что это отличный выход — если эта беременность все-таки есть — я вижу, что он не просто отличный. Он единственный.

— Ты этого не сделаешь.

Я сложила руки на груди.

— Ты у нас кто? Кардиохирург? А по ощущениям, психолог, социальный работник и еще представитель течения «Аборт — это убийство».

Бен хмыкнул, а я указала ему на дверь:

— Так что давай закончим наше знакомство здесь и сейчас. Мне без разницы, что ты обо мне думаешь, что ты думаешь о моем положении, и не тебе вытаскивать меня из дерьма, выражаясь твоими словами. Я справлюсь сама, спасибо за Гринни. Всего хорошего.

Бен покачал головой, но сумку все-таки подхватил. Направившись к двери, остановился, чтобы потрепать подлетевшую к нему виари по голове, уже на выходе обернулся:

— Как только ты купишь тест, об этом будет доложено его величайшему предводительству всех драконов Ферверна. Думаю, не стоит говорить, что будет дальше? — Он взялся за ручку двери, пиликнул электронный замок. — Не хочу тебя расстраивать, но в Рагрane запрещены аборты.

Я не представляла, сколько времени просидела на барном стуле после ухода Бена. Действие — то, что спасало всегда, но сейчас я не хотела действовать. Хотела, чтобы меня кто-нибудь обнял и сказал, что все будет хорошо, но рядом никого не было. Ринни, Сэфл, Даргел и Мелори остались в Хайрмарге, и, должно быть, к лучшему, что они там остались. Грузить их такими проблемами, если они существуют, совершенно точно ни к чему. Нужно спуститься в магазин, купить себе еды, заодно выяснить, как пройти до парка, где можно погулять с Гринни. И ей, кстати, тоже надо купить еды.

— Так, зверь, — сказала я, — у нас здесь уже поздний вечер, поэтому гулять пойдем, как только вернусь из магазина. Пока — только вода.

Расчихлив сумку, ополоснула миску и налила воды из фильтрующего крана.

— Веди себя хорошо, поняла?

Гринни виркнула и перевернулась на спину.

— Сильно не топай и не пищи. Я быстро.

В Рагрane было тепло. Гораздо теплее, чем в Хайрмарге — Мериуж раскрывался дождем, впитывающимся в тонкий слой талого снега. Наверное, стоило поехать в Зингсприд — там солнышко и жара, валялась бы сейчас в шезлонге и плевала на все. А еще там аборты разрешены.

При мысли об этом с губ сорвался смешок.

Если представить, что я ношу малыша, я никогда не смогу сделать аборт. Просто физически не смогу, потому что это — ребенок Торна. Потому что он наш... мой, не знаю, как еще выразиться. Потому что если это так, у меня всего два варианта. Согласиться на помощь Бена или сразу вернуться в Хайрмарг. И что потом? Ждать рождения в резиденции, а после никогда больше его не увидеть?

Нет.

В ближайшем супермаркете нашлось все самое необходимое: пусть не специализированный корм для тэльсов, но вполне нормальный. Завтра поищу зоомагазин, а сейчас главное покормить зверюгу, которая в скором времени захочет есть. Я складывала продукты в пакеты, когда на глаза мне попался аптечный пункт. На другой стороне улицы. Я смотрела на него через панорамные витрины супермаркета, вспоминая слова Бена.

«Как только ты купишь тест, об этом будет доложено его величайшему предводительству всех драконов Ферверна. Думаю, не стоит говорить, что будет дальше?»

Я хорошо представляла. Я представляла это слишком хорошо, чтобы просто туда зайти и купить тест. Но разве Торну на меня не плевать? Зачем ему я, он же просто вышвырнул всю нашу семью из Ферверна. Повезло разве что Даргелу с Мел, но... но. Все это ерунда. Я не хочу становиться такой, как он. У Бена паранойя, и у меня она тоже будет, если продолжу в том же ключе.

Я подхватила пакеты и решительно направилась в сторону аптеки. Поднялась на лифте, прошла по мерцающему неоновой рекламой переходу, и снова спустилась.

— Два теста на беременность, — сказала я. — Для иртханов и для людей.

Расплатившись, вышла на улицу и решила пройти именно по этой стороне. Насколько я поняла, парк располагался сразу за поворотом, и я заглянула туда. Подсветка фонарей была слабенькая, дорожки блестели от влаги, кое-где протянулись корочки льда. Да, гулять здесь с Гринни надо будет пораньше, а то даже соваться в глубину страшновато.

Вообще у меня создавалось чувство, что я делаю все, чтобы не делать тест.

Чтобы как можно дальше откладывать этот момент, и вообще его не касаться. Потому что пока я не увидела результат, у меня еще была надежда на то, что в жизни будет все как прежде. Когда

увиджу... А вдруг ничего нет? Вдруг это просто стресс, дикое напряжение, давление, и все остальное? Что, если Бен ошибается?

Он врач, да, но он кардиохирург. А это совершенно другое.

С этой мыслью я ускорила шаг, на полном ходу подлетела к переходу как раз напротив моего дома.

В квартире первым делом сбросила сумки и бросилась в туалет.

Чтобы спустя несколько минут увидеть положительный результат.

Глава 7

Не представляю, как так получилось, но я выпалась. На новом месте, одна в другой стране, в которой у меня не было пока ни работы, ни каких-либо определенных планов (после того, что я узнала), да еще и после смены часовых поясов. Тем не менее вышвырнув тесты в мусорное ведро, я покормила Гринни, пообещала ей прогулку завтра рано утром и легла спать. А проснулась от того, что меня осторожненько покусывали зубами за пальцы.

Открыв глаза, я обнаружила виари, которая с самым несчастным видом тут же вскочила и умчалась к двери. А я поняла, что для виаренка прошло, должно быть, слишком много времени после предыдущей прогулки. Поэтому, не особо заморачиваясь внешним видом, стянула волосы в хвост, натянула свитер, накинула куртку и влезла в джинсы (кажется, я начинала понимать их прелесть). Спросонья застегнула ботинок вместе со штаниной, сказала целых два неприличных слова. Расстегнула молнию, нормально застегнула ботинок, и мы, наконец-то, вышли на улицу.

В солнечных лучах район Мериужа выглядел не таким пугающим, как ночью. Смущали меня сейчас разве что старые переходы с одной стороны улицы на другую и низко ползающие флайсы. Собственно, их даже флайсами назвать можно было смутно, у них был немного другой принцип действия, нежели чем у тех, что двигались по аэромагистралям, а аэроподушки были низкого уровня мощности. Как бы там ни было, именно из-за них в Мериуже кое-где еще сохранялись эти переходы, и для меня это казалось... каким-то ну очень необычным.

В центре, разумеется, такого не встретишь, этот транспорт ползал (иначе и не скажешь) только по обводным, но кто-то, чтобы сэкономить, предпочитал его. Я подумала о том, что пока не смогу позволить себе нормальный флайс, буду пользоваться подземкой. Как раз в тот момент, когда меня посетила эта мысль, взгляд зацепился за вывеску на противоположной стороне улицы.

«Танцевальная студия Лари Эрро».

Странно, что я ее вчера не заметила, а с другой стороны, странно было, если бы я заметила ее вчера — потому как вчера я думала только о тестах, которые лежали в моей сумке. Студия, судя по вывеске, располагалась на шестнадцатом этаже небольшого офисного здания с панорамными окнами. Вообще в этом районе выше двадцати этажей я ничего не встречала, и это тоже было дико непривычно. Чтобы найти здания такой высоты в Хайрмарге, нужно очень постараться.

В парке подтаял ночной лед, а дорожки уже не казались такими устрашающе-пустынными. Правда, помимо меня вдалеке виднелась только женщина с аэроколяской, и меня невольно вышвырнуло в мысли, которых не было целых часов десять, пока я спала.

Значит, у меня будет ребенок. Ребенок Торна, которому очень нужно его пламя.

Или пламя в принципе? Таких нюансов я не знала, а прояснить это без последствий для меня мог только Бен. Пока что существо внутри меня еще не воспринималось как что-то реальное, точнее, как кто-то реальный. Но я знала, что он или она — сын или дочка? — растет внутри меня, и с каждым днем это будет становиться все более заметно. Не сразу, но месяца через четыре-пять, наверное. А может быть, даже раньше.

— Гринни! — Я хлопнула себя по ноге, и виари подскочила. Она решила, что погрызть куст — хорошая идея, а я понимала, что не очень. За такое могут выкатить серьезный штраф, не считая того, что палки и веточки — не самая лучшая еда для длинношерстного тэльса.

Когда недовольная зверюга вернулась ко мне, я подцепила ее на поводок и развернулась.

А ведь я действительно ровным счетом ничего не знаю о беременности. Даже о самой обычной, не говоря уже о беременности от Торна. То есть от одного из сильнейших иртеханов нашего мира.

Странное дело, но мысли выстраивались какими-то очень прагматичными цепочками — то ли я не до конца проснулась, то ли наоборот, слишком проснулась и понимала, что если допустить в них чувства, ничего хорошего из этого не выйдет.

Итак, мне надо позвонить Бену.

Для начала.

Пусть расскажет мне все, что знает о том, что меня ждет в самое ближайшее время. Потом я сяду искать работу (исходя из тех сведений, которые он мне выдаст), а потом... ну, потом мы с драконенком будем жить вместе девять месяцев, а дальше воспитываться, если я правильно понимаю. Если я придумаю, как сделать так, чтобы об этом не узнал Торн.

Закусив губу, я чуть укоротила поводок. Дружелюбие Гринни все воспринимали по-разному,

поэтому пришлось зверю подстраиваться под мой шаг. Где-то на подходах к дому я поняла, что у меня нет номера Бена и придется звонить Сэфлу. А когда приложила карточку ключа к замку и открыла дверь, услышала, как надрывается мой смартфон.

Мелодией Торна.

Я подходила к телефону осторожно, как к белому дракону. Или к его витуйе. Белые — разновидность драконов, живущих глубоко в пустошах. основное их отличие от ледяных — шипастые стрелы, спрятанные под чешуей. В бою чешуйки поднимаются, и одна такая стрела может нанизать человека, как кусочек сыра на шпажку. Витуйя таких стрел лишена, но если ей кто-то не понравится... в общем, ее самец запросто нанизает этого кого-то на шпажку по первому рыку.

Эти мысли пришли совершенно не вовремя, когда я подкрадывалась к забытому дома смартфону. Он перестал звонить, и тут же звонок повторился снова.

Я сглотнула.

Что от меня нужно Торну?

Он вышвырнул меня из своей жизни, и все правильно. Все так и должно быть. Тогда зачем ему сейчас звонить мне?

Воспоминания о словах Бена — о том, что мне не стоило покупать тест на беременность, отозвались желанием вышвырнуть телефон в окно. Если бы это еще могло поправить ситуацию. Поэтому к тому времени, как звонок оборвался, а потом возобновился, я уже держала смартфон в руках. И ответила, стараясь придать своему голосу как можно больше ледяных интонаций:

— Да.

— Ты беременна, Лаура?

Мне показалось, что я сама лечу в окно. С небольшой (относительно) высоты, а после меня накрывает лавиной.

— Что? — переспросила я.

— Ты отлично расслышала мой вопрос.

Вот кому точно не стоило притворяться — так это ему. Ни вкладывать в свой голос холодных интонаций, ни добавлять льда, всего этого у ферна Дракон-номер-один и так было в избытке.

Значит, Бен был прав.

— С чего ты взял? — уточнила холодно.

— Ты прекрасно знаешь, с чего. Ты покупала тесты на беременность.

Именно так. Тесты. Он не сказал — тест, он знал, что их было два.

— Давай-ка сразу уточним, Торн, ты за мной следишь?

— Не за тобой. За моим возможным наследником.

Я задохнулась:

— Тебе не приходило в голову, что это вмешательство в частную жизнь?! И что я сейчас нахожусь на территории другого государства, не имеющего никакого отношения к...

— Ты уехала, зная, что ты беременна. Если это так, это попытка вывезти нерожденного наследника первого лица Ферверна за пределы страны. Не согласованная с его отцом. Я не стану говорить, чем это может для тебя обернуться, поэтому в твоих интересах сейчас же прямо ответить мне: ты беременна, Лаура?

— Нет.

Ответ вырвался сам собой, но он и не мог быть никаким другим. Я не собиралась сообщать монстру по ту сторону границы о том, что он станет отцом. Если у меня и могли быть какие-то сомнения по этому поводу, то все они разом отпали после этого разговора. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы он не узнал. Все, что угодно.

— Нет, — повторил Торн таким голосом, словно задумался. Глубоко задумался, сидя своей драконьей задницей на своем ледяном троне. — Что ж, Лаура. Ты сама выбрала, в течение

нескольких часов к тебе приедут мои сотрудники. Результаты анализов все покажут, и для тебя же лучше — если ты мне солгала — перезвонить мне до того, как я их получу.

— Ты совсем...

Дослушивать меня не стали: короткий щелчок оборвал наш разговор на полужае. После этого меня затрясло. Я швырнула телефон через всю комнату, не на шутку перепугав Гринни, которая подскочила в воздух и принялась часто махать крылышками. Я же сползла по стенке, прижимая колени к груди и пытаясь унять дрожь, сотрясающую все тело. Меня колотило так, что зубы только чудом остались целы. Лед вползал в меня подобно пламени сквозь харргалахт или наоборот — без харргалахт, когда оно обрушивается всеограшающей волной.

Он же не может просто вывезти меня из страны... из другой страны, на которую его власть не распространяется?

Что-то подсказывало: может.

И вывезет.

Потому что я действительно беременна его наследником или наследницей, и меня никто уже не спасет.

Я заставила себя разогнуться. Подняться. Подошла к смартфону, который каким-то чудом пережил полет, удар о стену и об пол. Негнущимися пальцами взяла его, потом отложила снова. Смысла звонить Сэфлу больше не было, равно как и не было больше смысла звонить Бену. Пройдет каких-нибудь несколько часов — и я окажусь в Ферверне.

Сбежать?

И куда, интересно?!

В Аронгару!

Я могу сбежать в Аронгару, я могу пойти... да куда я пойти не могу. Аронгара ничего не изменит, они точно так же выдадут меня, как и Рагран. Как любая другая страна, потому что это международный конфликт: шутка ли — похищение нерожденного первенца правящего. Тот факт, что это похищением не было, потому что я об этом не знала до вчерашнего дня, уже значения не имеет. Я действительно солгала, я сказала, что я не беременна.

Поэтому бежать мне некуда.

Мне вообще некуда бежать — от него. Если он узнал о тестах на беременность...

Звонок в дверь заставил меня подпрыгнуть.

Что? Так быстро?! Но ведь еще и десяти минут не прошло. Я подавила желание надавать себе пощечин, сняла, наконец, куртку. Все, хватит. Кто бы там за этой дверью ни стоял, я не собираюсь выходить к ним бледная и трясущаяся. Обойдутся.

Я усилием воли вытолкнула себя к двери. Это не могут быть они, потому что вся власть Торна не способна устроить мгновенную телепортацию и перемещение до моего района. А кто, кстати, это может быть?

Звонок повторился, я приблизилась, включила видеосвязь.

Чтобы увидеть стоящего у дверей Бена.

В последнее время моя жизнь не просто перевернулась с ног на голову, она, похоже, парила вместо меня где-то за облаками, потому что последнее, что я могла предположить, что я буду стоять вот так, прижимаясь щекой к двери и думать о том, впускать или не впускать в квартиру другого мужчину, пока отец моего ребенка собирает выездную команду, чтобы вытряхнуть из меня правду.

Бен, судя по всему, уходит не собиравшись, поэтому я дотянулась до панели замка и коснулась разблокировки.

— Привет. Поскольку кофе у тебя вчера не было, я решил не рисковать и взял его по дороге. — Он остановился напротив меня и замолчал. — Так. Судя по выражению твоего лица, кофе не в тему, а ты все-таки купила тест?

— Кофе в тему, — сказала я и взяла стаканчик из подставки. — Проходи, располагайся, у нас есть несколько часов. К сожалению, точной информации, сколько именно, у меня нет, но думаю, на кофе хватит. Что там еще у тебя?

Не дожидаясь ответа, я взяла пакет из его рук и обнаружила там совершенно умопомрачительно пахнущие слоеные рогалики.

— М-м-м... с ума сойти!

Вместе с пакетом и кофе я устроилась на барном стуле, и показала Бену на соседний:

— Ты не переживай. Если что, я тебя спрячу, у меня шкаф есть.

— Женщина, я сделаю вид, что я этого не слышал. — Он все-таки прошел в квартиру, захлопнув за собой дверь. — И то исключительно потому, что ты не в себе.

— А я не в себе? С чего ты взял?

Я вытащила самый верхний рогалик, откусила от него половину и блаженно зажмурилась. Отец, конечно, говорил, что в Рагрane их делают просто безумно вкусными, но не предупреждал, что настолько. Что ни говори, а тающее на губах тесто и нежнейший сырный крем — это то, что мне сейчас надо. И плевать я хотела на все.

Бен приблизился, но садиться не стал:

— Когда ты с ним говорила?

— С кем?

— Лаура!

— Я двадцать один год Лаура, — повторила позаимствованную откуда-то фразу. Рогалик, к слову, кончился очень быстро: несмотря на его размер, я его уничтожила в три укуса и полезла за следующим.

— Ты понимаешь, что это серьезно? И насколько это серьезно?

Понимаю ли я?

— Разумеется, я понимаю, — ответила совершенно серьезно. — Но прямо сейчас я хочу поесть и об этом не думать. У меня осталось несколько часов, чтобы об этом не думать, ты это понимаешь?

Бен вздохнул и облокотился о стойку, оказавшись напротив меня. Лицом к лицу. Глядя мне прямо в глаза.

— Или вся жизнь. Решать тебе.

— Вся жизнь? — Я приподняла брови. — И что ты предлагаешь? Инсценировать собственную смерть и всю жизнь скрываться под чужим именем после десятка-другого пластических операций? Прости, но я не готова. И операции во время беременности не делают, насколько я понимаю.

— Харргалахт.

— Что?

— Я поставлю тебе харргалахт. С этого дня ты будешь считаться моей, а поскольку у меня гражданство Раграна, будучи официально обрученной со мной, ты становишься неприкосновенной. Ну или временно неприкосновенной, бюрократические проволочки никто не отменял. За это время я что-нибудь придумаю.

— Что?

— Что-нибудь. У моего отчима здесь отличные связи.

Я облизала пальцы. Знаю, это не совсем вежливо, но я просто не могла их не облизать, потому что, когда он это сказал, надежда во мне вспыхнула тонкой и юркой струйкой пламени. Мелькнула внутри, и я уже не могла от нее отказаться.

— Зачем это тебе?

— Ты уже спрашивала. А я уже отвечал. Как ты сама правильно сказала, Лаура, у тебя не так много времени и не так много вариантов. Если откажешься, я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь.

Уходи.

Я должна была так сказать. Я даже видела, как он разворачивается и идет к двери, так и не притронувшись к своему кофе. Вместо этого я сказала:

— Садись завтракать.

И подвинула пакет с рогаликами на середину.

Харргалахт на мне смотрелась красиво. Не думала, что я здоровом уме и трезвой памяти такое скажу, но оранжевый, как закатное летнее солнце, узор, изредка вспыхивающий алыми искрами и придающий пламени алый цвет, действительно меня не смущала. Возможно, потому что я не чувствовала по этому поводу почти ничего, даже боль, когда Бен ее наносил, воспринималась как-то отстраненно. Как знать, может, она просто оказалась ничтожной в сравнении с тем, что меня ждало, если харргалахт не будет.

— Ты можешь ее закрывать, — произнес Бен, глядя на меня в зеркало. Я напрочь отказалась делать это без верха, в смысле, без свитера, поэтому мне пришлось переодеться. Учитывая, что одежды у меня было раз-два и обчелся, по иронии судьбы на мне было то самое платье, в котором я рассталась с Торном. Точнее, сообщила о том, что мы расстаемся.

— А что мне нельзя было бы закрывать?

— Таэрран. Но к тебе это отношения не имеет.

— Почему ее нельзя закрывать?

— Потому что она загорится. Это что-то вроде позорного клейма, которое должны видеть все.

— Какое счастье, что я не иртханесса.

— Ты в этом так уверена?

— На сто процентов.

Я обернулась к нему.

— Что дальше?

— А дальше — ждем. — Бен указал на диванчик, на котором спала Гринни.

Договоренность, в общем-то, была предельно проста. После нанесения харргалахт меня никто ни к чему не сможет принудить, потому что я — «собственность» другого иртхана, в данном случае — Бена, у которого гражданство Раграна. Разумеется, Торн этого так не оставит, но пока он будет это «не оставлять», Бен обещал заниматься этим вопросом по своим каналам, с помощью связей отца.

А еще он обещал помогать мне с пламенем.

Ребенку, особенно сильному, нужно будет пламя. Помимо прочего, харргалахт не позволит мне на него подсесть.

Так что как ни крути, везде одни плюсы.

Наверное.

Я погладила Гринни, свернувшуюся клубочком, виари вскинула голову. Я вспомнила, как она смотрела на меня, когда я только-только открыла коробку, а следом за ней вспомнила и Верража. Верража, который лнул ко мне, который тянулся ко мне, который сейчас снова остался совсем один.

— Лаура. — Голос Бена выдернул меня в настоящее. — Ты плакать собралась, что ли?

— Если да, ты сбежишь? — хмыкнула я.

— Это не то, чем меня можно напугать.

— А чем можно?

— Да в общем-то, ничем. — Он пожал плечами. — Когда у тебя ничего нет, и терять особо нечего.

Тут только я поняла, что не спросила про клинику. Не спросила про то, чем он собирается заниматься, да по большому счету, вообще ни о чем его не спросила. Но как только я открыла рот, Бен предупреждающе поднял руку:

— Тема Ферверна закрыта.

Закрыта так закрыта.

— А тема Раграна?

— В Рагроне все иначе.

— И все-таки. Что ты будешь делать, помимо того, что спасаешь меня?

— Пока что у меня есть приглашение из Центральной городской больницы. Им как раз требуется заведующий отделением кардиохирургии.

Я замерла:

— Ого! Поздравляю.

— Не сказать, что я намерен заниматься этим всю оставшуюся жизнь. — Бен облокотился о спинку дивана. — Твоя очередь, дорогая невеста.

— Давай только без этого. — Я поморщилась. — Когда мы наедине, можешь звать меня просто Лаура.

— Хорошо, просто Лаура. Так чем собирается заниматься невеста заведующего кардиохирургией?

— В настоящий момент она думает о том, чтобы... — Я хотела сказать «треснуть заведующего кардиохирургией чем-нибудь тяжелым», но оставила эту хотелку при себе. — Найти работу по специальности.

— Вот так просто.

— Сложнее уже некуда, поэтому я решила остановиться на этом. — Я потерла руки. — Буду смотреть вакансии экономиста и думать о том, чтобы выкроить неделю отпуска на роды и возможность прийти в себя. Потому что иначе меня никто на работу не возьмет. Каково это вообще?

— Что?

— Носить ребенка иртехана. — Я сцепила пальцы, потом их расцепила.

— Помимо вливания пламени, по сути, ничего существенно отличающегося от обычной беременности. Разве что тебе придется постоянно много есть.

— Пока что меня от еды тошнит.

Бен скептически покосился на пустой пакет из-под рогаликов, который опрокинула Гринни. На столешнице валялось несколько сиротливых крошек.

— Рогалики — исключение, — сказала я.

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя в свободном доступе всегда были рогалики.

— А, это один из пунктов твоего плана? Чтобы к родам меня раздуло настолько, что у Торна пропадет желание вести за мной слежку?

Бен сцепил руки на уровне лица. Потом покачал головой:

— Ты самая необычная женщина, которую я когда-либо встречал.

— У тебя просто круг общения был небольшой, — хмыкнула я.

— Временами мне кажется, что слишком большой.

Он смотрел на меня, в глаза. Или просто на лицо. Или на губы. От последней мысли харргалахт дернулась искрой, а может быть, она дернулась искрой из-за того, как дернулись его зрачки. Лишь на миг удлинясь, а после вновь становясь человеческими.

— Расскажи, как происходит вливание пламени, — сказала я. — Как это вообще делается? Это так же больно, как нанесение харргалахт?

Бен покачал головой:

— Нет, этот процесс совершенно иной. Гораздо более приятный, Лаура.

Я прищурилась:

— То есть он просто как подключение к источнику питания? Вроде индукционной зарядки?

— Вроде проводной, — хмыкнул Бен. — Это делается через секс.

— Что? — очень тихо переспросила я.

— Ты не знаешь, что такое секс? Странно, что у тебя возникла такая проблема, как беременность.

Я подхватила первое, что попало мне под руку, а именно жесткую диванную подушку, но Бен мою руку перехватил. Впечатал в мягкую спинку, а следом впечатал в диван меня. Гринни, сладко сопевшая, подскочила и взмыла ввысь.

— Вообще я просто хотел посмотреть на твое лицо, — не знаю, на какую именно точку на моем запястье он нажал, но пальцы разжались сами собой, и подушка выпала на пол. — Но сейчас думаю, что это отличная идея. Твою...

Последнее относилось к смачному «кусь». Упавшая на него сверху Гринни тяпнула его за плечо. Воспользовавшись моментом — то есть резким разворотом Бена, я подскочила с дивана и схватила торшер. Декоративный и тяжелый: хозяин квартиры, наверное, нашел его в магазине антиквариата.

— Женщина, да он тяжелее тебя, — вздохнул Бен, обернувшись. Гринни, пытавшуюся извернуться в его руках, он держал за шкирку.

— Это ничего, — сказала я. — Зато я посмотрю на твое лицо после того, как тресну тебя этим.

— По крайней мере, рыдать ты больше не собираешься.

Рыдать я точно больше не собиралась, но после его слов мне захотелось треснуть его торшером еще сильнее. Правда, справедливо оценив собственные силы, торшер все-таки поставила. Честно говоря, я его и не поднимала, так, наклонила слегка.

— Это не смешно, — сказала я, — совсем. Ты в курсе?

Бен посмотрел на Гринни:

— Да уж, тут не до смеха.

Виари рычала и умудрилась распушить свою шерсть до таких масштабов, что стала похожа на дикий кусачий шар.

— Отдай ее мне!

— Она агрессивная.

— Я тоже! — рыкнула я и забрала виари, прижимая ее к груди. — Пойдем, маленькая. Дядя Бен просто набл.

— Дядя Бен?

— То есть «просто набл» тебя не смущает?

Выяснить, смущает его «просто набл» или нет, мы не успели. Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть, и Гринни вздрогнула вместе со мной, мгновенно ошетилившись снова.

— Так, когтей у тебя нет, но давай ты все-таки не будешь меня царапать, — сказала я, опуская ее на пол. — И кусать всяких подозрительных личностей.

Шагнула к двери, но Бен меня перехватил. Остановил и сам нажал кнопку видеосвязи. Компания на парковке смотрелась внушительно: рослый мужчина в костюме, то ли позаимствованном у Торна, то ли просто купленном у плагиатчика его дизайнера, за его спиной еще двое, и на заднем плане — грузовой флайс, возле которого стоял уже знакомый мне врач. Кажется, Торм называл его Арден, когда привез меня на свой сверхсекретный объект, чтобы меня быстро поставили на ноги.

Мысль об этом перехватила дыхание, и я даже не представляю, когда бы оно вернулось, если бы Бен издевательски вежливо не произнес:

— Я вас внимательно слушаю.

— Ферн Эстфардхар, не в ваших интересах препятствовать нам при общении с ферной Хэдфенгер.

— Риамер Стенгерберг, не в ваших интересах преследовать мою невесту.

По ту сторону видеофона повисла пауза, а я не могла отвести глаз от грузового флайса. Это же

портативная лаборатория. В которой меня чисто теоретически можно разобрать на винтики, а потом собрать снова в том порядке, в котором потребуется.

Стенгерберг протянул руку, и видеофон погас.

— Поднимаются, — хмыкнул Бен.

— Что? Как? Мы же им не открывали...

— Главное — вести себя естественно, — сообщил он мне и открыл дверь.

Внушительность Стенгерберга в действительности поражала. Ростом он был еще выше Торна и Бена, а от его взгляда хотелось накрыться лазероупорным стеклом. Следом за Стенгербергом в квартиру шагнул Арден, который почему-то выглядел мрачным и уставшим, и еще двое в костюмах.

— Ферна Хэдфенгер, вы идете с нами, — минуя приветствия, сообщил Стенгерберг.

— Нет.

Это ответил Бен.

Он шагнул вперед, оказавшись лицом к лицу с ним, и — странное дело — внушительность Стенгерберга несколько померкла. Хотя ниже ростом он не стал и менее ледяным — тоже.

— Мы оба прекрасно знаем...

— Мы оба прекрасно знаем, что вы сейчас превышаете полномочия. Вломившись на частную территорию с изысканием парня из подворотни, которому приказано приволочь девку владельцу подпольного клуба. — Бен говорил спокойно, но в проникший в квартиру вместе со Стенгербергом лед сейчас вплавлялось пламя совершенно иного рода. Теперь я чувствовала его так же остро, как ледяное, потому что оно отзывалось во мне. Точнее, на моей коже, жалящими искрами силы.

— Уйдите с дороги, ферн Эстфардхар.

— Попробуйте меня отодвинуть.

— Хватит.

Этот голос прозвучал спокойно, но на него обернулись все. Точнее, все повернулись в сторону Ардена, который сейчас смотрел исключительно на меня.

— Ферна Хэдфенгер, если не возражаете, я бы очень хотел с вами поговорить. Наедине.

Бен не успел ничего сказать, я уже кивнула.

— Хорошо.

— Вы превышаете полномочия. — Голос Стенгерберга был просто ледяным.

— Давайте вы со своим непревышением просто дадите мне сделать то, что я должен. — Арден посмотрел в сторону двери, ведущей в спальню. — Ферна Хэдфенгер, прошу. Ферн Эстфардхар, у меня при себе нет ничего, что угрожало бы вашей невесте.

Удивительно, но Бен посторонился, и мы вместе с врачом прошли в спальню. Не сказать, что я выдохнула, когда за нами закрылась дверь, но по крайней мере, ушло это давящее ощущение силы схлестнувшегося пламени.

— Лаура. Могу я называть вас так?

— Зависит от того, что вы хотите мне сказать. — Я сложила руки на груди.

— Я знаю Торна очень давно. Поверьте, вам лучше вернуться, если вы беременны. Или позвольте мне сделать анализы, если нет.

От такого заявления я даже не сразу нашлась, что сказать.

— Мы с ним знакомы со времен академии. Обучение иртехана начинается, когда ему шесть, и заканчивается, когда ему двадцать три. Все это время мы учимся владеть собой — сначала осознаем то, с чем мы на самом деле родились. Потом чувствуем это. Потом оно раскрывается, и чем больше его сила, тем больше ответственность. Тем больше нужно контроля, чтобы это удержать. Мы с детства впитываем прописную истину: без контроля пламя принесет только разрушения.

— Это все очень мило, но при чем тут я?

— При том, что за все годы нашего знакомства с Торном, таким, как сейчас, я не видел его даже после смерти родителей и сестры.

Я глубоко вздохнула, и мне показалось, что вдохнула я не просто воздух, а дыхание Ледяной волны.

— Вы не представляете, что сейчас происходит.

— И вы предлагаете мне вернуться? — уточнила я. — Если я беременна?

— А вы беременны? — Арден посмотрел на меня в упор.

Зря я согласилась на этот разговор.

— Это не ваше дело. Мне пора вернуться к будущему мужу.

Иртехан усмехнулся. Эта усмешка только подчеркнула его внешность: жесткий взгляд и военную выправку. Сейчас от него мороз шел по коже, ничуть не меньше, чем от Стенгерберга или Торна, поэтому я поспешила его обойти, направляясь к двери.

— Если вы не вернетесь к Торну, вы измените мир.

Я обернулась:

— Что, простите?!

— Вы меня слышали. Далеко не факт, что к лучшему.

Я остановилась, посмотрела ему в глаза.

— Арден. Могу я вас называть так?

— Смотря что вы хотите мне сказать.

— Мне совершенно безразлично как чувствует себя Торн, и какие комплексы он реализует, обложившись своей властью. Мне совершенно безразлично, что он там себе думает, но мне не безразлична моя жизнь. Та жизнь, которая у меня была рядом с ним, меня не устраивает, и я не собираюсь зажимать себя в тиски ради эфемерного мира, о котором вы говорите. Я не беременна. Можете так ему передать. Это все, что я могу сказать ему сейчас.

Развернувшись, я вышла, оставив за спиной и Ардена, и его слова.

Стоило мне оказаться в гостиной, как в меня вонзились два взгляда: Бена и Стенгерберга, но я подошла к Гринни, которая сидела на полу, и взяла ее на руки.

— Боюсь, вам тут больше нечего делать, ферны, — сказала холодно. — Попрошу вас оставить меня в покое, в противном случае я прямо сейчас сообщу о вторжении в мою квартиру и в мою личную жизнь.

Выдержать взгляд Стенгерберга было относительно легко — после взгляда Торна. Его и без того резкий квадратный подбородок обозначился еще резче, тем не менее он кивнул своим людям, и они вышли. Следом за ними вышел Арден.

Стоило двери закрыться, как я посмотрела на Бена.

— Мне нужно остаться одной.

— Пожалуйста, — сказал он. — Не благодари.

— Уходи. Прямо сейчас.

— Я тебя не оставлю одну, Лаура. Не сейчас.

— Уходи! — заорала я. Ссадила Гринни на барную стойку, указала ему на дверь. — Уходи сейчас же, немедленно, слышишь?!

Бен резко шагнул ко мне, притягивая к себе. Это произошло так быстро, что я только что стояла совсем одна, а сейчас уже уткнулась лицом ему в грудь, вдыхая терпкий запах мужского парфюма.

— Пусти! Пусти! Да пусти же!

Я брыкалась, пыталась вырваться, но потом просто замерла в его руках. И, когда он мягко привлек меня к себе, разревелась.

Глава 8

Странное дело, но сегодня мне не спалось. Я ворочалась с боку на бок, будила Гринни, которая то и дело переползала через меня с одной половины кровати на другую. В Хайрмарге сейчас был в разгаре рабочий день, поэтому, распрощавшись с надеждой уснуть, я открыла ноутбук и принялась смотреть вакансии. Те, что нравились мне, были все «с опытом работы». На то, куда приглашали без опыта, мне идти не хотелось, особенно учитывая, что помимо оплаты квартиры, мне скоро еще много всего понадобится.

В конце концов я все-таки нашла парочку подходящих мест, отправила туда резюме, после чего подперла ладонями подбородок и стала смотреть в окно. Мериуж — точнее, мой район Мериужа, был одной из более-менее приличных окраин, находящихся ближе к границе пустоши. После того налета их восстанавливали практически с нуля, странно, что вообще не забросили. Тем не менее жилье эконом-класса в Рагране всегда пользовалось спросом, средний уровень жизни населения здесь совсем не такой, как в Ферверне. Центр (или Нулевое кольцо) отсюда было видно смутно, но он ничем не отличался от всех современных мегаполисов. Первое, второе, третье и четвертое кольца тоже тянулись в небо иглами высоток, а вот дальше этажность начинала резко снижаться.

Насколько я знаю, в том налете пострадал весь Мериуж, и по сути, не осталось района, который не затронул бы огонь драконов. На восстановление ушли годы, особенно большой вклад в него внес Гердехар Аррингсхан, в то время являющийся Председателем Совета Аронгары. Восстановление-восстановлением, но... после налета нельзя восстановить только одно: людей.

Как так получилось, что отец Бена такое допустил?

Я закусила губу, стараясь не вспоминать сегодняшний день. Меня просто прорвало, иначе и не скажешь, я ревела до полного опустошения, до сдавленных вздохов, когда не хватает воздуха. Все это время — в руках Бена. Потом мне было бы очень неловко, если бы не было так все равно. Казалось, вместе со слезами вышли все чувства, но сейчас они возвращались.

Понемногу.

По капельке.

Но так сильно.

Я положила ладони на живот — впервые за последние невыносимо долгие сутки, прислушиваясь к тому, что чувствую. А чувствовала я только свои ладони на животе, и еще его... или ее, совсем крохотное существо, которому скоро понадобится пламя для полноценного развития.

Бен обещал прислать мне кое-какие материалы, и не солгал. Весь день после того, как он ушел и отправил мне их, я читала о пламени и его влиянии на малыша-иртхана в утробе обычной женщины. Там было сказано, что суть пламени значения не имеет. Желательно (но не обязательно), чтобы пламя было родственным, но когда ребенок развивается, ему нужна не природа пламени, а его сила. Сама суть огня, позаимствованного иртханами у драконов в далеком прошлом.

— Как ты там? — тихо спросила я. — Давай знакомиться. Я — твоя мама, и я наделала много ошибок. Твой папа хочет тебя у меня забрать, поэтому я ему ничего не скажу. Если бы ты мог выбирать, с кем бы ты хотел остаться?

Пожалуй, это был самый странный разговор, который у меня когда-либо был.

Но если так говорить — что бы он (или она) выбрали? Жизнь с матерью, которая даже толком работу найти не может, или жизнь с отцом, который правит страной и всегда сможет помочь с пламенем?

За такие мысли захотелось себя пнуть, но я удержалась. Меня уже и так достаточно попинали, а самоистязание еще никогда не было стимулом к развитию.

— Как мне тебя растить? — задала риторический вопрос. — Я ведь почти ничего не знаю о пламени.

Мягко топая лапами без когтей, из спальни вышла Гринни и уставилась на меня большими круглыми глазами: чего не спишь?

— Не спится, — ответила я и похлопала по сиденью барного стула. — Иди сюда.

Виари взлетела (она почувствовала силу крыльев, и теперь всю ею пользовалась), плюхнулась на стул и заурчала.

— Любишь детей? — спросила я. — А скоро... ну или относительно скоро, у тебя появится еще один друг. Или подруга. Не такой чешуйчатый, как Верраж... я надеюсь.

Гринни грустно вздохнула и ткнулась носом мне в руку.

— Да. Я тоже по нему скучаю.

— Виррр.

Это вышло так тоненько, что я рассмеялась.

— Иди ко мне!

Меня обняли всеми лапами, засопели в шею.

«Если тебе понадобится что-нибудь, если тебе станет плохо или почувствуешь что-то странное — сразу же звони мне».

Я помнила эти слова Бена, и сейчас, когда держала Гринни на руках, поняла, что обращаться к нему буду только в самом крайнем случае. Только когда мне действительно понадобится пламя, и ни по какому другому поводу, потому что сегодня, рыдая в его объятиях, я и так позволила себе слишком многое. Совершенно лишнее.

Гринни вывернулась из моих рук и потопала по барной стойке к стакану с водой, сунула туда морду (насколько влезла) и принялась пить.

— Нахалка, — сказала я и посмотрела на телефон.

Мне нужно будет спросить у Бена насчет пламени. Насчет того, как растить ребенка с пламенем. Как и чего ждать, но точно не сейчас. Тем более что еще семь-восемь месяцев об этом точно можно не беспокоиться.

Семь или восемь?

Я бы хотела лежать сейчас на УЗИ, глядя на монитор, и чтобы рядом был Торн.

Я подумала об этом так естественно, что, когда до меня окончательно дошел смысл моих собственных мыслей, стало тихо. Очень тихо, только сердце билось — сначала ровно, потом все быстрее и быстрее, по нарастающей. Я поднялась и прошлась по квартире, стараясь не думать о том, смогла бы я действительно сказать ему правду.

Смогла бы я вернуться к нему?

— Боюсь, риам Хэдфенгер, нам нечего вам предложить.

Это был ответ, когда я перезвонила узнать, получили ли мое резюме. И в том, и в том случае резюме получили, но из этого ничего не вышло. Без особой надежды я откопала еще три более-менее приличные вакансии, отправила резюме туда и пошла подышать свежим воздухом.

Как оказалось, история с Торном простиралась далеко за пределы Хайрмарга, и почему-то менеджеры по кадрам считали это не лучшим началом моей карьеры. По крайней мере, сейчас я была чуть ли не известнее всех телезвезд вместе взятых, и как выяснилось, слава не всегда имеет знак плюс. Если честно, после телефонной беседы с двумя компаниями, отчаиваться было рано, поэтому я философски размышляла о том, на сколько мне хватит денег без работы.

А заодно и о том, сколько в Мериуже стоит обследование и медицинская страховка, и консультации женского врача. Раньше мне о таком задумываться не приходилось. По большому счету, раньше мне вообще мало о чем приходилось задумываться — отец принимал решение, давал на это решение деньги, и я занималась тем, на что мне давали деньги. В современном мире это оказалось непростительной роскошью.

Район, по которому я гуляла, ничем не напоминал места, где я родилась и выросла. Но я знала, что мама тоже была из небогатой семьи, и ее детство прошло примерно в таком же районе. С поправкой на то, что тогда еще и повсюду шло восстановление после налета, и кризис в Рагране был страшнее, чем можно себе представить. Этот кризис, по-хорошему, завершился лет двадцать как, но страна по-прежнему ощущала на себе последствия случившегося.

Например, тут и там на улицах валялся мусор. Для меня это было дико — настолько дико, что временами хотелось съездиться и попросить, чтобы меня забрали обратно. Правда, насчет «забрали обратно» я ночью так и не пришла ни к какому выводу. Мне не давала покоя мысль, что Торн имеет право знать о ребенке. Но еще больше мне не давала покоя мысль, что ребенка у меня заберут сразу после рождения.

— С вас три сорок.

Расплатившись в небольшом павильоне, где продавались кофе и выпечка, я вышла оттуда с пакетом подмышкой. Завтрака у меня не было: заглянув в холодильник, я поняла, что при одной мысли о купленных полуфабрикатах желудок подбирается к горлу, поэтому даже разогреть не стала.

Сегодня я уже была в парке с Гринни, но сейчас, когда ближе к обеду хорошо разогрело, здесь появилось гораздо больше людей. В основном, мамы с колясками, и я представила себя такой же. Осенью я буду ходить по этому парку с коляской... и чем я буду зарабатывать деньги?! Точнее, как и когда?

Обхватив себя руками, я вылетела из парка вместе с пакетом и подставкой для кофе.

Мне нужно позвонить Даргелу и все ему рассказать! Он же не оставит меня одну в такой ситуации. Не оставит ведь?!

В том, что я всегда могу обратиться к брату, я знала, но имею ли я право? Это не его проблемы, я — проблема. Я большая проблема, которая может обеспечить еще большие, и пока он живет и работает в Ферверне, в Хайрмарге, пусть все так и будет. Я затормозила себя прямо на улице, и как оказалось, напротив вывески «Танцевальная студия Лари Эрро».

Точнее, напротив офисного центра, где эта студия располагалась. Я вернулась в парк, устроилась на скамейке, подогнув под себя ногу, чтобы не мерзла попа. Достала рогалик, отхлебнула кофе и залезла в сеть.

Сайта у танцевальной студии не было, но если верить информации многочисленных справочных порталов, существовала она уже лет пять. В студии занимались с группами разных возрастов. Обучали там самым всевозможным танцевальным направлениям, в том числе, и танцам на полотнах, чем я занималась с Кори. Не знаю, сколько я сидела, листая фотографии в соцсетях (страницы в соцсетях у студии были) и раздумывая над тем, что мне делать дальше. Знаю только, что когда я в очередной раз отхлебнула кофе, он уже был полностью остывший, а от рогаликов остались одни воспоминания.

Да что я, в конце концов, теряю?

Я поднялась, выбросила мусор и решительно направилась к переходу. Чтобы спустя минут десять уже стоять перед растрепанной женщиной, выдающей пропуск.

— Шестнадцатый этаж, танцевальная студия Лари Эрро, — сказала я.

Она недовольно глянула на меня из кабинки, оторвавшись от монитора. Прокатала взглядом от макушки до талии (куда могла достать), потом снова уткнулась в монитор, и вскоре выдала:

— У меня не записано.

— Что — не записано? — переспросила я.

— Что на вас нужен пропуск.

— То есть как? Мне нужно в танцевальную студию Лари Эрро, и я вам даю документы.

— Девушка, — женщина выросла в своей кабинке, поднявшись из-за стола, — не отнимайте мое время. Я же вам ясно сказала, нужна предварительная...

— Риам Тофе, она со мной. — Я обернулась на голос: невысокая, коротко стриженная девушка (явно не старше меня), шагнула к нам. — Выпишите ей пропуск, пожалуйста, и если вы продолжите в том же духе, я позвоню риамеру Стредже.

Женщина яростно сверкнула глазами, ноздри у нее раздулись, тем не менее она больше ничего не сказала. Плюхнулась на свой стул (явно не аэро, потому что ножки резанули пол с противным визгом) и чем-то смачно гроыхнула.

— Не обращайтесь внимания, это в порядке вещей в ее смену. — Девушка протянула мне руку: — Лари Эрро.

— Лаура Х... — Я оборвала фамилию отца раньше, чем успела ее произнести. — Фил. Лаура Фил.

— Супер. Очень приятно, Лаура.

— Взаимно.

Спустя пару минут, когда пропуск все-таки был у меня, а меня напоследок наградили убийственным взглядом (понятия не имею, чем я так не угодила той женщине), мы с Лари уже шли к лифтам. Лифты здесь тоже были старенькие, медленные, как... я даже не представляла, с чем это сравнить.

Помимо этого, они громыхали, как ящики с железяками, по сути, они и были ящиками с железяками, не считая нас.

— Эта ларрка всех достает. — Махнула рукой Лари, когда мы вышли на шестнадцатом этаже и направились по длинному коридору между одинаковых безликих дверей. — У меня каждая вторая ученица с ней успела поругаться, я уже десять раз говорила Бет, чтобы она включала всех в список на пропуска, но Бет постоянно забывает и говорит, что ей до чешуи на эту заразу, что ей, делать нечего, что ли. Ей, может, и до чешуи, а я потом объясняю ученицам, что за подбитая наблина сидит у нас на входе. К слову, ты из какой группы?

Только сейчас я поняла, что меня приняли за ученицу. Мы остановились перед дверью, из-за которой доносилось уханье басов — судя по всему, занятие шло полным ходом. Не успела я сказать, что я не ученица, когда дверь напротив распахнулась, и лысый, брызгающий слюной мужчина, заорал:

— Эрро, я сто раз говорил, что если будете врубать музыку так громко, я вас отсюда выживу!

— Милый, у нас школа танцев. — Развернувшись к нему, Лари показала ему непристойный жест. — Как соберешься, валяй. Я поговорю со Стредже, чтобы повысил тебе аренду.

— Ларрка! — выплюнул мужчина, и громыхнул дверь.

— Так и работаем. — Лари повернулась ко мне и взялась за дверную ручку. — Женщине в наши дни приходится самой прикрывать себе задницу и все другие места, от мужиков толку ноль.

— Я не ученица.

— Нет? — Девушка нахмурилась.

— Нет. Вообще-то я ишу работу. — Выражение ее лица стремительно изменилось, и я поспешила добавить: — Я только что приехала из Ферверна, и увидела твою вывеску. Я танцую с детства, и я подумала, что...

— Из Ферверна! — Лари отпустила ручку. — Драконова чешуя, а я все думаю, откуда мне знакомо твое лицо. Лаура Фил?

— Фил — девичья фамилия моей матери.

— Чудесно. Работу, говоришь, ищешь? — Она прищурилась, а я почувствовала, что земля уходит из-под ног. Если она сейчас скажет, что я ей не подхожу... — Пойдем, Лаура Фил, поговорим.

Лари кивнула в сторону окна, которое в длинной кишке коридора выглядело, как... гм, закономерный итог кишки.

— Бет! — дверь она все-таки приоткрыла, и в меня ударило музыкой еще сильнее. — Сумку возьми!

Сумка улетела в студию, дверь закрылась, а мы с Лари пошли дальше.

— Драконова чешуя, сигареты! — Она оглянулась на дверь, но возвращаться мы не стали.

У окна было накурено. Не просто накурено, а накурено очень сильно. Благодаря тому, что его плотно закрыли, воняло так, что на глаза наворачивались слезы.

— Сколько раз говорить этим уродам: покурил — открой окно! — Лари рванула створку на себя, и в лицо ударил поток свежего согретого солнцем, но тем не менее бодрящего воздуха. Сейчас я была искренне этому рада, потому что уже собиралась сказать, что лучше поискать другое место для разговора. — Так, Лаура. Взять тебя в качестве тренера я не смогу точно, ты ведь на это намекала?

— Не намекала, — сказала я. — Именно это я имела в виду. У меня есть диплом ХГУ.

— У тебя вряд ли есть диплом тренера, — она махнула рукой.

— Я танцую с детства, и могу пройти курсы...

— Танцую с детства не покатит. Курсы... ну, курсы ты, конечно, можешь пройти, но это месяца два-три, а работа сейчас нужна, я тебя правильно понимаю?

Понимала она правильно. В подведенных глазах, которые из-за густых черных стрелок казались еще более темными, я видела интерес. Осталось определить, какого рода.

— Да, работа мне нужна сейчас.

— Ну вот и чудно. Могу тебе предложить должность помощницы администратора, Бет вечно все забывает и косячит. Смотреть за ней у меня времени нет, а тебе для начала сойдет. Потом уже пройдешь курсы, если захочешь, а дальше посмотрим.

— Что? — переспросила я. — Помощница администратора?!

Лари пожала плечами.

— Ну, как я понимаю, выбора у тебя сейчас нет.

— Выбор есть всегда.

Кому как не мне это знать.

— Хорошего дня, Лари.

Я развернулась, чтобы уйти, но она шагнула наперерез.

— Слушай, мы тут скоро будем делать фотосессию для рекламы. Если умеешь работать с полотнами, сделаем тебя ведущей моделью. Заплату, скажем... ну, сотни три.

Три сотни — это два месяца оплаты моего жилья и довольно скромной еды. Я все еще с трудом привыкала к уровню цен в Рагране, но уже понемногу начинала понимать, сколько и на что мне нужно.

— Тысяча, — сказала я.

— Тысяча?! А ты борзая.

— Тысяча исключительно потому, что ты мне помогла, — хмыкнула я, — и не прошла мимо там, внизу. Тебе же нужно лицо Лауры Хэдфенгер, чтобы пошуметь в соцсетях? Так вот, за удовольствия нужно платить.

Лари смотрела на меня секунд пять, а потом расхохоталась.

— По рукам, — сказала она. — Будет тебе тысяча, Лаура... Фил.

Я улыбнулась, незаметно скользнула взмокшей ладонью вдоль куртки и протянула ей руку:

— По рукам.

Домой я возвращалась в приподнятом настроении: Лари сказала, что с фотосессией затягивать не будем, сделаем сразу, ей нужно только договориться с фотографом, студией, и согласовать их свободные часы. Тысяча эврэ — это уже что-то, а дальше... дальше буду искать работу. Когда у тебя в распоряжении есть запас времени и запас денег, ищется как-то проще.

С этой мыслью я взлетела на свой этаж (мой лифт, к счастью, хоть и был не совсем нового образца, но так, как тот, не громыхал). Из его распахнувшейся пасти я шагнула прямо к своей квартире, и чудом не врезалась в Бена с букетом цветов.

Глава 9

Помимо букета цветов, у Бена в руках наблюдался пакет внушительных размеров и, прежде чем я успела опомниться, он кивнул на дверь:

— Открывай, пока не остыл суп.

— Какой суп?!

— Рагранские рогалики ты уже пробовала, теперь попробуешь наш национальный суп.

Что, уже обед?

Это была первая мысль.

А вторая...

— Какого набла ты творишь, Бен?!

— Мы это прямо здесь будем выяснять?

Я чиркнула ключом по панели и вошла. Стянула сапожки и обернулась к нему, но сказать ничего не успела.

— Твоей дружелюбности может позавидовать только твой бывший.

Я открыла рот. Закрыла. Потом резко шагнула к нему:

— Не смей. О нем. Говорить.

— Или что? Изобьешь меня букетом? — Бен закрыл дверь ногой, поставил пакет на пол и вручил мне цветы. — Тебе не приходило в голову, что обрученные должны видаться, Лаура?

Ответа он по-прежнему дожидаться не стал, подхватил пакет и прошел на кухню, Гринни радостно подлетела к нему.

— А твоя мелочь гораздо более вежливая, ты знала?

Я скрипнула зубами, глубоко вздохнула и пошла искать вазу. По крайней мере, это было лучше, чем действительно избивать Бена букетом, который, к слову, оказался красивый. Очень красивый. Пламенные аррензии оплетали выюнки сова, крохотные стебельки, усыпанные жемчужно-белыми соцветиями, которые в огне основных цветов смотрелись как искры в костре. Окружали все это великолепие слои оберточной бумаги, и можно было невооруженным взглядом сказать, что букет очень дорогой. Я бы сказала, безумно дорогой.

Ваза нашлась почему-то в нижнем ящике на кухне, в самом углу. Видимо, предыдущий арендатор ей не пользовался, поэтому в ней наблюдался слой пыли. Пока я промывала вазу, Бен занимался обедом: спустя несколько минут, когда цветы стояли в воде, по кухне уже тянулся просто умопомрачительный аромат. Про национальный рагранский суп я ничего не знала, но даже учитывая свой поздний завтрак, мгновенно захотела есть.

Снова.

И это в очередной раз напомнило мне о моем положении.

— Я почувствую, когда ему... или ей понадобится пламя? — спросила, остановившись рядом с ним.

— Нет. До такого мы доводить не будем.

— До какого?

— До того, чтобы ты падала в обмороки в ледяной лихорадке.

Я сглотнула.

— Ты сейчас нарочно меня пугаешь?

— Нет. — Он посмотрел мне в глаза. — Я сейчас говорю о том, что тебе придется довериться мне, Лаура, если ты хочешь выносить здорового ребенка и остаться здоровой сама. В Рагране.

Последнее уточнение было очень некстати. Потому что не далее как сегодня ночью я думала о...

— Значит, суп, — перебила собственные мысли, устраиваясь на барном стуле. — Он тоже везде продается?

— Его я готовил сам.

На этом заявлении я предпочла сунуть в рот ложку и промолчать. Бен устроился напротив меня, Гринни попыталась было взгромоздиться между нами на столе, но была немилосердно взята за шкурку и отправлена на пол. После чего обиженно взвиркнула и демонстративно ушла в спальню: обижаться дальше.

— Я думала о том, что Торн имеет право знать.

Сама не знаю, зачем я это сказала.

— Ну и что надумала? — Бен, казалось, был полностью увлечен супом, но искры в его глазах мгновенно отразились на моем харргалахт.

— Ничего. Пока ничего.

— И в этом ты вся.

— Что, прости?

— О тебя можно сколь угодно долго вытирать ноги, а ты будешь раздумывать, не причинила ли ты случайно боль подошвам его ботинок.

Я вернула ложку в суп и отодвинула тарелку.

— Убирайся.

Над ключицей полыхнуло так, что показалось, сейчас загорится блузка. Бен чуть подался вперед:

— Еще одно «убирайся», Лаура, сказанное в мой адрес, и я действительно уберусь. Оставлю тебя наедине с твоими проблемами, с твоим Торном, и со всем, что ты будешь разгребать очень недолго — до следующего визита его парней.

Он произнес это, даже не повышая голос, после чего снова вернулся к обеду — так, будто ничего не случилось. Я посмотрела на суп (он действительно был очень вкусный), подвинула к себе тарелку и стала есть.

— Со следующей недели я выхожу на работу.

— Заведующим отделением кардиохирургии.

— Странно, что ты это помнишь.

Я снова отложила ложку.

— Еще одно «странно», когда я пытаюсь — а я честно пытаюсь — общаться с тобой нормально, и я надену тарелку с супом тебе на голову.

Бен поднял на меня взгляд, уже, к слову, совершенно иной, чем несколько минут назад.

— Принято. — Он указал на меня ложкой. — Так вот, на следующей неделе я выхожу на работу, и мы будем видеться исключительно вечерами. Мне нужно, чтобы ты отслеживала свое состояние очень внимательно, и о малейшем недомогании сразу же сообщала мне. Чуть позже, через месяц-другой, сделаем УЗИ в частной клинике. Там работает моя знакомая, если быть точным, она ею владеет, поэтому дальше нее дело не пойдет.

— Ты уверен? — хмыкнула я.

— Абсолютно. Для всех твой срок будет другим. Рожать будешь там же, поэтому никаких проблем не возникнет.

Я потеряла виски.

Моя первая беременность. Мой первый ребенок...

Да, совсем не так я это себе представляла. Если быть точной, я это вообще никак себе не представляла.

— А пламя? — спросила я. — Когда ребенок родится, как быть с пламенем? Что делать с ним?

— Давай не будем загадывать так далеко. — Бен кивнул на блюдо, куда выложил рогалики (куда же без них): — Ешь рогалики. Они классические, как раз для супа.

Я взяла один, повертела в руках.

— Мне нужно загадывать дальше, Бен. Я беременна. Для меня каждый день приносит какую-то неожиданность. Поэтому чем меньше их будет потом, тем лучше.

— Сейчас тебе как минимум нужно меньше волноваться. — Он посмотрел мне в глаза. — Когда твой ребенок родится, пламени у него сразу не будет. Но даже если представить, что такое возможно, я буду рядом.

— Ты будешь рядом всегда? — Я усмехнулась.

— А тебе бы этого хотелось?

Я вздохнула.

— Иди ты в пустоши, Бен.

— Там скучно и одни драконы.

— Ты не любишь драконов?

Бен пожал плечами:

— Они не любят меня.

— То есть как? — Я смачно откусила рогалик. Правду говорят, что аппетит приходит во время еды, а еще во время еды приходит жор: я точно это поняла. Потому что потянулась к жаркому, которое тоже принес он. — Это тоже ты сделал?

— Тоже я.

— Так что там с драконами?

— Мой отец убивал драконов. Вливал себе их кровь.

Что я там говорила про жор? Есть как-то сразу расхотелось.

— А... при чем тут ты?

— Ты, наверное, знаешь, что драконы умеют общаться ментально?

— Вообще-то нет.

— Для бывшей невесты...

Я взялась за тарелку с супом и Бен поднял руки вверх.

— Ладно, я пошутил. Так вот, ты слишком мало знаешь о драконах, Лаура. Они умеют общаться ментально, и помимо этого, они запоминают энергетику. Магию. Пламя. Давным-давно существовала теория... хотя впрочем, сейчас это уже больше чем теория, что ментальное поле драконов простирается над нашим миром, как спутниковая сеть. То есть образно говоря, драконы Аронгары могут общаться с драконами Ферверна. Это память, передающаяся из поколения в поколение, от родителей к детям.

Я поморгала. Если представить, что это правда, то получится информационная сеть похлеще, чем у Торна. Столько знаний, накопленных за множество тысячелетий...

— Судя по твоему лицу, ты понимаешь, о чем я. Именно поэтому браконьеры убивают драконов — чтобы не могли сохранить слепок магии, передать информацию. Записать: опасен. Во мне — отпечаток магии моего отца, именно поэтому я никогда не приближусь ни к одному дракону. А если приближусь... — Он усмехнулся. — Не хочется грузить тебя лишними данными, но именно поэтому после браконьерства род правящего отстраняется без возможности восстановления. Хорошо, если просто отстраняется.

— Жуть, — произнесла я.

— Жуть, — подтвердил он. — Так что ты как хочешь, но в пустошь я не пойду. Мое место — здесь, с отравленным браконьерством пламенем.

— Эй, — тихо сказала я. — Я не хотела...

— К наблам извиняшки. — Он подвинул к себе свою порцию жаркого. — Но у нас с тобой роман в самом разгаре, и надо определиться, как мы будем его поддерживать.

Возразить я не успела, Бен подался вперед и коснулся пальцами моих губ. Жест вышел настолько интимным, что я вздрогнула, и вместе со мной вздрогнуло алое пламя. Над моей грудью. Пульсация ударила в кожу, стекая возбуждающей дрожью по напрягшемуся соску. Я отпрянула, наткнулась на спинку барного стула.

— Ты что делаешь? — спросила, глядя на его пальцы.

— Испачкалась. — Он показал мне капельку соуса на подушечке безымянного пальца.

— Не делай так больше. Просто дай мне салфетку, ладно?

— Какая же ты еще девочка, Лаура. — Бен усмехнулся, но салфетку мне все-таки протянул.

Я выхватила ее так, чтобы не касаться его пальцев.

— Что ты там говорил про поддерживать?

— Я говорил, что если ты будешь так прыгать от меня на людях, нам никто не поверит.

— На людях не буду.

Он усмехнулся, а потом облизнул пальцы.

— Да ну?

В этот момент я поняла, что краснею самым бессовестным образом. Какого, простите, дракона, я, современная молодая женщина — и краснею?!

— Ладно, — сказала, возвращаясь к жаркому. — Излагай план.

— Помимо вливания пламени, которое, скорее всего, тебе потребуется в самое ближайшее время, нам придется ходить в рестораны и в целом много где появляться на публике.

— Это не страшно. Особенно теперь, когда ты сказал «придется».

Бен хмыкнул.

— А тебе палец в рот не клади, Лаура Хэдфенгер.

— Достаточно того, что ты положил его в рот себе. И к слову, Лаура Фил.

— Фил?

— Девичья фамилия моей матери. Ее звали Оррис Фил. — Я закусила губу, но тут же покачала головой: никаких больше серьезных тем. — На сегодня мы план-максимум выполнили, я полагаю? Цветы, совместный обед, приготовленный тобой суп?

— Ты забыла жаркое.

— Не забыла, я его просто еще не доела, поэтому оно не считается.

Бен снова подался вперед.

— Ну, в таком случае ты удивишься, потому что план-максимум еще не выполнен.

— Неужели?

Он кивнул.

— Следующим пунктом в нем поход в кино. На новый блокбастер Джермана Гроу.

— М-м-м-м... — многозначительно произнесла я.

— Отказаться ты не сможешь.

— Ты так уверен?

— Разумеется. Во-первых, это премьера, и у нас лучшие места в лучшем кинотеатре...

Я вопросительно посмотрела на него, ожидая продолжения про места.

— А во-вторых, это последний фильм Джермана Гроу. Он так и сказал: последний. Ты же в теме, что он больше горит постановками?

— Нет, — честно призналась я.

— Ладно, понятно. — Бен хлопнул ладонями по столу. — Премьера, как ты сама понимаешь, вечером, а пока...

— А пока?

— Я покажу тебе Мериуж.

Пока я собиралась, он погулял с Гринни. Не знаю, что он с ней там делал, но когда они вернулись, моя виари по пятам за ним ходила, намереваясь ласково цапнуть за штанину. Честно, даже обидно как-то стало — я ее кормлю, глажу, играю, а Бен просто согласился через границу перевезти и один раз погулял — и все.

— Ты ей рогалики покупал? — поинтересовалась я, задумавшись над неожиданным озарением.

— Как ты догадалась?

Я хмыкнула и потерла плечо. Под колючим джемпером оно невыносимо чесалось, но вообще-то выбора у меня особо не было. Колючий джемпер и то небольшое количество одежды, которое я могла себе позволить — это на время, пока я не найду нормальную работу. Нормальную — это такую, на которой платят каждый месяц, и, желательно, так, чтобы мне хватало не только на еду для себя и для Гринни, и на оплату квартиры, но еще и на обновление гардероба.

— Вам случайно администраторы в клинику не требуются? — спросила я, когда мы направлялись к двери.

— Ты что, собираешься работать?

— А на что, как ты думаешь, мне предстоит жить?

Взгляд у Бена был весьма красноречивый. Я бы сказала, более чем.

— Нет, — резко возразила я.

— То есть ты предполагаешь, что я не способен обеспечить свою будущую жену?

Я слегка скрипнула зубами.

— Мы обручены фиктивно.

— Но для всех по-настоящему.

— И что? В Рагрane женщины считают, что зарабатывать должны мужья? — Я сложила руки на груди.

— Не поверишь, но так считаю я.

— Пфф. — Я махнула рукой. — В общем, нет. Так что там с администраторами?

— Могу узнать. — Кажется, Бен сразу понял, что спорить со мной бесполезно.

— Узнай, пожалуйста. Потому что как только все слышат мою фамилию, у них случается... я даже не знаю, как это назвать.

— Я знаю. — Бен открыл дверь и взглянул на подбирающуюся к выходу Гринни так, что та поджала хвост и ушла обратно. — Моя мать была в точно такой же ситуации, и если бы не отчим, как я уже сказал, все могло бы закончиться совершенно иначе.

— А где они сейчас?

— Мама угасла. Без отца. Отчим вернулся в Рагран.

Я прикусила язык. Открыла рот, но вспомнив «к наблам извиняшки», решила, что просто больше не стану поднимать тему семьи. Тем более что это совершенно лишнее между нами. Если честно, я ее и так не собиралась поднимать, она сама поднялась, и я по этому поводу чувствовала себя не самым лучшим образом.

Бен, кажется, по этому поводу не чувствовал ничего — не по поводу семьи, разумеется, а по поводу разговоров со мной о семье. Тем не менее он молчал все время, пока мы не вышли на парковку.

Здесь парковки были крайне редкими, и чтобы оставить флайс, нужно было очень постараться. Скажем так, Бену повезло: парковка была рядом с моим домом и еще тремя домами, запечатанная внутри, в квадрат между зданиями.

— Ого, — сказала я, когда поняла, к какой машине мы идем.

Этот флайс, точнее, марка — Эоррхарг — W1, сейчас считался одним из самых престижных в мире. Я подумала сначала об этом, потом — о том, сколько стоит частная клиника в Ферверне, а потом мне стало стыдно. Снова.

— Я знаю, что извиняшки к наблам, — произнесла я. — Но я хочу попросить прощения за то, что произошло на катке. И за то, что тебе пришлось уехать.

Бен пристально посмотрел на меня. Почти как тогда, на катке. Если уж быть точной, так он на меня смотрел только на катке. Наверное, если бы все можно было исправить, я бы на каток не пошла. Хотя если бы все можно было исправить, я не пошла бы на то собеседование, но что теперь толку об этом думать.

— Я не представляю, как ты дожила до своих лет, — наконец, произнес он.

— Это все, что ты можешь сказать?!

— Ну, еще я могу сказать, что таких как ты больше не делают, а следом — садись.

Дверца сверкнула черным хромом, поднимаясь вверх, и я все-таки села. В салоне пахло дорого: деревом и полировкой. Деревянная панель, отделка во флайсах — это уже не просто комплектация класса люкс. Это роскошь, доступная немногим, такие машины делают на заказ.

— Куда мы едем? — спросила я, когда Бен опустил на водительское сиденье, и нас запечатало в спортивной капсуле флайса.

— Тебе понравится.

Мне правда понравилось. Центр столицы разительно отличался от моего района, больше того, оказавшись в пределах Нулевого кольца, я ощутила, что с моих плеч как будто рухнула тяжесть, не дававшая мне дышать свободно последние несколько дней. Мериуж ничем не напоминал Хайрмарг, здесь была совершенно иная архитектура, но сглаженные (в большинстве своем) фасады сверкающих высоток, залитые солнцем улицы, галереи бутиков и шикарные офисные центры действовали вдохновляюще. Я снова поверила в то, что все будет хорошо. Обязательно будет, надо только захотеть — и найти работу.

И я обязательно найду.

Сначала, до родов, попроще, а потом вернуться к тренировкам, и, кто знает... возможно, моя мечта с «Эрвилль де Олис» перестанет быть мечтой.

Мы побывали в парке Гран Туа, этот многоярусный островок природы посреди мегаполиса сейчас не мог похвастаться зеленью, но вскоре...

— Ты даже не представляешь, как здесь красиво весной, — сказал Бен. — Когда начинается цветение, здесь столько народу — не протолкнуться.

— Хорошо, что я не аллергик.

Он покосился на меня.

— Юмор у тебя слегка медицинский.

Я пожала плечами и облокотилась на сверкающие в солнечных лучах металлические перила смотровой площадки. Парк, возведенный на высоте, представлял собой одно из чудес света. Со всех сторон открывались виды столицы — высотки, знакомое мельтешение флайсов на аэромагистралах, извивающиеся змеи аэроэкспрессов. Смотровые площадки шли кругами, от первого и до последнего яруса, окружая многочисленные дорожки и зеленые зоны (то есть зоны, которые весной станут зелеными), площадки для пикников, скамейки, фонтаны. Главная достопримечательность — искусственное озеро, располагалось на самом верху, где мы и стояли. Уже сейчас оно переливалось солнечными бликами, могу только представить, каким оно станет в окружении зелени и цветов.

— Особенно круто здесь летом на закате, — заметил Бен, облокотившись на перила одной рукой и глядя на меня. — Виды просто потрясающие.

— Ты здесь часто бывал?

— В парке?

— Нет, в Мериуже.

— Не сказать, чтобы очень. Но отчим повсюду таскал меня за собой, пока я не вырос.

Я подумала о его матери. Сколько же ему было лет, когда он остался один?

— Что за фильм нам предстоит смотреть? — поинтересовалась я.

— Я уже думал, не спросишь. Рожденная в пламени.

— Вот это название!

— Зажигает, да. Косвенно фильм слегка автобиографичный. Хотя все имена изменены, все совпадения случайны.

— То есть? — Я с любопытством посмотрела на него.

— Скажем так, это фильм про его жену.

— Танна... Танни...

— Ладэ-Гранхарсен, да. Мало кому удастся стать настолько известными при жизни, как этим двоим. Словом, он сказал, что эти события здорово его изменили, и что закончить свою карьеру в кинематографе он хочет именно так.

— Зато мы на сто процентов уверены, что фильм закончится хорошо.

— Зная Гроу, я бы не был так в этом уверен. — Бен хмыкнул. — Этот парень — сама непредсказуемость.

— Хочешь сказать, он убьет свою жену?

На меня покосились как-то ну очень странно.

— Что? Я имею в виду, в фильме.

— Ты на самом деле не хочешь стать медиком?

— Нет, у меня немного другие таланты.

Помимо обсуждения кино и других талантов мы успели поговорить еще о том, что со следующей недели начнем вливать пламя и о том, как мы будем встречаться. Картина выходила потрясающая и живописная, никогда бы не подумала, что смогу спокойно говорить о таких вещах. С другой стороны, я много чего себе не представляла раньше, поэтому даже саму суть своего спокойствия восприняла относительно спокойно.

Тот факт, что пламя Бена ни коим образом моему малышу не навредит, мы тоже обсудили. По сути, как он и говорил раньше, его пламя нужно только для подпитки, для полноценного развития полуиртханенка. Никакого отношения к пламени моего сына или дочери оно не имело, не говоря уже о том, чтобы наложить на него какой-то отпечаток.

Мы побывали на аллее Памяти, представляющей собой, по большей части, огромную площадь с установленными на ней голографическими мемориальными досками. На них были перечислены все погибшие в тот страшный налет, продолжавшийся четыре дня.

Четыре дня — мне даже представить страшно — драконы поливали город огнем, и даже миротворческие силы Ферверна и Аронгары не сразу смогли помочь.

Если честно, я даже не представляю, зачем Бен меня сюда привел: он ходил между стеллами с фактами, в том числе и о героях, спасавших людей из-под завалов и из горящих высоток, с таким видом, словно был обычным туристом, который просто не может не посетить это место. Мне же было настолько не по себе — настолько не по себе от осознания даже не столько самой трагедии, оставшейся в прошлом, сколько от того факта, что это значит для него и чем это для него обернулось, что я не выдержала и утащила его отсюда под предлогом того, что меня тошнит.

Потом мы сидели на кольцевой улице, замыкающей самое сердце Мериужа в свой бесконечный круг, а мимо нас проходили туристы и мериужцы. Я думала о маме — как часто она, совсем девчонкой, приезжала сюда с подругами, сидела здесь, болтала и смеялась? Отец говорил о ней, он о ней рассказывал, но он не рассказывал и сотой доли того, что я хотела бы о ней знать.

Наверное, именно в этот момент я отчетливо осознала, что всегда буду рядом со своей дочерью или сыном. Всегда, что бы ни случилось. Несмотря ни на что.

Время пролетело незаметно, и вот мы ужинаем, а вот уже поднимаемся к залу кинотеатра. Толпа народа, собравшаяся у дверей в ожидании открытия зала, гудит, и Бен отводит меня подальше.

— Чтобы случайно спойлеров не нахвататься. В Аронагре премьера стартовала две недели назад, сразу после праздников, — поясняет он. А потом спрашивает: — Не устала?

Это «не устала?» оказывается слишком внезапным, и так же слишком внезапно на меня обрушивается осознание проведенного с ним дня. Да, нам нужно поддерживать легенду нашей «обрученности», но насколько достоверно... или правильнее будет сказать, что нужно сделать для поддержания легенды? По сути, достаточно было того плана-минимум, о котором я говорила.

— Все в порядке, — отвечаю я, и до самого сеанса мы больше не произносим ни слова.

Потом мы смотрим кино. На этом кино можно откровенно реветь, совершенно не стесняясь своих чувств, и пусть эта история — вымышленная, она только основана на реальных событиях, вымышленной она не воспринимается. Про Джермана Гроу говорит весь мир, и я понимаю, почему. Когда несколько лет назад вышла история Теарин Ильеерской, где его жена играла главную роль, я, как и многие девочки моего возраста, преимущественно залипала на Рихта Паршеррда в роли Витхара Даармархского.

Неудивительно, что эта роль для Паршеррда стала пропуском в мир большого кино, и для многих других актеров — тоже.

Гроу действительно гений.

Поэтому сейчас, на этой истории, которая вроде как вымышленная, я откровенно реву. Напоминаю себе, что Танни Ладэ-Гранхарсен счастлива в браке (с тем самым Джерманом Гроу), но все равно реву. Кажется, эти слезы становятся очищением: не те, что были после ухода Стенгерберга с Арденом, а эти.

Еще я смеюсь.

Радуюсь и чувствую, как в падении перехватывает дыхание.

Как бы там ни было, когда кино заканчивается, я полностью опустошена, но опустошена приятно. Чувствую себя воздушной и легкой, улыбаюсь, поворачиваюсь к Бену. Он смотрит на меня: в упор, пристально. Так пристально, что харрагалахт вспыхивает, отзываясь во всем теле странной жаркой волной.

— Здесь будет кое-что после титров, — произносит Бен, переключая взгляд на экран. — Смотри.

После титров — выступление Джермана Гроу. Надо отдать ему должное, редко встретишь настолько харизматичных людей (ну, или иртханов). Я бы не назвала его красавцем, но есть что-то такое в его голосе, в его манере держаться или смотреть в камеру, что от него сносит крышу.

Причем «сносит крышу» — именно то самое выражение. Другого я подобрать не могу.

— Сейчас, когда вы смотрите эту запись, меня, возможно, уже нет в живых.

Зал взрывается хохотом, Джерман Гроу с экрана разводит руками.

— Я просто забыл сообщить жене о том, что собираюсь экранизировать историю ее жизни. Скажем так, она узнала об этом, когда был закрыт последний дубль...

— Ты труп! — В кадре появляется Танни Гранхарсен.

Теперь я понимаю, почему они стали парой: эти двое идеально подходят друг другу. Они друг друга дополняют, как две части единого целого, и когда Джерман Гроу поднимается, перехватывает ее за талию и целует в губы, в зале воцаряется тишина.

— Вы можете сказать, что все это шоу, — произносит он, когда снова смотрит в камеру. — И это так и есть. Отчасти.

— На самом деле я читала сценарий, когда он создавался, по сценам. — Танни занимает второе кресло, ее манера держаться — это что-то.

Она настолько естественная и непринужденная, что кажется, Танни Гранхарсен рождена для сцены. Остается только догадываться, почему она больше не снимается.

— Эта история — художественный вымысел, но она основана на реальных событиях, — продолжает Джерман Гроу, — когда мы поняли, что хотим ее рассказать, мы решили сделать ее именно такой. Часть спецэффектов, которые вы видели, создавала моя жена. Там была такая маленькая, крохотная строчка где-то ближе к концу титров — Танни Гранхарсен.

— Засранец! — Она смеется, и зал смеется вместе с ней.

Я смеюсь тоже.

— И мы искренне рады, что сегодня вы пришли ее посмотреть. Все вы, должно быть, уже знаете, что это мой последний фильм. Но Танни по-прежнему будет делать спецэффекты, и ее имя вы сможете разглядеть еще в сотнях маленьких строчек... если, разумеется, досидите до этого момента.

На этот раз все хохочут гораздо громче, Танни награждает мужа убийственным взглядом. Насколько это у нее получается: глядя на этих двоих, сразу понятно, что они без ума друг от друга.

— Что касается меня, я с головой ухожу в постановки, и буду рад видеть вас — где именно — на сцене Мэйстонской оперы или в Грандвэй, или где-то еще — решит только время. Сейчас я как никогда раньше открыт для экспериментов. Ну, и последнее.

Он смотрит на Танни, которая сидит рядом с ним.

— Мы действительно рады, что вы с нами.

Он это так и говорит «вы с нами», подразумевая и ее, и себя.

— И если этот фильм вам понравился, мы рады вдвойне. До новых встреч!

Вот теперь экран гаснет.

Взбодораженные, всю обсуждающие фильм и звездную пару, все тянутся к выходу из кинозала, мы с Беном выходим последними. У меня почему-то горят щеки и покалывает узор над грудью.

Хочется вдохнуть — во всю мощь, и я это делаю, наслаждаясь прохладой, совершенно не похожей на вымораживающий воздух Хайрмарга. Во флайсе мы тоже молчим, я все еще наполовину в реальности фильма, и Бен, кажется, тоже. По крайней мере, я нахожу в себе силы, сказать:

— Спасибо, — только когда мы уже поднимаемся в лифте.

До моей квартиры остаются считанные секунды, когда Бен подается вперед. Сплетая наши пальцы, заводя мои руки над головой и в одно мгновение врываясь поцелуем в мои губы.

От этого в груди взрывается маленькое солнце. Нет, не в груди, а над грудью, когда его губы раскрывают мои, от харггалахт в каждую клеточку тела вплавляется искра. Сумасшедшая искра дикого, животного влечения, не похожего ни на что, и легкий щелчок раскрывшихся дверей ударяет в сознание, как звучание сирены во время налета.

Я с силой отталкиваю Бена, разрывая наш поцелуй.

— Ты сошел с ума!

— Почему? — хрипло интересуется он, и при этом смотрит на меня так, что на губах снова вспыхивает раскрывающий поцелуй, отзывающийся пульсацией в самом низу живота.

Все, на что меня в настоящий момент хватает — это метнуться к двери квартиры, царапнув ключом по замку, а после захлопнуть ее перед носом у Бена. Кажется, он этого не ожидал, да нет, он точно этого не ожидал, иначе разве ир்தхан — сильный ир்தхан с их звериной реакцией, позволил бы мне сбежать?

Я прислоняюсь спиной к двери, чувствуя, как бешено колотится сердце, и как горит над грудью ненавистная метка. Я избавилась от одной, чтобы получить другую, и... что это только что было?

Звонок в дверь совпадает с топаньем Гринни. Точнее, полностью его поглощает, и я вздрагиваю.

— Лаура, открой.

Здесь никакой звукоизоляции — ну, или почти никакой, потому что голос Бена я слышу отлично.

— Открой, пожалуйста. Нельзя так заканчивать вечер.

— А как можно? — хрипло интересуюсь я.

Не уверена даже, что он меня слышал, потому что мой голос больше напоминает сдвленный шепот.

— Лаура. Пожалуйста. Я не стану извиняться за то, что тебя целовал. Но я согласен с тем, что поторопился. Позволь мне все объяснить.

Я разворачиваюсь лицом к двери, Гринни нюхает мою ногу. Ее нос смешно тычется в джинсовые брюки, потом она плюхается рядом и зевает.

Я знаю, что Бен прав, и что мне надо открыть, но у меня рука не поднимается. Не знаю, сколько я так стою, слушая тишину, пока она не становится еще тише.

Глазок у меня в квартире замызганный, причем когда я пыталась его протереть, выяснилось, что что-то въелось в стекло, а может, его просто так знатно исцарапали чем-то. Я даже понять не могу, чем, и как им это удалось, тем не менее площадка перед лифтом видна смутно, и она пустая. Наверное, стоило догадаться, что она пустая, потому что харргалахт на моей груди засыпает.

— Сейчас, — тихо говорю я. — Сначала есть, а потом гулять.

Тихо-то как. Так тихо, что слышно биение моего успокаивающегося сердца. Где-то там, во мне, бьется еще одно — сердце ребенка мужчины, которого я... во мне не хватает силы, чтобы произнести «любила» даже в мыслях. Потому что если я так подумаю, прошедшее время закроет все, и это все навсегда останется в прошлом.

Я насыпаю корма для Гринни, сажусь на барный стул и верчу телефон в руках.

Всего один звонок отделяет меня от Торна.

Как я могу так реагировать на Бена? Откуда это во мне? Что это?

Пока Гринни ест, снимаю свитер и смотрю на узор харргалахт. На краях еще алые отблески, как отблески того, что творилось со мной и с моим телом во время этого поцелуя.

Харргалахт.

Я упустила возможность спросить о нем, когда передо мной стоял Арден.

Что это? Что делает эта метка?

Меня немного остужают мысли о том, что говорил Торн — во время нашей последней встречи и по телефону, поэтому телефон я откладываю. Снова одеваюсь, и мы с Гринни идем на прогулку. Недолгую, потому что из глубины парка доносится какой-то пьяный хохот, а искать дополнительные приключения на свою пятую точку — это уже перебор.

Торн действительно отнимет у меня ребенка? Нашего ребенка?

Он действительно сможет это сделать?

Я не могу перестать о нем думать. Больше того, я не могу перестать думать о нем так — словно поцелуй Бена разбудил во мне что-то, что я сама в себе запечатала. Сейчас, стоит мне представить губы Торна на своих, кожа мгновенно покрывается мурашками, а я вся превращаюсь в оголенный провод. Тот, до которого где ни дотронься — искры. Совсем не такие, как сегодня, в лифте, искры, от которых больно, сладко, безумно горячо и так же безумно холодно.

Таковыми были его прикосновения. Таковыми были его поцелуи.

Он весь... такой. И мне безумно, отчаянно его не хватает.

В Ферверне сейчас около четырех часов дня, и мне кажется, что если я наберу его номер, все изменится. Возможно, это мне только кажется. Я смотрю на телефон и продолжаю об этом думать.

Возможно...

Я возвращаюсь домой с этой мыслью. Прокручиваю в голове все события, снова и снова, и снова и снова натыкаюсь на его равнодушное: «Это больше не повторится».

«Животом на стол, ноги раздвинь».

«Если бы у нас был ребенок, Лаура, я бы не позволил тебе к нему даже приблизиться».

Нет, я не знаю его, и никогда не знала.

Ворочаясь с боку на бок, я сжимаю в руках телефон. Чувствую, как он выскальзывает из

расслабленных пальцев, но сопротивляться этому уже нет сил. Под тихое сопение Гринни я проваливаюсь в глубину сна.

Глава 10

Меня разбудил звонок, телефон надрывался прямо над ухом. Это выдернуло из сна мгновенно, я обнаружила, что сползла с подушки, а телефон валяется рядом с ней. Прежде чем я успела понять, кто мне звонит, на него напала Гринни. Зубы со смачным «кляц»! сомкнулись на корпусе, и виари взмыла ввысь.

— Стой! Гринни, стой! — Я подскочила, проснувшись уже окончательно, попыталась поймать летучую хулиганку, но она взмыла еще выше. — Отдай телефон! Ты что?!

Телефон перестал звонить, и в прыжке мне почти удалось схватить мелочь за хвост. Мелочь от испуга разжала зубы, телефон шмякнулся на пол и хрустнул.

— Нет! — вскрикнула я. — Нет, нет, нет!!!

Разумеется, как и все телефоны, упал он дисплеем вниз. Разумеется, сейчас вместо стекла у него была экзотичная сеточка из трещин.

— Гринни! — зарычала я. — Зараза мелкая!

Обидевшись на «заразу», виари рыкнула в ответ и вылетела из спальни. В этот момент телефон зазвонил снова: на дисплее под паутиной разбитого стекла высветилось «Лари Эрро».

— Давай! Давай! Ну давай же! — С пятого раза мне удалось сдвинуть значок вызова, и из динамика донеслось:

— Грк... хрк...

Нет. Ну нет. Только не сейчас, пожалуйста!

— Лари! — Я невольно повысила голос. — Лари, привет! У меня небольшая авария с телефоном, если не получится поговорить, пришли голосовое, пожалуйста.

— ... дня, — выдал динамик. — На сегодня, на вечер!

— Что? — переспросила я.

Из трубки донеслось шипение, свист, а следом все-таки прорвались нормальные слова:

— Фотосессия сегодня вечером! В студии «Дэнджерос», но тебе надо будет подъехать часам к четырем, чтобы мы успели с макияжем и образом в целом.

Фух!

— Отлично! Сбрасывай адрес, — сказала я.

— Не опаздывай, будь так добра. А если получится, приезжай еще раньше.

Лари отключилась быстрее, чем я успела ответить, что не привыкла опаздывать. Дисплей погас, потом вспыхнул снова: пришло сообщение. Я ткнула в иконку, но тщетно.

Да чтоб тебя!

Я тыкала в иконку, выключала и включала телефон, потом тыкала снова, пока не заболел палец. Неожиданно дисплей моргнул и поехал, и вместо нужного мне сообщения открылась, разумеется, совершенно ненужная мне соцсеть! Если вспомнить, сколько я там не была, оставайся я все той же Лаурой Хэдфенгер в Хайрмарге, сообщений повыпадало бы море, но сейчас там было всего одно. Взглядом зацепилась за него, и почти перестала дышать — оно оказалось от Сильви.

Учитывая, что в предыдущий раз, когда я пыталась с ней связаться, мой номер она заблокировала, равно как и возможность ей писать в соцсетях, сейчас я открыла его, не раздумывая.

Чтобы увидеть ссылку на пост с фотографией, на которой Торн держал под руку эффектную шатенку.

Первым порывом было закрыть это сообщение, удалить его. Потому что под фотографией стоял ехидный смайлик и подпись: «Надеюсь, ты сейчас чувствуешь то же, что чувствую я». Но разумеется, я так не сделала. Разумеется, я пошла посмотреть на эту шатенку поближе и даже узнала ее.

Известная фервернская модель Солливер Ригхарн.

Тема в соцсетях оказалась весьма злободневной, ее смаковали с самыми провокационными вопросами, стараясь собрать на хайпе как можно больше посещаемости. На десятом таком я не выдержала и просто закрыла ссылку по хэштегам, хотя перед глазами все равно стояли лица Солливер и Торна.

Первым делом я с ноутбука удалила Сильви из своего аккаунта и запретила ей писать себе сообщения. То же самое проделала с ее номером через единый аккаунт. Потом я удалила телефон Торна. А потом открыла сайт службы доставки и заказала себе рогаликов.

Без Бена рогалики почему-то казались не такими вкусными.

Хотя может быть, дело было вовсе не в Бене, а в том самом первом впечатлении: когда все только начинается, оно кажется ярким, невероятным, притягательным и сильным. А на деле оказывается обычной булкой с начинкой.

В тот момент я поняла, что кажется, говорю уже вовсе не о рогаликах, а о булке с начинкой. С ледяной крошкой, с перемороженными ягодами, видимо.

Чтоб ты импотентом стал, Торн Ландерстерг!

Я пожелала это ему от души. Потом от души пожелала быть счастливым с Солливер, но импотентом все-таки больше. После чего твердо решила, что вспоминать и думать о нем больше не буду вообще. Прошное должно оставаться в прошлом, а если оно не осталось в прошлом, это уже не прошлое, а какое-то недонастоящее.

Мне же нужно настоящее настоящее, а не вот это вот все. И уж тем более не это недобудущее, которое мне мог дать Торн от ледяной широты своей правительственной души.

Гринни получила свою долю рогаликов (помимо положенного ей корма, который схрумкала с невероятной скоростью), мы прогулялись, а после я поняла, что мне нечем заняться в Рагране. То есть конечно есть чем — смотреть вакансии, но вот такого, помимо прочего, больше нечем. У меня здесь никого нет, кроме Бена и воспоминаний о маме. Даргел и Рин остались в Хайрмарге, и, видимо, не трогали меня, потому что считали, что мне нужно устроиться. Но помимо этого, Даргел и Рин даже не знали, что я беременна.

И не узнают.

Пока я не смогу сказать, что это — ребенок Бена.

Эта мысль оказалась слишком острой, слишком жесткой, но не вызвала ни малейших угрызений совести. Мне совершенно точно не улыбалось стать в Хайрмарге суррогатной матерью, и уж тем более не улыбалось, чтобы потом моего малыша или малышку воспитывала Солливер Ригхарн.

Интересно, Верража тоже она будет воспитывать?

Вот теперь мне захотелось пнуть эту Солливер. Хотя я ее знать не знала (лично), захотелось очень сильно. Я поймала себя на мысли, что снова думаю про... хотя нет, про драконо... я даже не могла подобрать слово, чтобы характеристика оказалась более емкой, а главное — наиболее точной. Так вот, про него я не думала, я думала про Солливер Ригхарн, которая, вероятно, станет следующей невестой во имя реформы.

Ну флаг Ферверна им в задний проход и попутного ветра под крылья.

Я подтянула к себе несчастный телефон и принялась снова мучить дисплей. С десятого раза сообщение все-таки открылось (хотя я уже собиралась идти в школу к Лари и просить с ней связаться как-то еще), и мне высветился адрес студии «Дэнджерос». Я на всякий записала его на магнитную полосу на холодильнике маркером, после чего еще несколько раз потыкала в сообщения.

Они больше не тыкались, и я запустила голосовую запись (это, к счастью, запускалось).

— Бен, привет. Сегодня у меня фотосессия в студии «Дэнджерос» в четыре часа, вероятно, часов до восьми-деяти. Если у тебя получится подъехать и меня встретить после, буду очень рада.

Если честно, ответа я не ждала, особенно сразу, поэтому с головой ушла в поиск вакансий. И только когда подняла эту самую голову на писк таймера варочной панели и глянула на телефон, обнаружила ответ. То есть значок ответа, до которого мне пришлось ломиться, прыгая на одной ноге по спальне и собираясь, между делом. Чтобы в конце концов услышать голос Бена:

— Сегодня я занят.

Я уже настолько устала ото всех мужчин со «сложными характерами», что на ответ Бена просто

пожимаю плечами и начинаю собираться. Лари просила приехать пораньше, а если верить карте-навигатору (которой я не сумею воспользоваться, потому что не намерена тащить с собой ноутбук, а телефон вообще ни на что не реагирует) студия «Дэнджерос» находится в центре, в одной из этих стильных высоток.

Налет наложил немалый отпечаток на архитектуру Раграна, именно поэтому они такой формы — со сглаженными углами. На месте этих сглаженных углов когда-то были квартиры, этажи и офисы. Честно говоря, не представляю, каково это все знать и жить там, но выхода особого нет. Сравнить с землей и отстроить заново гораздо сложнее, чем восстановить то, что уже хорошо стоит.

В транспорте меня основательно зажимает между грузным мужчиной и хрупкой девочкой-подростком с пирсингом в носу. Девочка поднимает на меня хмурый взгляд, но тут же закрывает глаза и продолжает покачивать головой в такт музыке, бацающей у нее в наушниках. Мужчина вообще пыхтит и то и дело отпускает комментарии по поводу сидящей молодежи, которая не собирается уступать место старшему поколению. Словом, пересадка меня искренне радует. Я поднимаюсь на лифте на нормальную станцию нормального аэроэкспресса, который мне нужен, и, хотя легче сильно не становится, потому что он тоже набит битком — время такое, час пик, я хотя бы могу смотреть на проносящийся за окнами город, как это было в Хайрмарге.

Студия «Дэнджерос» находится в восьмидесятиэтажной высотке и занимает (если верить географическому щиту в просторном светлом холле) семь этажей. К счастью, пропуск на меня уже выписан, и проблем на входе не возникает. Я поднимаюсь на лифте на семьдесят третий этаж, стучусь в дверь администратора.

— Добрый день! Лаура Фил, — сообщаю девушке с короткой стрижкой и торчащими разноцветными прядями за стойкой. — У меня фотосессия для Лари Эрро.

— Да, — кивает она, — садитесь пока. Лари еще не приехала, но скоро будет.

Скоро в моем случае оказывается действительно скоро. Я едва успеваю опуститься на мягкий диванчик кислотно-желтого цвета и посмотреть на картину над стойкой — там мужчина без лица с растущим из макушки носом жонглирует маленькими дракончиками, стоя на краю разделившейся надвое высотки — когда открывается дверь и влетает Лари. Первым делом она замечает меня:

— Уже приехала! Невероятно!

А потом с визгом бросается к администратору. Они обнимаются: судя по всему, давние подруги или очень хорошие знакомые.

— Уйя, ты же знаешь, как я тебе благодарна?!

Уйя подносит к уху ладонь, демонстрируя серьгу-туннель.

— Что я слышу?! Лари умеет благодарить?!

— Лари много чего умеет. — Она хлопает ее по плечу, а потом смотрит на меня. — Ну что, готова перевоплощаться?

Благодаря Торновым стилистам к перевоплощениям я уже привыкла, поэтому спокойно сижу в кресле перед огромным зеркалом с лампами, искренне радуясь, когда надо закрыть глаза (лампы очень яркие). Потом так же спокойно отношусь к тому, что меня дергают за пряди, чтобы их расчесать и сделать «легкую волну» — так говорит стилист. Потом приносят несколько платьев — голубое, серебристое, розовое, белое и пудровое. Голубое и серебристое Лари отмечает сходу:

— Слишком холодно, мы не в Ферверне.

— Но мы же как раз хотим добиться прямой ассоциации? — интересуется стилист. — Ферверн, Лаура Хэдфенгер...

— Не-а. Не совсем. Мне не нужна замороженная Лаура Хэдфенгер, мне нужна Лаура Хэдфенгер-огонь. Женщина, которая смогла послать самого Ландерстерга.

На этом в гримерной воцаряется недолгая пауза, которую Лари же и разбивает хлопком в ладони.

— Ну, что стоим? Дальше поехали, скоро фотограф придет. Я что, дополнительное время должна оплачивать?

Я перехватываю ее за руку и отвожу в сторону.

— Давай договоримся так: если хочешь фотосессию, в таком духе больше не выражаешься.

Лари смотрит на меня, как будто я сказала несусветную глупость.

— Да брось! Ты что, реально обиделась, что ли? Ну ок, больше не буду. Проехали. И погнали.

Белое платье после примерки тоже откладывают — слишком «невеста». Стилист уже даже не высовывается, хотя именно на это он и намекал, только награждает Лари тяжелым взглядом. Если честно, не откажись Лари, отказалась бы я сама, а так у нас, кажется, полная гармония — за исключением того неприятного момента. Дальше следует очередь розового и пудрового. Розовое Лари тоже не нравится: «слишком сладенько». Забавно будет, если и пудровое не понравится, не голышом же я там буду сниматься.

Но пудровое ей нравится. Оно и мне нравится — невесомое, летящая ткань, перехлест лифа на груди, тонкая полоска пояса из той же ткани. И одно оголенное плечо. Я действительно выгляжу воздушно.

Нет, не так.

Я выгляжу, как девушка, которая может парить.

На этой мысли задержаться не получается, равно как и на мысли о Рин (когда прибегает Уйя, чтобы сообщить, что приехал фотограф, при этом ругаясь, что Лари не берет трубку).

— Ну что, готова? — интересуется Лари.

В ответ молча киваю.

— Туфли! — кричит стилист.

Туфли на высоком каблуке, тоже пудровые, мне суют в руку, и мы все вместе идем к лифту. Босые ступни холодит плитка, а потом покрытие лифта. Лари касается панели, и лифт устремляется вверх. Секунда — и двери распахиваются. В лицо мне ударяет ветер.

— Не замираем, выходим. — Лари подталкивает меня в спину. — Ах, да, я забыла сказать. Снимать будем на крыше.

Ветер здесь, наверху, такой, что я мгновенно покрываюсь мурашками с головы до пят. И то, что в Мериуже теплее, чем в Хайрмарге, собственно, не спасает, потому что до весны еще далеко. Да, в Рагране она придет раньше и будет гораздо более теплой, чем в Ферверне, но сейчас от силы плюс три.

Я толкаю Лари обратно в лифт, и выходящие следом за нами едва успевают отскочить, выскочить, проскочить. На крышу.

Нас же запечатывает внутри, Лари складывает руки на груди:

— Ну, что еще?

— Ты представляешь, как я сейчас мерзну?

— Работа модели — вообще дело нелегкое, детка, — хмыкает она. — За что ты думаешь, я согласилась платить тебе штуку? За красивые глаза и твою улетную историю?

Я отзеркаливаю ее позу.

— Еще одно слово про мою улетную историю — и улетишь уже ты. Это понятно? — Я в жизни никогда ни с кем так не разговаривала, но надо же когда-то начинать. — И второе. Это — мое здоровье. Поэтому пока у твоих помощников в руках не будет пледа и термоса, а еще толковой обуви, в которой я буду ходить между кадрами, я туда не выйду.

Лари ругается так, что раньше я бы покраснела, а сейчас прислоняюсь к стенке лифта и ставлю туфли на пол. Заканчивается все тем, что мы снова спускаемся, я делаю разминку — прямо в платье, а все носятся в поисках пледа и термоса. Уйя заваривает какую-то травяную и ягодную композицию, кто-то находит пушистые тапочки с глазами и крылышками — на размер больше моего, но ногам тепло и уютно. Вот так, в пледе, пушистой горкой я и выхожу на крышу вместе с Лари, которая выглядит так, будто готова меня убить.

Мне все равно. У меня помимо замерзшей меня есть еще малыш или малышка, которые тоже могут замерзнуть, и если я могла рисковать собой, ребенком я рисковать не стану.

Конструкция, которую на крыше возвели ради фотосессии, впечатляет. Пожалуй, ей могла бы впечатлиться сама Эрвилль де Олис, ну а если она бы не впечатлилась, то впечатлилась я. Высота этажей в пять, и ленты. И страховочные тросы. И импровизированная сцена на высотке, софиты, и куча профессиональной аппаратуры. Даже думать не хочу, во сколько обойдется эта фотосессия Лари, с другой стороны, это не мое дело.

— Страхочные тросы будем скрывать под лентами, — говорит фотограф. — По максимуму, ну а вообще это не проблема.

— Я могу без страховки.

— Что?

— Я могу без страховки, — говорю я.

Эта женщина говорила несколько минут назад, что рисковать не будет? Ладно, не говорила, а думала. Наверху на конструкции сидят два парня, которые отпускают рулоны лент. Эти рулоны подхватывает ветер, и они раскрываются алыми полотнами.

Алая лента.

Она меня просто преследует, если не сказать больше.

— Ты реально поднимешься на высоту без страховки? — недоверчиво спрашивает Лари.

— Я же не просто так предлагала себя в качестве тренера.

Мне неожиданно становится жарко. Жарко не от тапочек и пледа, а от осознания того, что сейчас я буду парить. Пусть мимолетно, проходяще, но вот таким интересным способом исполнится моя мечта — здесь и сейчас.

— Ладно, тогда давайте начинать, — говорит Лари. — Лучше сверху. В смысле, ты поднимаешься наверх, по крайней мере, попробуешь, а мы тебя фотографируем и...

Я не слушаю ее дальше. Просто шагаю вперед, к лентам.

Конструкция сделана таким образом, чтобы не попадать в кадр, ну или попадать в кадр по минимуму, но все это уже большей частью зависит от ручек и мастерства фотографа. Для него есть специальная управляемая аэроплатформа с ограждениями (она может подниматься на любую высоту), на которую вместе с ним встает ассистентка. Управлять платформой будет именно она.

Я скольжу ладонью по ткани, а после оплетаю лентой запястья, проверяя прочность.

— Драконова задница. Нам бы сюда режиссера, — хмыкает Лари.

Ага. Джермана Гроу.

У меня забирают плед и тапочки, а я смотрю на город моей мамы.

— Солнце сейчас свалится! — кричит фотограф. — А я хочу успеть сделать несколько закатных кадров. Давайте уже начинать.

И я начинаю.

Я просто вплетаю руки в ленты, позволяя им стекать вдоль платья, а после подтягиваюсь наверх. После долгой спячки тело просыпается неохотно, но разминка все-таки спасает положение: разогрев был в тему. Я вспоминаю уроки с Кори, а в голове почему-то сама собой звучит музыка.

Та самая музыка, всплеск которой подхватил голос Сибриллы Ритхарсон на нашем последнем совместном вечере с Торном.

Закончится прошлое...

Прямо сейчас.

Дорогами разными

Пойдет каждый из нас.

Чем выше я поднимаюсь, тем сильнее ветер, но сейчас я почти его не ощущаю. До меня доносятся лишь отголоски, подхватывающие ленты, платье, играющие с моими волосами, а музыка пульсирует в моем сердце.

Новые встречи...

И новая жизнь

Тебя попрошу лишь:

Ты только держись!

Память со временем

Покроется льдом,

Новые чувства

Вспыхнут огнем.

Вспышки сейчас отовсюду — фотограф делает кадры с разных ракурсов, а я продолжаю подниматься. Пусть музыку не слышит никто, но именно она помогает мне вплестаться всем телом в ленты, и я уже не представляю, где заканчиваются они, где начинаюсь я. Мы сплошное продолжение друг друга — платье — воздух — ленты — полет — оплетающая меня ткань — сила в руках — невиданная, непознанная легкость, от которой сердце колотится все сильнее.

— Не будет сомнений

Не будет обид,

Новое время

Нас освободит!

Ведь мир многогранен

И в нем на пути

Так просто, открывшись

Счастье найти.

То счастье, что рядом

С тобой для меня

Казалось сильнее

Любого огня.

На миг на подъеме — перед тем, как рухнуть за самую нижнюю высотку — мне в глаза попадает солнце. А следом — ветер, который подхватывает меня, чтобы швырнуть назад. И я впервые за все время, наверное, впервые за всю свою жизнь позволяю себе просто парить. Парить, по-настоящему прощаясь с Торном и с тем, что могло бы быть.

Я должна была сделать это еще на празднике, но я делаю это сейчас.

Казалось, но прошлое

Здесь и сейчас

Закончится и для тебя

И для нас.

*И мы, распахнув
Крылья сердца в груди
Уверены будем,
Что все впереди.*

*Пусть новый день
За собою зовет
Шагай же в него...
Как впервые в полет!*

Полет раскрывается в тонком, едва уловимом мгновении, когда я действительно лечу, пальцы обнимают ленты, а они меня. В самой высокой точке я смотрю вниз, солнца уже нет, сейчас есть только лампы, и в этом холодном свете под прицелами камеры фотографа я чуть расслабляюсь.

И падаю вниз.

Раскручиваясь на лентах, все ниже, ниже, ниже, быстрее, от вдоха до выдоха, до чьего-то крика, чтобы остановить падение за несколько миллиметров над сценой.

И коснуться босыми ступнями прохладной поверхности, напоминающей зеркальную плитку. Фотограф продолжает снимать, все остальные застыли статуями. Ветер отбрасывает волосы с лица, меня на миг опять ослепляет вспышка, а после я вижу Бена. Он стоит чуть поодаль, и стоит мне замереть, срывается с места. Совершенно беспардонно оттолкнув стилиста, просто хватая меня за руку и тащит за собой.

— Стой! — говорю я. — Да стой же. У меня фотосессия!

Бен останавливается, но только для того, чтобы стянуть куртку и набросить мне на плечи, и этого времени хватило для того, чтобы Лари шагнула к нам.

— Слушай, ты, набл с горы...

Я не увидела, а скорее почувствовала, как вспыхнули его глаза. Потому что харргалахт тоже вспыхнула.

— Ты вытащила мою женщину полуголую на улицу? — поинтересовался он. — И заставила ее рисковать собой?

У Лари натурально отвисла челюсть. У меня же ее, попросту говоря, заклинило, потому что как иначе объяснить то, что я даже ничего сказать не смогла, даже когда Бен подхватил меня на руки и понес к лифтам? В лифте я честно попыталась что-то сказать, и не смогла снова. Потом была попытка на подземной парковке. Но расклинило меня только когда я оказалась внутри его флайса, по-прежнему в его куртке, и когда дверца опустилась — бесшумно, а салон стал стремительно прогреваться.

— Это что только что было?

Ответа не последовало, поэтому я предприняла вторую попытку:

— Бен! У меня фотосессия!

Флайс никуда не двигался, я нажала кнопку открытия двери, но она не сработала. Я резко обернулась к нему в тот же момент, когда он резко обернулся ко мне:

— Ты чем вообще думала, Лаура?!

— Голос на меня не смей повышать! — огрызнулась я. — Чем я думала — не твоя проблема. Эта фотосессия — мой заработок на три месяца.

— Я о том, что ты полезла туда без страховки. В холод. У тебя вообще мозги есть?!

— Открой дверь!

Вместо того, чтобы открыть дверь, Бен коснулся панели зажигания.

— Ты меня вообще не слушаешь?!

— Нет, — прорычал он. — Это ты меня не слушаешь! Адреналин и гормоны, я все понимаю, но ты сейчас рисковала не только собой, но и ребенком! Тебя это абсолютно не смущает? То, что на первых месяцах не стоит переворачиваться вниз головой — тоже? Хотя твоей голове это абсолютно не повредит, хуже уже не будет.

Я на миг опешила, а после просто рванулась к нему, намереваясь как следует врезать кулаками по его груди. Он перехватил меня раньше, чем я успела это сделать, перехватил и дернул на себя, и я впиалась злым поцелуем в его губы. Хотя по-хорошему стоило сказать — укусила, во рту мгновенно полыхнуло металлическим привкусом, и в тоже мгновение полыхнули его глаза и харргалахт. Его ладонь сжалась на моих волосах, горячие пальцы продолжением скользнули по шее. Я потерялась в этой странной, грубой и злой ласке, падая в нее и вцепляясь пальцами в его плечи — до боли, до прерванного судорожного вздоха, когда по губам скользнул холодный воздух.

В этот момент флайс задергался, как неисправная стиральная машинка на максимальных оборотах, и я поняла, что попросту лежу на приборной панели. Или сижу на коленях у Бена, но одно другого не отменяло, просто его рука впечаталась в схему запуска, а схему блокировки движения он еще не отключил.

Эти мысли вторглись в мое сознание поверх чувственных прикосновений — мои руки все еще на его плечах, взгляд упирается не то в его кровоточащую губу, не то в бешено бьющуюся на виске жилку. Сейчас я поняла, что избегаю смотреть ему в глаза, и в сознании почему-то мелькнуло: «Это больше не повторится».

Я проглотила эти слова вместе со вздохом, и все-таки посмотрела прямо. В упор.

В горящую истинным огнем радужку с раскрывшимися вертикальными зрачками.

— Что, Лаура? — хрипло спросил он. — Куда побежишь теперь?

— Никуда.

Я снова глубоко вздохнула и осторожно перебралась на свое сиденье. Сердце все еще бешено колотилось, дыхание сбивалось.

— У меня вещи там, — сказала я. — Наверху. Все. Сумка, ключи...

Телефон не считается, его можно просто выкинуть.

— И платье не мое.

— За вещами схожу, — ответил Бен. — А ты сиди здесь.

— А давай ты не будешь говорить мне, что я должна делать?

— Принято. Останешься здесь или пойдешь со мной?

— Останусь, — сказала я.

У меня не было ни малейшего желания с ним куда-то идти. Особенно после того, что случилось. Особенно после того, как горели его прикосновения на шее... как будто его ладонь до сих пор касалась кожи, а пальцы повторяли изгиб.

Ну и обуви у меня не было. Да.

На этой мысли я откинулась на спинку и закрыла глаза, считая про себя виарчиков, а когда Бен вернулся — открылась задняя дверца, и он скинул на сиденье все, что осталось в фотостудии, запоздало вспомнила:

— Платье...

— Оно теперь твое.

Мне кажется, что все, что со мной происходит — это не моя жизнь. Что я просто наблюдаю со стороны, как какая-то незнакомая женщина живет за меня, и наверное, это даже не странно. После того, как все перевернулось с ног на голову.

— Нет, — говорю жестко.

— Что — нет? — На этот раз Бен не позволяет дверце захлопнуться, резко тянет ее вниз. Закрывается она со щелчком, а в следующий миг уже тихонько взрывает мотор.

— Нет, ты не будешь покупать мне платья.

— Давай ты не будешь мне говорить, что я должен делать?

Он возвращает мне мои же слова, но кто бы знал, как это сейчас бесит. Бесит, как никогда!

— Ты мне никто, — говорю я. — И я не принимаю такие дорогие подарки.

— Никто, — повторяет он, и в салоне становится еще жарче.

Это странное чувство — рядом с Торном я постоянно мерзла, а с ним — все время горю. Нормальное положение дел для меня совсем не предусмотрено?

— Мы ничего не должны друг другу, — напоминаю я, чтобы смягчить последнюю фразу. — И харгалахт только на время...

Я закусываю губу, чтобы не сказать «моей беременности».

— Да, я в курсе, что ты любишь всех использовать, Лаура.

— Что?!

Я что, только что решила, что с ним можно говорить нормально?!

— Ты окончательно рехнулся? — спрашиваю я. — С какой радости ты мне вообще все это говоришь?!

Бен не отвечает, а я за нашей перепалкой даже не заметила, как он вывел флайс по воздушному рукаву наверх. Огни Мериужа рассыпаются вокруг нас, я смотрю на него, а он — на дорогу.

Может, так действительно будет лучше.

Я разворачиваюсь и тянусь за сумкой. Мне даже удастся ее взять с заднего сиденья, но в этот момент раздается резкий сигнал, флайс тормозит, и сумка плюхается на пол. Ее нехитрое содержимое высыпается мне под ноги.

— Наблов урод! — Бен смотрит на флайс, который мы облетаем.

Машина просто зависла на аэромагистральной: это нововведение по всему миру. Когда нарушаешь правила, тебя блокирует на месте до прибытия полиции. Это какая-то супернавороченная технология, которая зашивается во все флайсы без исключения, по требованию Мирового сообщества.

— Я помогу. — Он наклоняется, и, разумеется, первым поднимает мой телефон в трещинку. — Это что?

— Это Гринни.

— Гринни? — Бен опять переключается на дорогу.

— Да, ей не понравился звонок.

— Понятно.

Что там ему понятно, я не уточняю, две упаковки — одну с сипроновыми платочками, другую с влажными, помаду, расческу, карточки и документы, ключи я собираю уже сама. К счастью, Бен больше помогать не стремится, очевидно, понимая, что в следующий раз застрять можем уже мы.

Наши отношения не то что странные, я вообще не представляю, как их можно назвать. Поэтому предпочитаю молчать и думать о том, что мне делать дальше. Моя тысяча, судя по всему, накрылась жопой дракона. И это даже не образное выражение, потому что дракон, который накрыл ее жопой, сейчас рядом со мной управляет флайсом. Другое дело, что этот дракон считает такое возможным, а еще он считает, что вполне может сам меня прокормить.

Что нужно мне — так это определиться со своим к нему отношением, но я не могу.

У меня такой полнейший раздрай в голове и в сердце, что сейчас я могу только есть рогалики и искать работу. Завтра позвоню Лари и узнаю, получилось ли хоть что-то, хоть какие-то снимки, и

сколько она готова мне за них заплатить. Потому что если снимки получились и она хочет их использовать — на них все-таки я, а это уже плюс.

— Ты говорил, что ты занят сегодня. — Хочется уже хоть что-то сказать, чтобы нарушить эту давящую тишину.

— Ты еще не поняла, Лаура? Для тебя я свободен всегда.

Да он издевается!

— Ты сейчас так пошутил?

— Решай сама.

Точно издевается!

Я обещаю себе молчать, и молчу. Ровно до той минуты, пока мы не садимся на парковке возле моего дома, а Бен не пытается взять меня на руки.

— Я умею ходить, — сообщаю я.

— Правда? — хмыкает он. Тем не менее достает мои ботинки и, прежде чем я успеваю что-то сказать, опускается рядом со мной.

Степень моего очешуения достигает каких-то совершенно невиданных высот, когда он надевает ботинок мне на ногу, скользя пальцами вдоль кромки молнии. И то же самое проделывает со вторым. После чего набрасывает мне на плечи мою куртку, а свою оставляет во флайсе.

— Не боишься замерзнуть? — интересуюсь я.

— Мне это не грозит.

Я слегка подметаю платьем не совсем чистую улицу, и, заметив мой взгляд, Бен забирает у меня сумку. Он несет одежду, в которой я ехала в студию, но сумка — это уже перебор. Я пытаюсь отнять, но он заводит руку за спину.

— С другой стороны, я могу помочь тебе задрать платье.

Пару секунд я смотрю на него, потом подхватываю юбку.

— Иди в задницу, Бен.

— Не скажу, что я сторонник такого, но если ты настаиваешь...

Мне снова хочется его треснуть, но вместо этого я начинаю смеяться. Я просто смеюсь так, что из глаз текут слезы, а он идет рядом с совершенно непроницаемым выражением лица. Интересно, лицо в стиле Баррета Крэйна[1] — это визитная карточка всех ирлланцев?

— Мне надо погулять с Гринни, — говорю я, когда мы поднимаемся на лифте. — Но сначала переодеться. Подождешь?

— Тебе надо в душ. Греться, — отвечает он, и стоит мне открыть дверь, свистит.

Гринни вылетает к нему лазерным лучом.

К нему!

Минуя меня. А он уже подхватывает шлейку и надевает ее на убившее мой телефон чудовище.

Сопротивляться, возражать, спорить у меня просто нет сил, поэтому я действительно иду в душ. Включая воду погорячее, чувствую, как с каждой минутой меня все больше клонит в сон.

Я заворачиваюсь в полотенце, отжимаю волосы и думаю, что надо переодеться к приходу Бена. Но пара минут у меня же есть, чтобы полежать? Эта мысль мелькает и растворяется в приятной, убаюкивающей темноте.

[1] Главный герой популярной кинофраншизы о приключениях секретного агента

Глава 11

— Ты моя, — произносит он, и голос сладким ядом бежит по венам.

Я знаю, что это неправда, просто знаю, но очнуться от этого наваждения не могу. Просто не могу, особенно сейчас, когда его ладони на моих скулах. Этот жест — собственнический, властный, и от прикосновения веет отнюдь не нежностью. Силой, жесткостью, холодом, но этот холод, втекая в меня, разогревает тело и сердце так, как не способно никакое другое пламя.

— Мы больше не вместе, — отвечаю я.

Кладу ладони на его запястья, чтобы отстраниться, но отстраниться не получается: Торн не позволяет.

— Мы всегда будем вместе, Лаура. Где бы ты ни была. Где бы ни был я. Твоя жизнь — это моя жизнь. И когда наш ребенок родится, я буду рядом.

Я не успеваю возразить, не успеваю отпрянуть, он наклоняется и целует меня. Так, как целует только он: с силой, яростным, жестким напором, так безумно, так умопомрачительно-сладко, до сбившегося как от порыва ветра во время Ледяной волны дыхания.

Я схожу с ума, теряюсь, падаю.

В его руки, в эти жесткие прикосновения, в этот поцелуй.

Чтобы открыть глаза здесь, в реальности. В Рагране.

По щекам текут слезы, и я уже не пытаюсь их сдерживать. Всхлипываю раз, другой, третий, а потом поворачиваюсь и утыкаюсь лицом в подушку. Я плачу как маленькая девочка, которой это запрещают — тихо, почти без всхлипов, кусая губы. Как будто кто-то может это слышать, на самом деле. Здесь даже Гринни — и той нет, вероятно, заснула где-нибудь в другом месте.

«Ты моя».

«Твоя жизнь — это моя жизнь. И когда наш ребенок родится, я буду рядом».

Должно быть, я окончательно сошла с ума. Или сойду, если буду продолжать в том же духе.

Совершенно не стесняясь (кого тут стесняться-то, кроме себя самой), вытираю слезы руками, убираю волосы за спину и сажусь.

Вспоминаю о том, что произошло вчера, хмурюсь. Отбрасываю одеяло и тут же с визгом накрываюсь обратно. В том, что я голая, сомнений нет. Равно как и в том, что я вчера упала на кровать в полотенце. Полотенца, к слову, поблизости тоже не наблюдается, а это значит, что кто-то должен был меня развернуть и засунуть под одеяло. При мысли об этом я стремительно краснею, потом бледнею, потом опять краснею.

Бен!

У него вообще тормоза есть? Или ему совершенно без разницы, что я говорю?!

На этой мысли я заворачиваюсь в одеяло (тоже непонятно зачем), поднимаюсь и иду в душ. Мне нужно в душ, чтобы что-нибудь не разбить! Потому что позвонить Бену (или даже написать) по-быстрому не получится. А очень хочется! Мне очень хочется сказать ему все, что я думаю вот прямо сейчас!

Ладно, я могу подождать.

По крайней мере, пока не куплю себе новый самый дешевый смартфон.

А после этого...

Я резким рывком распахиваю дверь и замираю на пороге: в ванной парит, зеркало запотело, напротив него стоит Бен.

И он тоже абсолютно голый.

Все мысли вылетают у меня из головы. Впрочем, не уверена, что они там были минуту назад, или сколько там времени прошло, когда я зашла в ванную?

— Доброе утро, — сообщает он.

А я вылетаю из ванной раньше, чем успеваю вдохнуть. В спальне это тоже не получается, у меня перед глазами стоит пар из душевой кабины и рельефные мышцы. И, скажем так, не только рельефные и не только мышцы. Кое-что пониже тоже. Кое-что... таких внушительных размеров. И задница. Задница у него просто потрясающая.

Потрясающе!

Я беременна от Торна, и я рассматриваю задницу Бена.

Думаю о том, какая она потрясающая.

Даже думать не хочу о том, что будет дальше!

— Ты так быстро убежала, что я даже не успел спросить, что ты будешь на завтрак, — сообщает он. К счастью, сейчас у него на бедрах полотенце.

— Ты где ночевал? — уточняю я.

— С Гринни на диване. Полночи отплевывался от шерсти, так что цени.

— Ценить — что? — интересуюсь я.

— То, что я не стал посягать на твою честь. К слову, очень хотелось.

То, что ему хотелось, я даже не сомневаюсь. Особенно учитывая, что это «хотелось» под полотенцем до сих пор выпирает.

— Бен, может тебе еще раз в душ сходить? — спрашиваю, сложив руки на груди. Понимаю, что одеяло ползет вниз, едва успеваю его подхватить, а он откровенно хохочет. Просто ржет, как драгхатри, парнокопытное, чтоб его!

— Ты всерьез считаешь, что это допустимо?! — Я смотрю ему прямо в глаза. — Вот то, что ты сейчас творишь?

— Учитывая, что я тебя раздел и засунул под теплое одеяло, чтобы ты не простыла — да. Я считаю, что это допустимо. Так что переставай строить из себя женщину из прошлого века, и скажи мне уже, что ты хочешь на завтрак.

— Рогалики, — сообщаю раньше, чем успеваю себя остановить. — И кофе.

— Рогалики с чем?

— С сыром и ломтиками фруктов.

— Ладно, разберемся.

Бен выходит, оставив меня одну, а я глубоко вздыхаю и опускаюсь на кровать. Это больше похоже на помешательство — как вообще такое возможно? Мне снятся сны про Торна, а реагирую я на Бена. Причем реагирую весьма однозначно. Даже под одеяло не надо заглядывать, чтобы понять, что соски стали тугими, и что до безумия хочется к ним прикоснуться. Мне вообще хочется секса.

Просто до одури. Это нормально?

Будь я просто беременна, то есть не от Торна, я могла бы сходить в женскую консультацию и помимо всяких обследований задать этот вопрос, но я не могу. Спрашивать у Бена, нормально ли это... ну нет, к такому жизнь меня не готовила, и я вообще как-то даже не представляю, чем это закончится.

Поэтому иду в душ, на всякий случай захватив с собой одежду, и дверь запираю изнутри. Захожу в душевую кабину, стараясь не думать о сбивающемся дыхании и о том, как бешено колотится сердце. Ну и о сладком возбуждении, растекающемся по телу — тоже. Быстро принимаю душ, вылетаю из кабинки, одеваюсь и выхожу из спальни.

Бен еще не вернулся, а Гринни самым натуральным образом дрыхнет.

Приоткрывает один глаз, чтобы на меня посмотреть, после чего дергает лапой и закрывает, и даже к еде не бежит, из чего я делаю вывод — покормлена. В случае Гринни, скорее, откормлена, так, что даже шевелиться не хочется. Помимо прочего, она не только откормлена, она еще и выгуляна, это однозначно. Иначе сидела бы сейчас у двери и пищала.

Я глубоко вздыхаю, открываю ноутбук.

Надо выбрать какой-то самый дешевый смартфон, связаться с Лари и обсудить с ней, что делать с теми фото, которые получились, и как мы вообще все это оформим. Я собираюсь открыть почту, но не успеваю: мне выскакивает уведомление, что на мою карту были зачислены средства.

Ровно пять тысяч.

Я смотрю на сумму, не в силах поверить своим глазам. Уведомление очень быстро исчезает, поэтому я иду на сайт. Банковская выписка подтверждает, что сегодня на мою карту были зачислены средства.

Пять тысяч.

Но этого не может быть! Это какая-то ошибка?

Лари что, промахнулась? Ничего себе, промахнулась, да она бы весь смартфон мне оборвала... если бы он работал! Я быстренько устанавливаю версию работы с контактами для ноутбука и набираю ее. Она отвечает не сразу, мне приходится набирать раза три. Когда, наконец, я слышу ее голос, он весьма недовольный:

— Что?

— Что это за сумма, Лари?

— А ты что, недовольна?

Я хмыкаю.

— Нет, я более чем довольна, но мы договаривались о другом.

— Фото получились удачные, — сообщает она. — И я там тебе договор сбросила, на тему, что ты на них вообще не претендуешь, и что я могу делать с ними все, что угодно, равно как и продавать без отчислений тебе.

— Кому ты собралась их продавать?!

— А это уже не твоего ума дело, красавица. Давай, подписывай договор или возвращай деньги. Сделать это нужно сегодня до обеда, так что долго не думай.

— Я хоть посмотреть-то на них смогу?

— Извини, детка. Это в контракт не входит.

Лари отключается, оставив меня в состоянии легкого шока.

Пять тысяч!

Пять.

Тысяч.

Да я о таком даже мечтать не могла! То есть по сравнению с тем уровнем жизни, к которому я привыкла, это нормально, но... но я смогу не работать, пока ношу малыша, и у меня даже будет что-то на первое время после родов, чтобы я могла спокойно найти работу. Я смогу нормальный смартфон себе купить, и... и...

Щелкает замок, Бен проходит в гостиную с пакетами.

Когда замок щелкает второй раз (закрывается дверь), у меня в голове тоже что-то щелкает. Я складываю руки на груди и интересуюсь:

— Сколько ты ей предложил?

Бен ставит пакеты на стол, потом пристально смотрит на меня.

— Что она тебе сказала?

— Она? Мне? Ничего. — На языке горечь, и такая же горечь в сердце. — Просто пять тысяч перевела, вместо одной. Надо было хотя бы две, Бен. А лучше полторы. Тогда я, может быть, даже не задумалась бы. А так — Лаура-дура слегка задумалась, за что ей такое счастье.

У него меняется выражение лица, набл его знает почему, но я отступаю и просто выставляю руки вперед.

— Лучше не подходи, хорошо? — Я показываю ему на раскрытый ноутбук. — Знаешь, что я чувствовала там, вчера, на этих лентах? Я чувствовала себя живой, Бен. Эти несколько минут, когда у меня не было ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Когда я просто парила.

У меня из глаз сами текут слезы, но мне, к этому, наверное, надо уже привыкать. Думаю, дело в беременности, там вроде как гормональный фон меняется, и поэтому я теперь буду реветь по поводу и без повода. Мне плевать. На все плевать. Я возвращаюсь к ноутбуку, не глядя на Бена, даже не оборачиваясь. Просто открываю банковскую программу и делаю обратный перевод, после чего захожу в почту и пишу ответ на письмо Лари с договором: «Все фотографии перешлешь мне».

После чего утыкаюсь лбом в сцепленные руки.

Ну вот да, десять смартфонов мне. И еще один вдогонку, и роды в какой-нибудь частной клинике. Хотя какая разница... рожать я все равно буду там, где Бен скажет. И какая тогда разница? Можно было просто в Ферверне остаться. Слезы на щеках сохнут, но там, в глубине души их не просто море, их, по-моему, океан. Как тот, что разделяет меня с городом моего детства и с мужчиной, которого я любила.

Люблю.

Не знаю.

— Почему с тобой всегда так сложно? — раздается голос из-за спины.

Бен подходит, останавливается рядом.

Я не отвечаю, потому что боюсь наговорить лишнего. Хотя толку-то. Что отвечай, что не отвечай.

— О тебе же совершенно невозможно заботиться. Поэтому я сделал все именно так. Ты бы взяла у меня деньги, Лаура?

Я поднимаю на него взгляд:

— Тебе не приходило в голову, что мне не деньги нужны, Бен? У меня с самого детства было абсолютно все. Я никогда ни в чем не нуждалась, кроме одного-единственного — свободы. Свободы быть собой.

— Тебе надо послушать песню из рок-оперы «Мир без тебя».

— Какое это имеет отношение к делу?

Главную тему из рок-оперы, к слову, тоже постановки Джермана Гроу «Мир без тебя» не слышал только ленивый. Ей уже больше пятнадцати лет, и она стала классикой.

— Не та, которая «Мир без тебя», а та, которая «Свобода быть собой». Но ты права, это к делу отношения не имеет. — Бен отодвигает ногой стул, садится напротив меня и смотрит в глаза. — Итак, Лаура, деньги у меня ты брат не хочешь, а тебе сейчас очень нужно все самое лучшее. То, что у тебя было всегда — именно сейчас. Что будем делать?

Ответа на этот вопрос у меня нет.

— Я найду работу.

— Серьезно? — Бен приподнимает брови.

— Спасибо за фееричную веру в меня.

— Есть вера, а есть реальные факты. Ты беременна. Танцевать тебе нельзя. Тренером тебя не возьмут, потому что у тебя нет даже сертификата, не говоря уже о чем-то большем. Экономистом... ну, сомнительно, учитывая, что через семь-семь с половиной месяцев ты уйдешь в отпуск по уходу за ребенком.

— Я что-нибудь придумаю.

— Правда?

Не знаю, есть ли в его голосе скепсис, но мне хочется верить, что нет. Потому что если он есть...

— А ты правда спал на диване?

Бен хмыкает.

— Хорошенький перевод темы.

— Это не перевод. Я просто прошу тебя, Бен: никогда и ничего не делай за моей спиной. Никогда, пожалуйста. И если есть что-то, что ты уже сделал, скажи мне об этом сейчас. Потому что если я узнаю об этом от кого-то другого, мы с тобой больше не увидимся. Чем бы это мне ни грозило.

— Ладно. — Он поднимает руки вверх. — Я спал с тобой.

Я закатываю глаза.

— Но между нами спала Гринни, и я правда отплевывался от шерсти.

— Это уже больше похоже на правду.

Он указывает на спящую виари.

— Лучше бы я спал на диване, потому что я почти не спал. Она растянулась поперек, и мне досталась совсем маленькая полоска кровати.

— Не дави на жалость. — Я складываю руки на груди. — Ни за что не поверю, что ты не подвинешь одну маленькую виари.

Бен наигранно-тяжело вздыхает.

— Гринни спала в ногах.

— Было что-то еще? — Я приподнимаю брови.

— Была ты, — отвечает он, глядя мне в глаза. — И твой запах. Легкий запах шампуня от волос и тонкий аромат твоей кожи.

Его голос становится хриплым и низким, а у меня все волоски на теле встают дыбом. Я чувствую это даже под одеждой, равно как и горящий узор харргалахт.

— Мне стоило невероятных усилий тебя не касаться. Не притронуться к тебе ни разу, Лаура.

Я прижимаю ладони к горящим щекам. Горячо не только щекам, но я не собираюсь этому поддаваться. Последнее, что мне сейчас нужно — это настоящий роман с Беном, пусть даже «ради дела».

— Бен, мы просто друзья, хорошо? — говорю я. — Просто друзья — это значит, что я больше не говорю тебе, что мы никто, а ты больше не лезешь ко мне в постель. Если для тебя это невыполнимо, значит... значит, я проиграла, и мне придется вернуться в Ферверн.

— Просто друзья? — уточняет он севшим еще ниже голосом. Мне кажется, сильнее было уже некуда, но я ошибалась. Всегда есть куда.

— Друзья. Хорошие знакомые. Называй как хочешь. Суть от этого не меняется. Договорились?

— Договорились, — произносит он резко, а потом поднимается. — Возвращайся в Ферверн.

Мне почему-то становится нечем дышать. По-хорошему — должно быть все равно, а мне так. Почему? Лучше думать об этом, об этом почему, чем о том, что он только что сказал. Нас с ним действительно ничего не связывает, и ничего уже не свяжет.

— Снимай харргалахт, — говорю я.

И запоздало думаю о том, что его харргалахт почему-то лег на мою кожу несоизмеримо мягче. В смысле, меня же даже не лихорадило, не трясло, воду я пила, кажется, но меня не выворачивало наизнанку от жара. Это еще одно «почему», уже совершенно неактуальное, потому что Бен приближается ко мне. Опирается ладонями по обе стороны барной стойки и смотрит мне в глаза.

— Как же мне сейчас хочется тебя придушить, Лаура, — цедит, глядя мне в глаза. — Кто бы знал.

Он отталкивается так резко, что мне кажется, барную стойку сейчас снесет его пламенем. Вместо этого пламенем чуть не сносит меня, когда оно загорается в его глазах и тут же гаснет. Бен выходит за дверь, не забыв напоследок захлопнуть ее с такой силой, что у меня звенит в ушах. Это окончательно будит Гринни: она подскакивает, сонно моргает, пытаясь понять, что только что произошло.

Я подтягиваю к себе ноутбук.

Отодвигаю обратно.

Всплывающим сообщением выпадает письмо от Лари: «Что у тебя там происходит? Я не могу до

тебя дозвониться». Мессенджер на ноутбуке и правда беззвучно мигает, кажется, сейчас раскалившись до предела.

— Я убила телефон, — говорю я, нажимая «принять вызов».

— Да срать мне на твой телефон. Ты что, сдурела, от таких денег отказываться?

— Да срать мне на твое мнение, — отвечаю вполне в ее духе. — Это мои фото, и что с ними делать, я буду решать сама.

Лари ругается, на сей раз так, что у меня должны завять уши. Я спокойно переживаю этот всплеск эмоций, после чего интересуюсь:

— Все сказала?

— Все! Ты хоть в курсе, сколько я на тебя потратила вчера? Ты мне должна!

— Должна я только себе, — говорю я. — И у тебя есть пять тысяч, которые тебе перевели. Этого, думаю, вполне достаточно, чтобы окупить все издержки и моральный ущерб в придачу.

— Слушай, Лаура, — тон у нее становится совсем другой, — давай мы встретимся и нормально поговорим. За эти фото мне предлагают очень много денег... И я могла бы с тобой поделиться гораздо больше, чем пятью тысячами. Скажем, дам еще пять плюсом. Такое тебя устроит? Давай по чашечке кофе?

Мне почему-то становится смешно. Наверное, это подступающая истерика, но губы сами растягиваются в улыбке. Десять тысяч... десять тысяч за десять минут съемки! Да что там на фото такого, чтобы предлагать десять тысяч? Умом я понимаю, что ничего, что это просто предложение Бена — сколько он вообще ей обещал?! Откуда у него такие деньги — кстати, какие такие — двадцать, тридцать, сорок тысяч, чтобы просто спустить их на мои фото? В смысле, откуда у него деньги, я понимаю, но отдать такую сумму, чтобы Лари не использовала их в живой ленте или на своем сайте?!

Чтобы помочь мне — так он сказал.

— Сколько он тебе обещал?

— Давай все-таки при личной встрече...

— Сколько?!

— Сто тысяч.

Хорошо, что я не жевала. Нет, правда.

Сто тысяч. Да для меня это сейчас настолько неподъемная сумма, настолько роскошная... я бы на нее не то что не работать, а жить до родов на самом элитном Зингспридском курорте могла, ни в чем себе не отказывая. Потом еще и осталось бы.

— У меня встречное предложение. Давай вернемся к тому, от чего ушли, — говорю я. — Ты платишь мне тысячу, а в договоре прописываешь возможность использования фотографий для развития своей студии, как мы и договаривались.

— Ты совсем чокнутая?! — Лари орет в трубку. — Сколько ты хочешь? Двадцать? Тридцать? Сорок?! Половину?!

— Тысячу, — говорю я. — И договор с условиями, как мы обсуждали изначально.

Динамики замолкают, потом Лари цедит:

— Вот как знала, что не стоит с тобой связываться.

— Иногда стоит доверять своей интуиции, — сообщаю я. — Если через час у меня на счету не будет тысячи, а на почте договора, будем считать наше соглашение расторгнутым, и я буду ждать фото.

Лари отключилась первой, а я посмотрела на пакет с рогалями и похлопала по соседнему стулу, приглашая Гринни присоединиться к завтраку.

Тысяча — отличные деньги. Именно то, что мне сейчас надо.

А диктовать мне условия больше не будет никто.

Никто и никогда.

Глава 12

Следующее утро примерно похоже на предыдущее, только без Бена. Я просыпаюсь после сна о Торне, правда, уже не плачу. Некогда мне тут плакать, у меня ребенок на подходе и надо искать работу. Вчера я мониторила сайты весь день, не считая прогулки с Гринни и похода за смартфоном. Можно было заказать онлайн, но мне хотелось пройтись и просто подержать смартфон в руках.

Он простенький, но мне и такой сойдет. От Лари пришел договор, в котором указано, что она имеет право использовать фотографии, которые будут приложены к данному договору, в рекламных целях, на своем сайте и в соцсетях. Договор я, разумеется, не подписываю, жду фото, но деньги она мне уже перевела. Видимо, поняла, что со мной лучше не связываться.

Да, сейчас со мной точно лучше не связываться, и, похоже, работодатели это чувствуют. Потому что из двадцати шести писем с резюме не вышло ни одного звонка. Но я не расстраиваюсь: у меня еще все впереди, поэтому с маниакальным упорством мониторию сайты и пишу письма. Не просто письма, я изучаю историю компаний и пишу, что мне нравится, и почему хочу работать именно у них. И хочу верить, что рано или поздно у меня все получится.

Ну а пока — мониторию и пишу.

Когда глазам становится совсем немоготу, оставляю ноутбук, иду к окну и смотрю на город. Смотреть там, правда, вообще не на что — после высот квартиры отца в Хаймарге, но глаза все равно отдыхают. В очередной такой отдых я сижу, кручу в руках смартфон и думаю о том, не позвонить ли Рин. Я откладывала это, как могла, но мне надо набрать ее номер сейчас, пока не стало слишком поздно.

Иначе...

Я не представляю, что может быть иначе.

И я набираю. Слушаю гудки, которые как ниточка между моей прошлой жизнью и настоящей, и глубоко вздыхаю, когда она отвечает.

— Я уже думала, ты совсем на меня забила, бессовестная. — В голосе Рин не столько обида, сколько сомнения: она тоже не знает, как ей со мной говорить.

Она тоже учится жить без меня.

И она тоже наверняка видела Солливер Ритхарн во всех соцсетях.

— Было несколько напряжно первые несколько дней, — отвечаю я. — А потом Гринни убила мой телефон.

— Что она сделала?!

Незаметно наш разговор переходит в ту тональность, к которой мы обе привыкли.

— Убила мой телефон. Насмерть.

— Вот засранка!

— Я тоже так подумала, — подтягиваю колени к груди. — Как у тебя дела?

— Эй! Это должен был быть мой вопрос.

— Я успела первая.

— Да ты вообще шустрая стала, как я посмотрю. — Рин смеется. — Включишь видеосвязь?

Я не уверена, что это то, что стоит делать — сегодня с утра я даже от укладки отказалась, в итоге волосы торчат в разные стороны. Надо выпрямить, что ли. Или наоборот завить. Тем не менее видео я включаю, и видеть счастливую Рин... то есть мою, родную, мою лучшую подругу — это немного больно. И радостно в то же время.

Вот так и подсаживаются на сладкую боль.

Я отбрасываю циничную мысль, которых с каждым днем становится все больше и больше, и улыбаюсь.

— Рада тебя видеть, подруга.

— Я тоже рада, Лал. — Она вглядывается в мое лицо. — Ты как?

— Устроилась. Ищу работу. Сходила на фотосессию.

— На фотосессию? — Брови Рин поднимаются.

— Вообще я хотела устроиться тренером, но меня не взяли. Взяли моделью.

Рин прикрывает ладонью лицо.

— Что-о-о?! — Я смеюсь. — Считаешь, что я слишком хороша для модельного бизнеса?

— Хочу посмотреть твои фотки, — говорит она, явно пытаясь уйти от темы.

И в этот момент до меня доходит, почему она это сказала. Она думает, что я пошла на фотосессию из-за Солливер Ритхарн.

Ситуация — круче не придумаешь.

— Ты думаешь, это из-за нее? — спрашиваю я. — Из-за ферны Ригхарн, потенциальной первой ферны Ферверна?

— Ничего такого я не думаю, — буркает Рин, но потом добавляет: — А разве нет?

— Нет. Я о ней узнала уже после того, как договорилась о фотосессии.

— После? — Подруга приподнимает брови. — Но тогда почему?!

Я вовремя успеваю себя затормозить: сказать, что у меня напряги с деньгами — значит, поставить на уши Рин, Сэфла, ее родных, да и вообще это фу. Сама уехала, сама и разбираться буду со всем, нечего вешать свои трудности на друзей.

— Захотелось развеяться, — отвечаю. — Немного.

Рин скептически смотрит на меня.

— Что?!

Взгляд ее становится еще более скептическим.

— Ну что?

— Лаура Хэдфенгер, ты в жопе?

Ты даже не представляешь, в какой.

— Я бы так не сказала. Это не жопа...

— Это маленькая задница? Задница средних размеров? По шкале от задницы кинг-сайз до нано-задницы, примерно какая?

— Ри-ин, — цежу я. Правда, уже с трудом сдерживая смех, и Рин тоже ухмыляется.

— Слушай сюда, Лаура Хэдфенгер. Если ты еще раз будешь изображать из себя самку дракона, которая решила сдохнуть в гордом одиночестве, я приеду в Рагран и надеру тебе твою тощую задницу.

— Тебе не кажется, что в нашем разговоре слишком много задниц?

— А будет еще больше, если начнешь зажимать от меня информацию о том, что тебе плохо, и как тебе вообще живется. — Рин становится абсолютно серьезной. — Мы же подруги. Забыла? Мы говорим друг другу обо всем, а не жмемся, как девственницы на танцах. Ладно, я знаю, что в твоей жизни был такой прискорбный период, но сейчас это в прошлом, насколько я понимаю. И пусть меня подслушивает все кто угодно, я ответственно заявляю, что Торнгер Ландерстерг — детородный орган дракона. И что он потерял самое лучшее, что было в его жизни.

Она глубоко вздыхает и поднимает руку:

— Тебя. Все, я все сказала. Если говорить серьезно, Лал, ты как?

— По поводу Торна — нормально.

Рин наклоняет голову и прищуривается.

— Ладно, он мне снится. В кошмарах.

Теперь уже подруга смеется.

— Но я справляюсь и твердо намерена быть счастливой.

— Ну да, на фотосессию вот ходила.

— Разумеется.

— Сколько тебе надо денег?

Теперь уже прищуриваюсь я.

— Рин, нисколько. Все, что ты могла, вы с родителями и Сэфлом уже для меня сделали. Это бесценно, и я...

— Ты помнишь, что я говорила про гордость?

— Помню. Но я пока не собираюсь сдыхать — ни в гордом одиночестве, ни как бы то ни было еще. Если вдруг соберусь, я обязательно тебе позвоню и попрошу денег на урну для праха.

— Очень смешно.

— Ты сама начала эту тему, — я фыркаю. — Так что давай, расскажи лучше, как у вас с Сэфлом дела?

— Он постоянно пропадает в своих казармах. На него надели по полной после отпуска, но мы все равно готовимся к свадьбе. И скучаем по тебе. Очень. Он тоже.

Я улыбнулась.

— Я знаю. Мне тоже вас не хватает, ребята.

— Еще не поздно вернуться.

Уже поздно.

— Если бы я хотела вернуться, я бы не уезжала.

— И то верно. — Рин вздыхает, устраивается поудобнее. — Что, теперь будем общаться по большим праздникам?

Я пытаюсь понять, что ей ответить. Хочется сказать: «А давай каждый день», но я понимаю, что это нереально. Каждый день все равно ничего не даст, если встречи станут более редкими.

— Я очень надеюсь, что мы будем ездить друг к другу в гости.

— Что значит — надеюсь?! Мы будем! Или ты собралась откосить от моей свадьбы?

— Я?! Ни за что!

Мы снова болтаем как раньше, и все неловкости и тревоги во время этого разговора отступают. Как раньше уже не будет, но будет по-другому. Пусть в нашей жизни появятся новые знакомства и новые друзья, наша дружба зависит только от нас. И расстояние точно не станет помехой, потому что слава драконам, существует телепорт. Даже если отмести Ферверн, можно встречаться на нейтральной территории, в Аронгаре. В том же Зингсприде, например, поехать отдыхать. С другой стороны, зачем отместь Ферверн? Скоро я смогу сказать, что беременна от Бена, и тема Торна закроется.

Навсегда.

По крайней мере, мне очень хочется в это верить, ну а то, что он мне сейчас снится — это нормально. Странно, что он мне раньше сниться не начал, видимо, был слишком занят.

На этой мысли я подавляю смешок. Равно как и на мысли про Солливер Ригхарн.

Все, ну их.

Мы с Рин болтаем, наверное, часа два. Я говорю обо всем, кроме беременности и Бена (поскольку они тесно связаны, лучше не касаться ни той, ни другой темы), Рин рассказывает, что устроилась на работу, что у нее совершенно долбанутое начальство, которое почему-то считает, что рабочий день начинается после двух. Когда оно (начальство) приходит на работу, и все остальные должны этому

графику соответствовать (но приходить на работу должны, разумеется, утром). Мы говорим, говорим и говорим, пока она не начинает откровенно зевать. Только сейчас я вспоминаю про разницу во времени.

— Ри-ин, — тихо говорю я. — У меня вообще из головы вылетело. Прости. Я такая засранка. Я тебя разбудила, да?

— Ну-у-у...

Выждав трагическую паузу, она ухмыляется.

— Вообще-то нет. Лечь я еще не успела, но сейчас просто срублюсь.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Скорее уж, спокойного утра, — она фыркает, показывает мне язык. — Все, и больше надолго не пропадай. Теперь, когда я знаю, что ты уже устроилась, ты от меня так просто не отвяжешься.

Мы прощаемся, она отключается, а я сижу с телефоном и слушаю стук сердца.

Выходные.

Выходные в Ферверне — какими они могли бы быть для меня? Встреча с Рин и Сэфлом, поход на каток или просто уютные посиделки. Впрочем, сейчас у меня тоже уютные посиделки на сайтах по трудоустройству. И никто не мешает мне сходить погулять в центр, может, по дороге придумаю что-то по поводу работы. Рин же нашла работу, и я найду.

Правда, Рин не беременна.

Но это детали.

Мессенджер икает сообщением.

«Фотки на почте», — разумеется, от Лари.

Я срываюсь с подоконника, бегу к ноутбуку, открываю.

И залипаю. Откровенно залипаю на девушку, которая совсем на меня не похожа. Она красивая, она свободная, она парит — над раскрывающимся закатом городом, над высотками, в объятиях алых лент и струящейся ткани платья. От этого вида захватывает дух, но еще больше дух захватывает от мысли: неужели это я? Неужели... я так могу?!

Фотографу хватило только моего подъема и полета на лентах, потому что снимков действительно множество. Я только-только добралась до мгновения, когда скользила вниз... или парила. Один кадр, другой, третий...

У меня закружилась голова, и я, честно признаться, поняла, почему Бен мне выговаривал. Я бы сама себе выговаривала на его месте, и я...

Мне показалось, что у меня галлюцинации.

Потому что один из кадров полета, достаточно близко запечатлевший меня, оставив фон смазанным пятном за спиной, запечатлел кое-что еще. Мой харргалахт, полыхающий под платьем.

Ледяным пламенем.

Не знаю, сколько я на нее смотрела — на метку Бена, горящую огнем Торна. Осознание ко мне приходило медленно, постепенно. Вместе с дыханием (потому что когда я ее увидела, я забыла, что нужно дышать). Сейчас дыхание возвращалось, перед глазами мельтешили черные точки, а желудок и внутренности скрутило в тугую узел.

Я судорожно вздохнула, отодвинула ноутбук. Дотянулась до смартфона и набрала номер Бена.

— Фотографии получила? — поинтересовался он с нескрываемым сарказмом.

Сейчас мне даже убивать его не хотелось.

— Почему ты мне не сказал?!

— Я сказал, что хочу о тебе позаботиться, но тебе это не нужно, Лаура. Поэтому если у тебя все, я предлагаю попрощаться.

А вот теперь захотелось.

— Можешь врубать набла пореже? — хмыкнула я. — Или он у тебя в базовых настройках прописан?

— Активируется. При виде тебя.

Наша милая беседа в этом ключе могла продолжаться еще очень долго, поэтому сейчас я просто сказала:

— Приезжай, пожалуйста. Нам многое нужно обсудить.

И отключилась.

Обсудить и правда стоило — и не только фото, от которых у меня до сих пор дрожали пальцы. Не надо было обладать гениальностью, чтобы понять, что так прорывается пламя ребенка. Но как такое вообще возможно?!

Как такое возможно, мог сказать Бен. Равно как и то, что с этим делать, потому что если эти фото увидит Торн...

Я почувствовала, как сквозь спокойствие прорывается что-то новое, из-за чего волосы на голове слегка шевелятся. То же самое почувствовала и Гринни, потому что заурчала, начала тыкать носом мне в локоть и вообще всячески выражать поддержку.

Я вскочила, взяла ее на руки и прошлась по комнате, потому что сидеть на месте просто не могла. Какой же силы я ношу ребенка, если... если.

Я прикрыла глаза и начала дышать глубоко. Очень глубоко, все глубже с каждой минутой. Это помогало. Относительно.

Поэтому, когда раздался звонок, я метнулась к двери. Распахнула ее и отшатнулась: на пороге стоял Арден.

Гринни вспорхнула с моих рук и плюхнулась на спинку дивана, вздыбив шерсть. Я резко толкнула дверь, но, разумеется, не успела. Реакция ирлхана опережала мои действия: Арден просто перехватил дверь, а потом так же легко шагнул вперед — и отпустил. За его спиной раздался негромкий щелчок автоматического замка.

Я сумею пробежать мимо него? Или нет?

— Лаура, я здесь по своей воле.

До меня не сразу дошел смысл его слов. А когда дошел, я обхватила себя руками и произнесла:

— Я вас не приглашала.

— Я знаю. Но поскольку вы вряд ли бы меня пригласили, а переговорить с вами мой долг как врача, я здесь. Если вы сомневаетесь, мы можем вместе спуститься на улицу, где много людей. Или просто пойти в ближайшее кафе.

Я судорожно вздохнула. Не похож он был на того, кто сейчас потащит меня в Ферверн, но я могла себе представить многое. После того, что случилось... Торн действительно не мог забрать меня официально, а неофициально — мог. Арден — военный врач, он подчиняется приказам наравне с мергхандарами. Мало ли что ему приказано — может, у него какая-нибудь усыпляющая пластинка или что-то еще.

— В кафе, — сказала я. — «Черриш Вайт». Вы спуститесь туда. Я приду позже.

— Лаура, — произнес он, глядя мне в глаза, — это касается вашего ребенка, если он существует.

— Ребенка не существует.

— Я все равно буду вас ждать.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел, а я еще несколько мгновений смотрела на закрывшуюся дверь. В ушах и груди грохотало сердце, я снова глубоко вдохнула и выдохнула. Подошла к окну.

«Черриш Вайт» — сеть кофеен Раграна, были простенькими, но неизменно заполненными людьми. В центре в основном туристами, у нас на окраине местными, вчера я прочитала про него в сети, когда размышляла, где бы поужинать. В итоге там и ужинала, салатиком и десертом, который запила чашкой кофе. Не совсем здоровое питание, но так получилось.

Разумеется, разумнее было дожидаться Бена. Все ему рассказать, а после вместе спуститься в

«Черриш», и, если Арден все еще там, поговорить с ним. Вот только что-то мне подсказывало, что вряд ли Бен это оценит, а Арден станет говорить при нем. Поэтому я все-таки оделась, подхватила сумку, и спустя пять минут уже входила в кафе, наполненное ароматами выпечки и кофе и шумным многоголосьем.

Ардена я увидела сразу, он сидел за одним из центральных столиков, и мне стало немного легче. Вряд ли если бы он хотел меня заболтать, а потом все-таки наклеить какую-нибудь пластинку, он бы расположился так.

Иртехан поднялся еще раньше, чем я приблизилась, отодвинул для меня стул.

— Что для вас взять?

— Я здесь не для того, чтобы с вами обедать.

— Хорошо.

Он вернулся на свое место, кофе, который ему принесли еще до моего появления, стоял нетронутым.

— Когда мать Торна была беременна, — сцепив руки на столе, Арден смотрел мне прямо в глаза, — ей приходилось пользоваться пластинками, подавляющими пламя. Произошло это потому, что ребенок, которого она носила, оказался невероятно сильным, и его сила создавала странные помехи в ее собственной. Она не просто создавала помехи, она усиливала ее пламя, огонь ее будущего сына был настолько силен, что она находилась под постоянным наблюдением врачей. Носила датчики, позволяющие отслеживать ее пламя и пламя ребенка.

— Какое все это имеет отношение ко мне?

Арден развел руками.

— Никакого. Если вы не беременны. Но если да...

— Я не беременна.

— Но если бы вы были беременны, вам стоило бы пройти полноценное обследование прямо сейчас. Ребенок Торна — особенно его первенец, даже несмотря на то, что его сила будет силой полукровки, непредсказуем. Он непредсказуем даже сейчас, на стадии развития. Бездействие и промедление опасно и для вас, и для него.

Он специально меня пугает? У него такое задание — довести меня до истерики, чтобы я бросилась обратно в Ферверн?

Все эти мысли приходили и уходили, мне же оставалось только держать лицо. Стоило признать, что это давалось немалыми усилиями, потому что по спине уже сбежала не одна струйка холодного пота.

— Благодарю за заботу, но...

— Лаура, такое — как в случае родителей Торна — иногда бывает при совпадении и слиянии огней. В парах рождаются самые сильные дети. Но мир еще не видел иртехана такой силы — по крайней мере, иртехана такой силы в современности. Я не просто врач, я ученый. Я проводил исследования, изучал закономерности распределения пламени в наши дни. И то, что представляет из себя Торн, тот, кого он из себя представляет, действительно способен изменить все. Об этом я тоже уже говорил, но сейчас для меня важно другое. Для меня важно, чтобы вы отнеслись к своему здоровью и «несуществующей» беременности настолько серьезно, насколько это возможно.

Хорошо.

Напугал.

Если у него было такое задание — напугал он меня качественно, до трясущихся коленей и шума в ушах. Тем не менее с ним я это обсуждать не собиралась.

— Арден, я безумно ценю вашу заботу, — ответила я. — Но даже если бы я была беременна, обо мне есть кому позаботиться. Насколько вы знаете, я обручена. Мужчина, с которым я собираюсь связать свою жизнь, тоже врач, и талантливый. Случись такое, что мне грозила бы опасность — думаете, я бы сейчас сидела здесь с вами, а не лежала где-нибудь, облепленная датчиками с ног до головы?

Он усмехнулся.

— Мужчина, с которым вы собираетесь связать свою жизнь, — он особенно выделил последнюю

часть фразы, — не знает того, о чем я вам рассказал. И случись вам быть беременной, у него и у вас не так много времени, чтобы что-то решить. До того, как ситуация выйдет из-под контроля.

Он все-таки попробовал кофе, поморщился, приложил карту к терминалу оплаты на столике.

— Пойдемте. Больше мне нечего вам сказать.

Из кафе мы вышли вместе, и, не прощаясь, разошлись. Он направился к флайсу, судя по логотипу, арендованному прямо в здании телепорта. А я домой.

В мыслях эхом звучали его слова: «У него и у вас не так много времени, чтобы что-то решить. До того, как ситуация выйдет из-под контроля».

Ноутбук давно (еще до прихода Ардена) погас, я коснулась экрана, и он вспыхнул снова. Светящаяся ледяным пламенем харргалахт Бена сейчас воспринималась совершенно иначе. У меня даже голова закружилась, когда я смотрела на эти фото. Тем не менее я бы и слушать Ардена не стала, если бы не они.

Эти фото нужно уничтожить.

Но что будет со мной? И с ребенком?!

Как раз в тот момент, когда я об этом подумала, по квартире снова прокатилась мелодичная трель. Гринни оглушительно заверещала и метнулась встречать своего любимого сопровождающего на прогулках, я же двигалась как во сне. Должно быть, с лицом у меня было что-то не то, потому что у Бена дернулись зрачки.

— Лаура, что случилось?!

Вместо ответа я просто шагнула к нему и уткнулась лицом ему в плечо.

Глава 13

Надо отдать должное Бену, он не собирается выяснять отношения. Сарказмом тоже больше не фонтанирует, поэтому мы просто сидим вместе на диване, как семейная пара со стажем. Гринни лежит за нами на спинке и сопит, Бен меня обнимает, а я молчу. Я вообще не представляю, с чего начать, и стоит ли начинать. У нас с ним было столько разных «начал», что может быть, проще действительно попросить его снять харргалахт. Вернуться в Ферверн, лечь в клинику Ардена и провести там все время до родов.

Когда я об этом думаю, волосы встают дыбом везде, где только можно.

Еще сильнее они встают, когда я думаю, что Торн заберет у меня ребенка и женится на Солливер Ригхарн.

И еще сильнее — когда понимаю, что мой ребенок может пострадать.

Бен ни о чем не спрашивает, и я глубоко вздыхаю. Все-таки надо с чего-то начать.

— Я говорила с Арденом.

Его рука напрягается, тем не менее он молчит. По-прежнему молчит и ждет, что я скажу.

— Он рассказал, что пламя Торна гораздо сильнее, чем мы можем себе представить.

— Я много чего могу себе представить.

— И все-таки. Его мать вынуждена была применять пластинки, когда была беременна. Арден был один, и он сказал, что ребенок Торна может повести себя непредсказуемо, и что моя беременность...

— Твоя беременность будет в порядке, Лаура. — Бен касается пальцами моего подбородка, разворачивает меня лицом к себе. — Думаешь, я не представляю, что из себя представляет Торн Ландерстерг? Я чувствовал его силу. Я сумею сделать все, чтобы ты была в безопасности. Чтобы твой ребенок был в безопасности. Еще совсем немного — и мы сможем обратиться в клинику к моей знакомой, и на УЗИ ты увидишь его. Или ее. Это то, что я могу тебе обещать. Я могу тебе гарантировать, что с тобой ничего не случится, если ты перестанешь меня отталкивать и позволишь сделать все, чтобы тебя защитить.

Мне хочется сказать, что так не бывает.

Что мы с ним чуть друг друга не поубивали в гостях у Рин и Сэфла, что наша встреча на горнолыжном курорте тоже была не из приятных, но я молчу. Потому что мне хочется верить в то, что все так и будет.

Что я смогу родить и растить ребенка сама.

— Что я буду делать, когда он или она родится?

— Ты так любишь забегать вперед, Лаура?

— Знаешь, Арден был очень серьезен, когда в красках расписывал мне опасность моей беременности. А ведь когда ребенок родится, у него будет сильное ледяное пламя, и его нужно будет учить. Или с ним нужно будет постоянно находиться рядом тому, кто сможет с ним справиться. С пламенем, если вдруг...

Бен выразительно смотрит на меня.

— Что?

— Мы с тобой обручены, Лаура. Тебя это не смущает?

— Мы с тобой обручены фиктивно.

— А ты хочешь, чтобы это было иначе? Я хочу.

Удивлялка во мне сломалась, кажется, поэтому я только и спрашиваю:

— Почему? Потому что в свое время так же помогли твоей матери?

Бен косится на Гринни.

— У твоей хозяйки еще совсем маленький срок, а мозги уже отъехали напрочь.

— Поразительно! — говорю я. — Зато теперь я спокойна. Еще пару минут назад мне казалось, что тебя подменили, и надо выпрыгивать в окно.

— Я с тобой не справляюсь, Лаура. — Бен смотрит мне в глаза. — Точнее, не справляюсь с тем, что чувствую рядом с тобой. Не знаю, каким образом, но ты перевернула всю мою жизнь, и не только буквально.

Я выворачиваюсь из его рук.

— Знаешь, ты действительно остаешься собой в любой ситуации.

— Это же хорошо, разве нет? — Он смотрит на меня в упор. — Помнишь, что я сказал тебе на катке?

— Что именно? Тогда ты мне много что сказал.

— Я сказал, что готов ждать до завтра. Когда спросил у тебя про планы на праздничную ночь, а ты ответила, что не знаешь. Так вот, с тобой я готов ждать, сколько угодно, и это совершенно на меня не похоже.

— Сколько угодно — это месяц? — хмыкаю я.

— Максимум два. Может быть, три.

На первый взгляд Бен совершенно серьезен, но уголки губ дрожат.

— Я не уверена, что мне хватит трех месяцев, — говорю я. — Или даже целой жизни.

В отличие от него, улыбаться меня не тянет.

— И все-таки я готов попробовать.

Вот теперь я все-таки улыбаюсь.

— Мы совсем забыли про фотографии.

— Я не забыл. — Бен переводит взгляд на ноутбук, который хоть и погасший, до сих пор открыт.

— Что будем делать?

— Предоставь это мне.

— Мне согласиться на пятьдесят тысяч?

Он смеется, но потом резко становится серьезным.

— Да набл с ними, с пятьюдесятью тысячами, Лаура. Просто выходи за меня.

Все это звучит как-то слишком сказочно. Даже более сказочно, чем еще несколько минут назад, но я больше не верю в сказки. Возможно, когда-то что-то изменится, но не в ближайшее время, это точно.

— И это ты тоже делаешь, потому что...

— Потому что для тебя другой формат отношений неприемлем. — Бен опирается на спинку дивана, разбудив Гринни. Она недовольно урчит, но переползает чуть подальше и снова закрывает глаза. — Я давно не мальчик, чтобы сочинять фантастические истории про любовь с первого взгляда, но я на тебя запал, и запал конкретно. Ты не подпустишь меня к себе, и я тебя прекрасно понимаю. Мне тоже нужно время, но замуж — это единственный вариант, когда мы сможем жить в одной квартире, и ты не будешь париться.

— По поводу того, что ты ходишь голышом? — я приподнимаю бровь.

— И поэтому тоже.

— Бен, замужем или нет, между нами ничего не будет.

— Я только что сказал, что мне тоже нужно время. А еще я не верю в слово «ничего», но ничего не хочу загадывать.

— Тебе не кажется, что где-то в последнем предложении есть маленькое противоречие?

— Я сам сплошное противоречие, — он усмехается.

— И какой ты видишь нашу совместную жизнь?

Он закатывает глаза так образно, что впору интересоваться, не учился ли где актерскому мастерству. Правда, уже в следующий момент говорит:

— Ладно, девушка-я-привыкла-знать-все-на-десять-лет-вперед, вижу я ее примерно такой: мы живем вместе, спим в одной спальне.

— Исключено.

— Чтобы я мог в любой момент почувствовать, если с тобой будет что-то не так. Чем больше будет твой срок, тем актуальнее этот пункт. Мы вместе ходим в рестораны, в кино и на выставки... что там еще вместе делают супруги? — Бен приподнимает брови, а я складываю руки на груди.

— Еще один такой намек, и я закрываю тему.

— Ты сама об этом подумала.

— Разумеется, виновата я. Продолжай.

— Продолжаю. Хотя продолжать, по сути, дальше нечего — пусть наши отношения развиваются так, как развиваются. Я не собираюсь ничего форсировать, но и тормозить тоже не стану. Вот как-то так.

Я вздохнула. Идея быть рядом с тем, кто в любой момент сможет погасить всплеск пламени моего ребенка, была заманчивой. Очень. Правда, помимо заманчивости в этой идее было множество «но». Например, мое влечение к Бену. Поддаться ему было бы проще простого, но я не хотела новых отношений. Уж точно не сейчас, не во время беременности, да и, честно говоря, в глубине души не была уверена, что захочу после. Еще одно весомое «против» заключалось в том, что Бен совершенно точно не будет тормозить, а значит, хождение голым по квартире — это самое легкое, что можно себе представить.

Если я соглашаюсь, мне надо быть к этому готовой.

К уютным «семейным» вечерам тоже. К посиделкам на диване совсем как несколько минут назад, к тому, что он выгуливает Гринни, приносит мне цветы, показывает город, а я все это время держусь. Потому что сейчас, когда так отчаянно одиноко и больно, свалиться в эту заботу и перспективы счастья невыносимо легко.

— О чем задумалась, Лаура?

— О том, сумею ли я перед тобой устоять.

На сей раз Бен даже глаза не закатывает, просто смотрит на меня в упор.

— Ты мне сейчас комплимент сделала или опустила ниже подземной пещеры? И хоть убей, никак не могу привыкнуть к тому, что ты сразу говоришь то, что думаешь.

— Психологи говорят, это помогает строить отношения. Никаких иллюзий.

— Где это ты пересекалась с психологами?

— В ХГУ.

Я пытаюсь закусить губу, но смеяться хочется больше, чем думать обо всем дальше, и спустя пару секунд мы уже смеемся вместе. К этому, к слову, очень легко привыкнуть — не сложнее чем к уютным семейным посиделкам или знакам внимания, ну или, например, к тому, что Бен всегда оказывается рядом, когда мне нужна помощь.

— Я не хочу новых отношений, Бен, — решительно пресекаю эти мысли. — Я их боюсь. Это ты понимаешь?

— Лучше, чем ты можешь себе представить, — он смотрит мне в глаза, а потом переводит взгляд на Гринни. — В любом случае, если ты мне откажешь, эту пушистую тварь я заберу себе. По документам она моя.

— Эй!

— Нет, ну а что? Надо же мне кого-то кормить рогаликами. Не тебя, так ее.

— Вообще-то слово «тварь» носит негативный оттенок.

— Серьезно, что ли?

Мы снова смеемся, но я все равно не представляю, каково это — быть замужем. Пусть даже фиктивно, и сколько продлится эта фиктивность. Когда я собиралась замуж за Торна, я почему-то об этом не думала. То есть у меня в мыслях было только кольцо на пальце и свадебная церемония (и те — весьма размытые, в каких-то идеальных представлениях), сейчас же я понимаю, что основная жизнь начинается после свадьбы. Когда ты узнаешь человека с тех сторон, о которых не знала раньше. По-хорошему, все эти стороны нужно узнать до свадьбы, но что и когда в моей жизни было по-хорошему?

Разве что в глубоком детстве, а детство кончилось.

Пора бы уже это признать.

Я смотрю на Бена, который чешет Гринни голову. Виари забавно дергает лапой, пытаюсь перевернуться кверху пузом, и вдруг представляю себе картину — мой малыш тянется к повзрослевшей Гринни, а Бен подхватывает его на руки и говорит: «Идем гулять». Себя я в этой картине мира не вижу, а точнее, вижу отдельно от Бена, кусочком несложного пазла, который в этом месте совершенно ни к чему.

Но это же не главное, правда?

— Ты сможешь его защитить? — спрашиваю я и касаюсь живота.

Бен смотрит мне в глаза и отвечает:

— Клянусь.

Я глубоко вздыхаю и кладу свою руку на голову Гринни. Поверх его.

И говорю:

— Я согласна.

Бен приподнимает брови.

— Я жду твоих «но», девочка-с-мыслями-о-будущем.

— Не называй меня девочкой.

— Это требование обязательное?

Он ухмыляется. Ухмыляется так, как умеет только он, и на минуту мне кажется, что у нас с ним может быть что-то общее, что-то большее помимо фиктивной помолвки и фиктивной свадьбы, но я дала себе обещание. Никаких «больше», никаких отношений. Я делаю это исключительно ради ребенка. По крайней мере, пока.

Точка.

— Обязательное, — говорю я. — Точно так же, как обязательное требование — не распускать руки, когда мы одни. Не прижиматься ко мне в постели. Не трогать меня.

— Ого, — Бен подпирает подбородок рукой, и Гринни недовольно взвизгивает — движение передается в сонное царство блаженного виарячьего удовольствия. — Что еще мне нельзя делать? Смотреть на тебя? Дышать рядом с тобой?

— Мы договорились. Я сказала, что не хочу отношений...

— А я сказал, что не собираюсь на тебя напирать. Но ты уж прости, Лаура. Пока мы еще ни о чем не договорились, только договариваемся. Помимо прочего, я сказал, что я не буду тормозить, и я не буду. Поэтому если мне захочется тебя обнять — я обниму. Если тебе этого не захочется — отвалю. Но если не захочется по-настоящему, а не из разряда «я решила, что не готова к отношениям, и буду держать логику до мокрых трусов».

Вот теперь я снова краснею. Натурально так.

— Хамить мне ты тоже не будешь.

— А я хамил?

Я выразительно смотрю на него.

— Ладно, — Бен кивает. — Никаких разговоров про мокрые трусы.

— Если только ты не имеешь в виду стирку.

— Уела, — он смотрит в упор.

— Как ты собираешься определять границы? — интересуюсь я. — Между моим «не хочу», которое настоящее, и моим «не хочу», которое логическое.

— Я иртвахан, Лаура. Забыла? Я все чувствую.

Его ноздри слегка раскрываются, как будто он втягивает мой запах. Может, и втягивает, и в глубине души я чувствую, что это вот — про прачечную — было очень в тему, потому что рядом с ним меня слегка кроет. Сама не знаю, что это такое, должно быть, животная, звериная сущность иртвахана. Я подсела на иртваханов?

Драконы, о чем я думаю!

Я выставляю руку вперед.

— Давай договоримся так: мое «нет» — это значит «нет». Чтобы ты там ни чувствовал. Ты мне не психолог, а со своими внутренними хотелками я как-нибудь разберусь сама.

— Знаешь, куда бы я послал любую другую на твоём месте?

— В прачечную? — хмыкаю я. — Не вздумай сказать мне, что я должна этим гордиться.

— Следующие «но» сразу огласишь? Или чуть попозже?

— Лучше все прояснить сейчас.

Бен отстраняется, и меня выдергивает из его поля. Сразу становится чуть проще дышать.

— Во-первых, ты не станешь препятствовать моей карьере. Какой бы она ни была. Во-вторых, никаких пышных торжеств. Подадим заявление, только ты и я. На этом все закончится.

— На этом все начнется. — Бен отпихивает Гринни, которая бесцеремонно тыкается носом ему в шею. — Веришь или нет, каждый мужчина желает услышать то, что ты сказала про «во-вторых». Правда, с «закончится» ты погорячилась.

— Ну, в нашем случае это действительно так: мне даже веоланское сейчас нельзя. Максимум могу составить тебе компанию, глядя на твой бокал.

— У меня есть идея получше. — Бен перестает сопротивляться, потому что Гринни лезет на него с тем же упорством, с которым вчера вечером пыталась доскрестись до еды. Теперь я думаю о том, что сказать владельцу квартиры. Точнее, вчера думала — дверца шкафчика, даром что металлическая, обзавелась экзотическим узором от стриженных когтей. — И поскольку я знаю, что с тобой надо все обговаривать заранее, мое предложение: выходные в Аронгаре. В Зингсприде. В отеле «Шеррамел Стар».

У меня ощущение, что он залез мне в голову и просчитал меня всю. Просто моя мечта — поехать в Зингсприд — отодвинулась до необозримых времен. Мне надо отказаться, но я не могу. Не могу, когда представляю россыпь белоснежного песка с фотографий, шезлонги и сверкающий огнями элитный отель на побережье, один из лучших во всем мире. Бен же не может об этом знать? Но он предлагает именно Аронгару.

Именно Зингсприд.

И отель, о котором я даже мечтать не могла.

Ну то есть могла бы, если бы взяла деньги у Лари. Стоимость номера там такая, что мне бы хватило на пару недель.

— Бен, — я правда хочу отказаться, но он меня перебивает:

— Давай так. Об этом ты подумаешь, и скажешь — да или нет. А сейчас мы вместе поедем в центр.

— Бен поднимается, хлопает себя ладонями по бедрам.

— В центр? Зачем?

— Говорил же, у твоей хозяйки на самом маленьком сроке мозги поплыли, — обращается он к недовольной Гринни, после его ухода взбирающейся на подушку. Потом снова смотрит на меня: — Что значит — зачем, Лаура? Разумеется, выбрать кольцо.

Глава 14

Кольцо было совсем не похоже на кольцо, которое мне подарил Торн. В смысле, я выбирала так, чтобы оно было не похоже, а Бен, если и имел свои мысли на эту тему, вообще никак их не озвучил. Что меня, несомненно, радовало. Потому что если бы он хоть заикнулся об этом, я бы развернулась и ушла прямо из магазина, но он не заикнулся. Он вообще выключил свой сарказм, ни коим образом не проявляя его, пока мы ходили по ювелирным бутикам. Разве что отказался мне покупать самое простое, которое я выбрала исключительно чтобы выбрать.

— Свадьба у нас будет на двоих, но это не значит, что ты не будешь со мной появляться на людях, — сообщил он. — Хочешь, чтобы меня назвали жмотом столетия?

Я понятия не имела, кто из его окружения на глаз может определить стоимость кольца (но если у него есть знакомые, натасканные на роскошь как Ингрид, то наверняка могут), поэтому на такой компромисс согласилась. В итоге мой палец украшал роскошный ободок из белого золота, усыпанный ночными бриллиантами. Камня, который есть только в Рагране — с легким сиреневым отливом, напоминающим ночное небо.

В общем, у меня снова было помолвочное кольцо.

И сумма, на которую мы с Лари договаривались, потому что я согласовала те фотки, на которых не было видно харргалахт. Бен обещал, что они нигде не появятся, и я решила ему довериться. В конце концов, странно было бы не доверять тому, за кого собираешься замуж, и без конца ломиться в стену, где предполагалась дверь.

Под стеной я подразумевала Торна.

А под дверью — наши с ним несостоявшиеся отношения.

Пустота, которая с каждым днем все больше разрасталась там, где могли бы быть чувства, мне ничуть не мешала. Наверное, чем дальше, тем будет проще. Сегодня ночью мне, например, Торн не снился. Проснувшись в одиночестве, я долго смотрела на пустую половину кровати и думала о том, как безумно мне хотелось бы... там, в том прошлом, где дверь все-таки была... проснуться именно рядом с ним.

Дурацкие мысли провоцировали дурацкие слезы, но я все равно не могла от них избавиться. Для меня было очевидно, что от Торна во мне не только малыш, которого я пока даже не чувствую (странно, но с момента приезда в Рагран меня ни разу не тошнило и не штормило), но и нечто большее. Странная межпространственная связь, которую не разорвать границей между странами и простым «мы решили, что поторопились».

Или что я там сказала в ту ночь?

Сейчас события казались смазанными, затертыми, я помнила скорее чувства. Это ощущение падения в пропасть, а еще его взгляд. Что было бы, если бы я не сказала тех слов?

— Вирр?

— Гринни, умница ты моя.

Я все-таки села на постели, выбрасывая себя в реальность из совсем ненужного состояния. Что было бы, я уже не узнаю. Зато я знаю, что было после, и это весьма показательно. Мужчина, который вышвыривает мою семью из страны и приказывает мне лечь животом на стол, моего ребенка воспитывать не будет.

Я сходила в душ, после чего вслед за пританцовывающей от нетерпения пушистой мелочью отправилась на кухню. Пока она ела, я старалась не думать про Верража. Чтобы не думать, включила визор, на местных рагранских шли какие-то совершенно неинтересные шоу, и я ткнула в международный. Там говорили про политику Аронгары, и я оставила диктора болтать фоном, а сама болтала ногой, представляя своего малыша.

Каким он будет?

Вчера, пока мы ходили по магазинам, Бен сказал, что Арден перегнул, и что такой всплеск — как был у меня на фотосессии — это скорее проекция моих очень сильных эмоций. Что ничего страшного мне не грозит, но все равно, чем скорее я перееду к нему, тем лучше. Я сказала, что перееду после свадьбы, а до этого просто всегда буду на связи. Честно говоря, меня успокаивала его уверенность. То, что Арден действительно мог перегнуть — да хотя бы по приказу Торна — я не сомневалась.

Ну не был бы Бен настолько спокойным, если бы мне грозила серьезная опасность. Тем более что чувствовала я себя и правда замечательно, а когда на мне ледяным пламенем вспыхнула харргалахт, я вообще этого не заметила, потому что парила.

— Все у нас с тобой будет хорошо, солнышко, — сказала я и погладила живот. — Или льдинка? Как тебя лучше называть?

Странное чувство, но в это мгновение мои пальцы ужалило. Слегка, как если бы я и впрямь прикоснулась ко льду. Разумеется, это не мог быть ребенок — сколько там ему, он еще просто комочек жизни, но все-таки...

— Что? Значит, льдинка? — уточнила я. И добавила: — Жду не дождусь УЗИ. Безумно хочу на тебя посмотреть!

— ... очевидно, будущая первая ферна, Солливер Ригхарн.

Это напоминало пощечину или резкий рывок, когда меня просто вышвырнуло в Хаймарг. Я подняла на визор глаза, чтобы увидеть выходящих из Ригн Свихт Торна и Ригхарн. Крупным планом показали их соединенные руки и кольцо у нее на пальце.

— Официального заявления от пресс-службы ферна Ландерстерга пока не было, но мы прекрасно понимаем, к чему все идет. Напомним, Солливер Ригхарн — известная во всем мире модель и дочь...

Я щелкнула пультом, но избавиться от стоящей перед глазами картинки не могла. Не от кольца, один в один напоминающего мое, которое разлетелось крошкой в ладони Торна. От сплетенных пальцев, сливающихся воедино ладоней, от поворота ее головы, когда ее локон скользит на его рукав.

И руки.

Их руки, сплетающиеся так же, как могли сплетаться их тела.

Меня затошнило.

Кажется, впервые за все время в Рагране меня всерьез затошнило. Понимая, что сейчас распрощаюсь с выпитым стаканом воды, я подскочила и поняла, что пластинка пульта намертво прилипла к моей руке.

Точнее, примерзла.

А с моих пальцев течет ледяное пламя, рассыпающееся снежными искрами.

Оно впитывается в несчастный пульт, который уже полностью покрыт инеем, на пол падают снежинки. Я глубоко вздыхаю, и вдруг понимаю, что Бен мне не поможет. Мне вообще никто не поможет, потому что с телефоном я сделаю то же самое, как и с собственным ухом. А потом превращусь в ледяную статую и навеки останусь в этой заморозке, если сейчас все это не прекращу.

— Льдинка, — я прикладываю нормальную ладонь к животу. — Эй, льдинка. А ну прекращай. Ты уже напугала маму до икоты, а сейчас напугаешь еще и Гринни.

На пальцах продолжает искрить, и про Гринни я не шучу. Виари, которая только что с наслаждением ела, сейчас смотрит на меня большими глазами, шерстинки стоят перпендикулярно телу, из-за чего она напоминает шарик. Который продолжает раздуваться от страха.

— Льдиночка, — повторяю я, слушая отклик внутри себя. Стараясь выровнять дыхание: — Это я тебя напугала, правда? Прости, я больше так не буду. Обещаю. Я больше никогда-никогда не заставлю тебя волноваться, и никому не позволю.

Как ни странно, но сердце у меня и впрямь бьется ровнее. Ладонь продолжает покалывать, но искр становится меньше, и я сосредотачиваюсь на этом ощущении. На этом чувстве. На тепле, когда думаю о том или о той, кто сейчас внутри — почему-то именно сейчас мне кажется, что это девочка. Я представляю крохотное существо, и любви становится столько, что на глаза наворачиваются слезы. Дыхание снова перехватывает, но на этот раз от тихой, счастливой нежности.

— Я люблю тебя, — говорю тихо. — Слышишь? Я так тебя люблю...

Раздается какой-то хруст, и Гринни подпрыгивает. Я перевожу взгляд на пол и вижу, что там валяется пульт, который натурально отвалился от моей руки. Рука больше не ледяная, пламени нет, внутри такое тихое, спокойное умиротворение. Я наклоняюсь, чтобы поднять пульт, говорю шепотом:

— Все хорошо, гулять пойдем чуть позже.

А после иду к дивану и ложусь. Так мы и лежим в тишине, под биение моего сердца, и, наверное, под ее. Просто оно такое крохотное, это сердечко, что я еще не могу его слышать, но осознание этого заставляет меня понимать: в задницу Торна. В задницу Солливер Ригхарн. В задницу все, что может заставить волноваться мою малышку.

— Тебе нравится Бен? — спрашиваю я.

Глупо ждать ответа, но мне в пальцы опять ударяет легкими искрами. Она откликается на мои чувства, не на слова, но я думаю, что Бен ей нравится. Потому что иначе она не позволила бы мне к нему даже приблизиться. Она всегда откликается на сильные чувства и эмоции, а с Беном я ни разу не вспыхнула ледяным пламенем. И это хорошо. Это действительно хорошо, в сложившихся обстоятельствах — то, что надо.

Не знаю, сколько мы так лежим, пока к нам подползает Гринни.

Я все-таки поднимаюсь, иду за телефоном.

— Бен, — говорю без предисловий, — я сейчас фонтанировала ледяным пламенем.

Все это — неестественно-спокойно, потому что иначе...

— Что?!

— Просто приезжай, когда сможешь. Сейчас все хорошо, мне кажется, ребенок реагирует на мои чувства.

Я нажимаю отбой, чтобы не углубляться в тему, потом вместе с телефоном возвращаюсь на диван. Смотрю и читаю про малышей на первом и втором месяцах — пытаюсь понять, сколько же ей? Гринни приплясывает рядом, но я не готова идти с ней на улицу. Несмотря на то, что мне удалось нас успокоить, ледяное пламя посреди Раграна — не то, что стоит афишировать. Читаю про малышей, и улыбаюсь — это успокаивает, а мне сейчас нужно отвлечься, причем чем дальше я уйду от темы Торна и его новой первой фермы, тем лучше.

Я рассматриваю крохотные эмбрионы на картинках, и улыбаюсь.

На кого будет похожа моя льдинка? На меня, или...

На этой мысли я резко закрываю вкладки с описанием первых месяцев беременности и иду в соцсеть к Лари. На фото, где я парю, десятки тысяч комментариев, наверняка самых разных, но я даже их не читаю. Листаю фото, рассматривая летящее платье, алые ленты, мои раскинутые, как в полете, руки.

Мне оставалось два шага до «Эрвилль де Олис», но сейчас у меня есть нечто гораздо более ценное. Моя льдинка. А шоу...

Я неожиданно подскакиваю на диване.

Идея, которая приходит в мне в голову, совершенно сумасшедшая, и она не вяжется с тем, что происходит в моей жизни. Тем не менее она вяжется с ним гораздо больше, чем исполнение трюков в «Эрвилль де Олис», и с каждым мгновением кажется мне все более и более реалистичной.

Хотя и безумно далекой.

Что, если мне сделать свое шоу?

Эта идея настолько меня захватывает, что я с трудом заставляю себя остаться на диване, не бегать, не прыгать и вообще не совершать никаких резких движений, потому что внутри у меня совершенно непредсказуемая Льдинка. Зато единственный мой друг (не считая Гринни) — смартфон, туда я сейчас и пишу.

Аэрошоу?

Знак вопроса выделяю пожирнее и подчеркиваю. У Эрвилль де Олис изначально была задумка связать театр и ледовое шоу, ленты туда добавились уже чуть позже, в качестве акробатических трюков, а я сейчас думаю — каково это, сделать шоу, которое полностью в воздухе? То есть от начала и до конца. Все в парении. Все на лентах. Все в воздухе.

Меня так захватывает эта идея, что я пишу, пишу и пишу, вываливая в заметки все, что мне приходит в голову, и даже не сразу слышу звонок. А когда слышу, подскакиваю повторно, поднимаю голову, пялюсь на дверь и вспоминаю про Бена.

Гринни уже встречает его, ставит лапы на стену рядом с дверью и верещит, но когда я открываю, разумеется, на нее никто не обращает внимания. Он влетает в квартиру, вглядывается в мое лицо, осматривает от кончиков пальцев до макушки, кажется, вообще сканирует взглядом.

И только потом выдает:

— Ледяное пламя, Лаура? Это была шутка?

— Нет, — я показываю на валяющийся в луже дистанционный пульт.

— Ты полила пульт вместо цветочка?

— Бен! — я уже почти натурально рычу. — Это не смешно.

— Да, это не смешно! — орет он. — Я собрал все штрафы Раграна, пока летел к тебе, чтобы обнаружить, что ты пошутила!

Я снова перевожу взгляд на пульт, и вдруг понимаю, как это выглядит. Девушка, которая самая обычная, не имеющая ни малейшего представления о том, как управляться с пламенем, заявляет, что у нее прорывается ледяное пламя, а «на месте преступления» — просто пульт дистанционного управления в луже. Ничего не сожжено, ничего не подморожено, ну и в целом... это действительно выглядит как шутка. Дурная.

— У меня с рук текло пламя, — я перехватываю запястье Бена. — Точнее, с руки. Я поняла, что ты не успеешь, и просто попыталась ее успокоить.

— Ее?

— Свою дочь, — я смотрю ему в глаза. — Мне кажется, это девочка.

Он снова всматривается в мое лицо.

— Ты сейчас серьезно?

— А у меня есть причина тебя разыгрывать? Особенно — шутить этим? — Я снова показываю на пульт. — Он просто примерз к моей ладони. Я думала, это все. В смысле... совсем все.

Сейчас, когда он рядом, меня начинает потряхивать. Да, я с этим справилась, но напряжение никуда не делось, то напряжение, которое сидело во мне с той самой минуты, как я увидела первую искру.

— Лаура... — хрипло говорит он, но я перебиваю:

— И когда я поняла, что только я могу спасти себя... и ее... и ее, — я кивнула на Гринни, кружащую вокруг нас, — я поняла, что должна сделать все, что от меня зависит. Я начала говорить с ней. Говорила какую-то ерунду... кажется.

Я уже смутно помню, что я говорила. Помню только любовь.

— Пламя начало слабеть. Потом он отвалился, — я кивнула на пульт. — А потом... я легла на диван и позвонила тебе. Конечно, ты можешь мне не верить, но...

На этот раз договорить мне не позволяет он: просто обнимает и притягивает к себе. Я слышу биение его сердца под ладонью, а еще слышу его слова: «Я собрал все штрафы Раграна, пока летел к тебе...» — но даже эту фразу заглушает сумасшедший шум в ушах. Меня просто несет, и несет не слабо, от этой близости подгибаются колени, а еще снова безумно хочется просто почувствовать его губы на своих. Почувствовать — каково это, когда тебя целует мужчина, который тебя действительно хочет. По-настоящему. Который тебя действительно ценит.

Поэтому я поднимаю голову и смотрю ему в глаза. Бен явно собирается что-то сказать, но я прикладываю палец к его губам. И целую этот самый палец, чтобы он мог решить, хочет ли он продолжения. Потому что не надо быть гением, чтобы сообразить, что спровоцировало выброс пламени, и почему у меня к руке примерз пульт. Даже если не следить за развитием романа Тэ-Эс, догадаться можно, и я не хочу, чтобы он думал, что это потому что...

Пальцы Бена обхватывают мое запястье, его ладонь осторожно тянет мою руку вниз.

Я никогда раньше не целовалась с открытыми глазами — по крайней мере, с настолько открытыми глазами, здесь и сейчас, в этой реальности, на полную отдавая себе отчет, что происходит. Но сейчас происходит именно это: моя рука падает, и его губы ударяют в мои. Так же, как ударяет взгляд, раскаленный от красных искр в радужке. Дальше уже я сама шагаю к нему, врезаюсь в него, прижимаюсь так, что, кажется, мы становимся продолжением друг друга.

А после падаю в этот совершенно безумный поцелуй.

Этот поцелуй совсем не похож на наши предыдущие (я подумала — наши?), потому что мы смотрим друг другу в глаза. Это немного дико и, честно сказать, возбуждающе. Пусть не настолько, чтобы у меня отключился разум, но когда Бен подхватывает меня на руки и несет на диван, я понимаю, что больше не хочу отступать. Останавливаться тоже больше не хочу, и поэтому, оказавшись на его коленях с разведенными бедрами, снова его целую.

Бен зарывается пальцами в мои волосы, и от этого прикосновения через все тело протягиваются тысячи раскаленных ниточек. Мне хочется большего — гораздо большего, чем было до этого, и чем когда-либо было вообще. Поэтому я касаюсь его рубашки пальцами, той кромки, где заканчивается ткань и начинается вырез, и слышу его хриплый выдох, перетекающий из него в меня. Хотя может быть, дело не в рубашке — я отчетливо чувствую твердость, упирающуюся мне в бедро, и от этого совершенно срывает крышу.

Потому что я чуть сдвигаюсь, и на сей раз это уже не выдох, это рычание:

— Лаур-р-ра.

Его глаза темные, но искры пламени в них — как летящие искры от костра в ночи.

Когда-нибудь я ему об этом скажу. Наверное. А пока просто облизываю припухшие губы и расстегиваю верхнюю пуговицу на рубашке.

Глаза у него темнеют еще сильнее, а искры становятся ярче. В тот момент, когда я цепляю пальцами вторую, Бен перехватывает мои запястья.

— Все. Хватит. Еще пара минут — и я уже не смогу остановиться.

— А нам надо останавливаться?

— Надо. Мне. Я, может, тот еще набл, но я точно не собираюсь пользоваться тем, что сейчас происходит.

Ну... прилетели.

Я резко шарахаюсь назад, но Бен, к счастью, ир்தхан. Поэтому мое резко, которое могло закончиться неудачным падением, заканчивается тем, что я оказываюсь на диване на спине, а он сверху нависает надо мной. Перехватывает мою руку и чуть ли не силой ведет ее туда, где... в общем, кладет на то, что я только что чувствовала между ног.

— Ты же взрослая девочка, Лаура? — говорит почти зло. — И сто процентов понимаешь, что это значит. Трахнуть тебя мне хочется больше всего на свете, но если я сделаю это сейчас, я, к наблам, больше никогда не посмотрю в зеркало. Поэтому давай просто сделаем вид, что этот диалог нам понадобился в первый и последний раз в жизни. Я до одури тебя хочу. Но я сказал — когда ты будешь готова. О'кей?

Он это говорит так, что мне хочется отползти куда-нибудь подальше, но на этом диване некуда ползти. Еще и Гринни подползла, и смотрит на меня — то есть на нас — большими глазами: а что это у вас здесь происходит?

Ничего.

Ну или почти ничего.

Или произошло гораздо больше, чем я могла себе представить — потому что мой взгляд по-прежнему в вырезе его рубашки, на груди, а моя грудь вздымается так часто, как если бы я пробежала марафон на Соурских играх и взяла первое место. Правда, торчащие соски к первому месту не имеют никакого отношения, и Бен явно не о спорте думает, потому что сглатывает и отстраняется, увлекая меня за собой.

Теперь, когда я снова сижу, здраво мыслить как-то легче.

— Я хотела тебя целовать, — говорю я, и голос становится низким до хрипотцы. — И не только.

— Я знаю, — выдох у него получается каким-то рваным, а кадык дергается. — Пойдем, выведем твою живность, пока не случилось непоправимого.

— Нашу, — поправляю я.

Бен кивает.

— А потом вместе соберем вещи. Ты переезжаешь ко мне.

Глава 15

Раньше мне казалось, что жить с мужчиной — это что-то из разряда фантастики. То есть когда я встречалась с Мистом, мне даже в голову такое не приходило. Потом я встречалась с Торном... если можно так выразиться. До того, как отец сообщил мне о предстоящем замужестве, я о нем вообще не думала. У меня в планах была карьера, шоу, до этого учеба, путешествие в Зингсприд... словом, совсем не то, что можно назвать «связать свою жизнь с другим человеком».

Иртханом.

Да. В моем случае, это определенно было так.

Бен действительно спал рядом со мной. Первую ночь. После того, как утром проснулся и ушел в душ, он перебрался из спальни на диван в гостиной. Честно — впору было сомневаться в своих женских прелестях, но почему-то не сомневалось. Он просто давал мне время, а я понимала, что сейчас мне это нужно. Порыв, который на меня нашел у меня на квартире, в самом деле был искренним. Но искренним он был от того, что я увидела Торна с Солливер или от того, хотела ли я на самом деле строить свою жизнь с нуля, я не знала.

Поэтому тоже решила немного подождать.

Вместе со мной, очевидно, решила подождать Вселенная, потому что бракосочетание, или, говоря проще, мое замужество отложилось на пять месяцев. В зале регистрации нам сообщили, что да, дорогие, такая очередь. Так что вам придется подождать с объединением рук и сердец, ну и всего, что к ним прилагается.

Бен ругался страшными словами — на всю эту бюрократию. Изначально он хотел пойти один, но я уперлась, и сказала, что хочу пойти с ним, поэтому узнала, что разочарование он выражает достаточно бурно. Он продолжал его выражать даже когда я сказала, что подождать не против (и меня совершенно не смущает, что у меня уже будет животик), а вот когда я его поцеловала — замолчал.

Странно было бы продолжать ругать бюрократию после поцелуя, и меня это определенно радовало. Радовало и то, что каждый наш поцелуй делал нас чуточку ближе друг к другу. Ближе настоящему, а не от каких-то сумасшедших эмоций.

— Доброе утро, — он заглянул ко мне, когда я потягивалась под одеялом. — Завтрак на столе — часть. Часть в холодильнике. У меня сегодня утренняя операция, поэтому составить тебе компанию я не смогу.

Я улыбнулась.

— Не думаю, что ты себя обделил.

— И ты права.

— Но прежде, чем ты уйдешь, я бы хотела тебе кое-что показать. У тебя же есть время?

— Ты меня уже заинтриговала. — Бен прошел в комнату и остановился рядом со мной.

А я дотянулась до смартфона, открыла файл, который уже давно перестал быть просто набросками и протянула ему.

— Что это?

— Бизнес-план.

— Бизнес-план?!

— Да, я составляла его несколько дней, и очень хочу, чтобы ты на него посмотрел.

Бен опустился на край кровати (вопреки моим первым ощущениям, согласно которым он должен был сказать, что это подождет до вечера). Судя по тому, как он читал все то, над чем я сидела с перерывами на отдых для глаз и прогулками с Гринни, он действительно это читал. Поэтому я напряженно следила за выражением его лица, готовая к тому, что он просто-напросто скажет, что все это чушь. Что мне сейчас надо думать о другом. Что об этом надо думать, когда я уже рожу. Или не думать вообще.

Последнее, наверное, было страшнее всего.

Хотя «чушь» — это, конечно, тоже неприятно, и...

Бен оторвался от чтения, посмотрел на меня. Я не умела читать по лицам, поэтому сердце в этот момент у меня ушло куда-то в пятки, и оттуда пыталось достучаться до остального организма.

До той минуты, пока он не сказал:

— Лаура, это круто.

— Что? — осторожно переспрашиваю я.

Годы жизни в моей семье научили меня тому, что инициатива наказуема, а еще они научили меня тому, что близкие не всегда поддерживают. С другой стороны, я не представляю, можно ли назвать Бена близким, и вообще я запуталась.

— Говорю, что это круто, — повторяет он. — У меня даже есть пара идей на эту тему. Можем обсудить сегодня за обедом — у меня будет полтора часа. Или вечером, как захочешь.

Я моргаю. Можем обсудить за обедом — это уже точно та категория, когда мы не просто будущие фиктивные муж и жена. Потому что будущей фиктивной жене вряд ли что-то предлагают обсудить во время обеда после сложной операции. Но Бен ведь и не скрывал, что во мне заинтересован по-настоящему, правильно? Пока я все это думаю, он целует меня в нос и почти поднимается.

Почти, потому что я перехватываю его за руки и обнимаю.

— Удачи, — говорю еле слышно.

Это уже совсем другая категория, и когда он снова меня целует — на этот раз в губы, а после все-таки поднимается и выходит, я падаю на спину и долго смотрю в потолок. Потолки у Бена высокие, и даже в спальне двухуровневые. Не знаю, правильно ли я поняла задумку дизайнера, но это напоминает изогнутого в полете дракона. Светильники, разбросанные по крыльям и чешуе, только добавляют ассоциаций. Наверное, у меня слишком образное воображение, но я почему-то представляю их, как отблески пламени.

Совсем скоро рассветет, а я, чтобы не было больно глазам, перевожу взгляд на панно во всю стену. Там залитая дождем пустошь и парящий над ней дракон. Один.

Поворачиваюсь на бок, обнимаю подушку.

Наверное, мне повезло. Наверное, потому что любой другой мужчина на месте Бена давно бы меня послал с моими метаниями. И уж тем более не стал бы предлагать обсудить мою бредовую идею про аэрошоу. Да, временами она мне самой кажется бредовой, потому что нужно столько всего сделать (а я пока даже не представляю, с чего начать), но чем больше я о ней думаю, тем больше она меня зажигает.

В основе этой идеи — парение, то есть исключительно полеты на лентах, все действие должно происходить на высоте, а еще я вижу это очень масштабно. Но для этих масштабов в Рагране, например, подходят только два зала — относительно, и чем больше я вспоминаю свой полет над крышей высотки, там, где от вида кружится голова, тем больше понимаю, что подходят они ну очень относительно. И что мне еще и здания нужно отстроить, а точнее — арены, аналоги есть в Аронгаре, Фияне и в Ферверне, это открытые площадки для лазерных шоу, посвященных знаменательным датам. Вот что-то похожее нужно мне. Либо как одно из современных чудес света в Лархарре — стадион Хайдор, расположенный на высоте семидесяти этажей, с полностью стеклянными стенами.

Чем больше я об этом думаю, тем сильнее у меня на голове шевелятся волосы.

Попеременно — то от страха, то от восторга.

Как круто это будет, если все получится. У меня даже в мыслях это круто, не говоря уже о реальности и о помощи спецэффектов. Но все это хорошо пока что исключительно в теории, и я спрыгиваю с постели с твердым намерением немного углубиться в дебри — раз уж Бен одобрил мои начинания, значит, надо с чего-то начинать.

Например, с поиска сценаристов, потому что кто-то должен облечь мою идею в слова. С поиска тех, кто сможет в шоу участвовать — потому что здесь нужна особая подготовка. И с поиска того, кто займется постановкой.

— Джерман Гроу, — говорю я.

Спотыкаюсь и чуть не улетаю лбом в душевую кабину, хотя, учитывая размер ванной комнаты Бена, я бы еще раза три перевернулась в полете, прежде чем приземлилась бы рядом с ней.

«Сейчас я как никогда раньше открыт к экспериментам».

Он сам это сказал. И хотя вероятность того, что Джерман Гроу согласится стать постановщиком в моем шоу близится к нулю и где-то пятидесятой единичке после запятой, эта мысль не выходит у меня из головы. Если бы мне удалось заполучить Джермана Гроу в постановщики (нет, я в это не верю, но если бы так получилось), вопрос с инвестированием, думаю, отпал бы сам собой. То есть можно позвонить любому инвестору и сказать: «Мое шоу ставит Джерман Гроу», — и они еще подерутся между собой за то, кто будет в него инвестировать.

Это все звучит настолько фантастически, нереально, что я залезаю в душ прямо в сорочке. Хорошо хоть воду не включаю, и то ладно.

Выпутываюсь из сорочки, стараясь избавиться от этой дикой мысли, которая не оставляет меня в покое.

Я совсем с ума сошла?

Или это все-таки реально?

Пока что это закончилось исключительно тем, что я два раза помыла голову, причем второй раз — гелем для душа. Пришлось мыть голову в третий раз, потому что волосы превратились в паклю, и когда я наконец-то вылезла из душевой кабины, в спальне уже сидела Гринни. То ли Бен неплотно прикрыл дверь, то ли она умудрилась ее открыть. Мы как-то стали свидетелями, как это чешуйчатое взлетело и ткнулось носом в панель, разблокировав замок входной двери, когда очень хотело гулять. После чего Бен пошутил, что скоро она заговорит.

Сейчас с ней точно не надо было гулять — судя по мокрым лапам виари, Бен это уже сделал, а судя по тому, что она с дикими глазами не верещала, он ее перед этим еще и покормил. Выключаю свет, потому что над Мериужем уже растекается солнце, набрасываю халат и, коснувшись панели, убираю жалюзи на всю высоту панорамных окон.

Квартира у Бена в центре, поэтому и вид здесь совсем другой. Просыпающаяся столица (или, если быть точной, не засыпающая), искрит солнечным светом в окнах высоток, аэроэкспрессов, бесконечных верениц флайсов. Мы живем на семьдесят восьмом этаже, и этот вид для меня гораздо более привычный, чем был у меня в квартире. Да что там, вид, эта квартира, будучи точно так же двухкомнатной, в четыре раза больше той, которую я снимала.

В этой спальне, по идее, танцевать можно, и я делаю несколько разминочных движений.

Мне не хватает лент и катания на коньках.

Мне безумно не хватает прежней жизни, но прежняя жизнь осталась в прошлом. Потому что прежняя Лаура точно не стала бы скрывать от брата, с которым разговаривала на днях, то, что она переехала жить к мужчине и скоро собирается за него замуж. От лучшей подруги она бы тоже не стала это скрывать.

Из мыслей об этом меня выдергивает звонок смартфона.

Я оборачиваюсь, подхожу к тумбочке: номер фервернский, но неизвестный. Поэтому я несколько секунд медлю перед тем, как ответить. Но все-таки отвечаю.

— Лаура Хэдфенгер? — Голос мужской. Резкий. Незнакомый.

— Да.

— Меня зовут Петерфьерн Рэгстерн. Нам нужно поговорить.

Рэгстерн. Мне нужно сразу же отключиться, но до того, как я успеваю это сделать, он произносит:

— Моя дочь просит вас о помощи.

А я едва не давлюсь словами. Мне хочется поинтересоваться — та самая ваша дочь, благодаря которой я едва не размазалась по своему бывшему парню? Та самая, которая устроила мне тот веселый вечер, благодаря которой начался наш с Торном крах? Не знаю, почему, но сейчас мне дико хочется вцепиться ей в физиономию и расцарапать ее, вместо этого я говорю:

— До свидания, ферн Рэгстерн, — и уже почти нажимаю отбой, когда из трубки доносится:

— Для Ардена Ристграффа.

Я так и замираю: с занесенным над дисплеем пальцем. Потому что Арден не имел никакого отношения к Эллегрин — или имел? С какой радости тогда ей просить за него? И он не сдал меня

Торну. Не считая того, что он поставил меня на ноги. Буквально.

Поэтому я молчу и снова подношу смартфон к уху.

— Вы, разумеется, не в курсе, но ферн Ристграфф арестован.

— За что?!

— Подробности мне неизвестны. Известно только, что он заключен под стражу и сейчас ожидает суда. Эллегрин действительно не имеет права вас ни о чем просить, Лаура, но она просит не за себя. Я же со своей стороны могу только передать вам ее просьбу. Она надеется, что вы сможете остановить ферна Ландерстерга, пока не случилось непоправимое.

Непоправимое?!

— О чем вы?

— Ферна Ристграффа ожидает трибунал. Вы знаете, что это такое, Лаура?

Я знаю, что это что-то, связанное с военным временем, точнее, суд, который собирают в военное время, но сейчас, к счастью, войны нет. В Ферверне так точно.

— Знаю, что трибунал можно собрать в военное время.

— Не всегда. Иногда его собирают, когда военнообязанный отказывается исполнять приказ, который ставит под угрозу благополучие той или иной державы. Как бы там ни было, я не знаю, о каком приказе идет речь, и что именно произошло между ферном Ристграффом и ферном Ландерстергом. Эллегрин уверена, что вы сможете это исправить, только поэтому я звоню вам. И, если это имеет значение, мне жаль.

Он попрощался, и я отложила смартфон.

В крайне противоречивых чувствах, надо признаться. С одной стороны, даже упоминание Эллегрин заставляло меня сжимать кулаки, с другой... при чем здесь Арден?!

«Мне жаль».

А мне-то как жаль, вы даже себе не представляете!

Я вылетела из спальни и спустя пару минут уже сидела за столом, но завтрак не лез в горло.

Какого набла?! Почему они просто не оставят меня в покое?!

Так внутри меня орала маленькая девочка, а какая-то новая я думала об Ардене. О нашей последней встрече. О том, что он мне сказал и о том, что случилось после.

Что, если (только на минуту предположить) все это случилось из-за той поездки? Что, если Торн присылал его, чтобы он что-то узнал, а он ничего не узнал? Или не захотел? Когда я думала об усыпляющих пластинках, скорее всего, я была не так далека от истины. Не представляю, какие на самом деле средства у военных врачей, имеющих доступ к секретным разработкам, чтобы получить мою кровь на анализы. Он действительно мог сделать все — с той минуты, как я открыла дверь — все, чтобы Торн узнал о моем положении. Но он просто меня предупредил о возможных последствиях.

Которых, к слову сказать, по-прежнему не было (не считая того всплеска): Льдинка вела себя тише пустоши, ниже подземных пещер, как будто уснула там, внутри, и сладенько посапывала, пока я сочиняла идею для своего шоу. Пока мы с Беном ездили узнавать о регистрации или целовались, пока ужинали или гуляли вместе.

«Эллегрин уверена, что вы сможете это исправить».

— Как?!

— Вирк!

Я перевела взгляд на Гринни и поняла, что спросила это вслух.

Как я могу что-то исправить?! Я, которую «ферн Ландерстерг» не слушал, даже когда я была его невестой?!

Хотя вопрос заключался несколько в другом.

Как я могу не попытаться? И как я буду после этого спать.

Я глубоко вздохнула и посмотрела на смартфон. В Ферверне сейчас глубокая ночь, а это значит, у меня минимум восемь часов, чтобы подумать о том, что я скажу Торну, когда свяжусь с ним через Одер. Или две минуты, если я по памяти наберу номер, который ушел из телефонной книги, но раскаленным клеймом отпечатался на сознании, как когда-то его харргалахт на коже.

Я отложила смартфон и снова подвинула к себе тарелку.

Для начала мне надо поговорить с Беном. Он точно что-нибудь посоветует, и... через Одер, наверное, будет правильнее. Спустя три безуспешные попытки впихнуть в себя что-то съедобное я отодвинула тарелку окончательно, от глотка кофе меня затошнило. Памятуя о том, что произошло в последний раз, когда я увидела Торна (сейчас мне его видеть необязательно, но вряд ли его голос произведет успокаивающий эффект), я положила руки на живот и принялась напевать.

— *Маленький мой,*
Чудо мое,
Спишь ты сейчас
И не знаешь,
Как без тебя
Мама твоя
Уже по тебе скучает.
Ждет важный день,
Чтоб в этот мир
Тебя привести
Поскорее...
Чтобы в глаза
Твои посмотреть —
— И сразу станет
Теплее.
Маленький мой...
Маленькая?
Кроха моя родная!
Очень тебя
Жду и люблю,
Всем сердцем тебя
Обнимаю.

Эту песенку я услышала на сайте для беременных, и теперь она ко мне прилипла. То есть периодически всплывала в мыслях, когда я чем-то занималась, но сейчас она вообще пришла сама собой. Очень в тему. Не знаю, кого она больше успокоила — Лыдинку или меня, но ком из горла ушел. Я даже доела завтрак. Отнесла посуду в посудомоечную машину и включила ее.

После чего вышла в гостиную и набрала номер Торна.

Каждый гудок сопровождался ударом сердца, во время которого я старалась глубоко дышать, и мысленно проговаривать слова песенки.

Когда вызов оборвался, предложив мне оставить голосовое сообщение, я выдохнула и отшвырнула от себя смартфон, как если бы он мог ужалить. Чтобы спустя мгновение услышать звонок и увидеть на дисплее номер.

Который я очень хорошо знала.

Мне надо ответить. По всем законам логики мне надо ответить — я ведь первая ему позвонила, и даже, наверное, знала, что собираюсь ему сказать. А что я собираюсь ему сказать? Папаша Эллегрин Рэгстерн только что сообщил, что ты арестовал Ардена и отправил его под трибунал? Не потрудишься ли объяснить, за что?

Я тихо дышу, точнее, пытаюсь тихо, а получается, как получается. Что на самом деле нас связывает, если одна мысль о телефонном разговоре вытряхивает из меня все, что называется внутренностями?

К счастью, звонок обрывается и больше уже не повторяется, а я сижу, обхватив колени руками, и смотрю на смартфон.

Однажды я пришла к нему с Гринни, чтобы попросить оставить ее с Верражем. Что было дальше, я помню очень хорошо. Наверное, гораздо лучше, чем все хорошее, что между нами было. А может быть, и нет.

Как бы там ни было, после одного звонка (который даже не состоялся) у меня вообще нет ни малейшего желания что-либо делать. Я сползаю на диван — благо, у Бена на нем можно разместиться хоть по диагонали, хоть по горизонтали, вытягиваю ноги, потом наоборот подтягиваю колени к груди и сворачиваюсь комочком.

Это разрушительное чувство, а если быть точнее, разрушительная связь обмоталась вокруг горла, как пуповина, и сколько бы я не пыталась ее разорвать, она все равно возвращается общими знакомыми. Ошибками. Чем-то, что мне вообще неподвластно.

Гринни подползает ко мне, виррчит и пытается покусать свесившиеся на пол пальцы. Только когда понимает, что играть я не в настроении, грустно вздыхает и вытягивается рядом вдоль дивана. Не знаю, сколько я так лежу — в попытках понять, что у меня в жизни происходит, когда соскальзываю в сон. Во сне бегаю по пустоши, за мной гоняется ледяной дракон и пытается сожрать. Я проваливаюсь в какую-то пещеру, и он проваливается следом за мной. Рычит, из ноздрей вырывается дым — а взгляд заставляет цепенеть, словно приковывает к месту.

То, что это сон, я понимаю, когда надо мной раздается голос:

— Вот так придеешь на обед, а она тут спит!

Я продираю глаза — точнее, пытаюсь их открыть, но веки тяжелые.

— Лаура? — Бен склоняется надо мной. — Лаура, все хорошо?

— Все, — говорю я.

Пытаюсь сесть, но что-то меня не пускает. Вижу, как Бен меняется в лице.

Только сейчас понимаю, что моя одежда примерзла к дивану и к коже. Корка льда растекается под моим телом, но я совсем не чувствую холода.

— Тихо, — говорит Бен прежде, чем я рванусь и оставлю часть блузки вместе с кожей на диване. — Тихо.

Он садится рядом со мной, обнимает меня, и странное тепло окутывает с головы до ног.

— Ты что делаешь? — спрашиваю шепотом.

— Это и называется вливание пламени.

Если это называется вливание пламени, то оно точно не имеет никакого отношения к сексу. Я чувствую, как сквозь меня течет согревающий жар, успокаивающий, расслабляющий, и нет ничего в мире уютнее этих объятий. Веки, которые еще пару минут назад казались просто неприподъемными, сейчас становятся легкими. Я чувствую себя так, словно отдыхала недели две, причем отдыхала от шезлонга до кровати в номере, а все вокруг носились с опахалами, исполняя малейшее желание по первому требованию.

— Ну как?

Это вообще совершенно странно и нелогично — думать о том, что происходит в Ферверне, когда о тебе так заботятся. Поэтому я запикиваю Ферверн подальше и говорю:

— Куда ты хочешь сходить на обед?

Ледяная корка растаяла, поэтому на диване теперь лужа. К счастью, экокожа позволяет по этому поводу не переживать, а вот мне точно надо переодеться.

— Для начала, отнесем тебя в душ, — говорит Бен. — А там будет видно.

— Как прошла операция?

— Как видишь, чудесно. Иначе бы ты меня сейчас не видела.

— А что было бы?

— В таком состоянии меня лучше никому не видеть, Лаура. Поверь.

— Уверена, это не твой случай, — я дотягиваюсь до его лица и убираю упавшие на лоб волосы.

Мне нужно смириться с мыслью, что я ничего не могу сделать для Ардена.

Или просто не попыталась?

— Лаура, — Бен вглядывается в мое лицо. — Сдается мне, мысленно ты сейчас далека от кардиохирургии и моих талантов.

И я сдаюсь. Если я действительно хочу, если я собираюсь строить с этим мужчиной отношения, мне нужно быть до конца честной. С собой и с ним тоже.

— Мне звонил отец Эллегрин Рэгстерн, — говорю я. — Чтобы сообщить, что Ардена Ристграффа арестовали и что его ждет трибунал. Не знаю, почему, но Эллегрин решила, что я способна как-то повлиять на...

Я делаю паузу.

— На решение Торна. Хотя я понятия не имею, какое отношение Эллегрин имеет к Ардену, и почему они вообще мне звонили.

Бен хмурится.

— Непонятно здесь только одно: почему ты вообще с ним разговаривала, — отрезает он. Но, прежде чем я успеваю ответить, добавляет: — Эллегрин Рэгстерн какое-то время встречалась с Арденом Ристграффом.

Удивиться я не успеваю: смартфон Бена оживает, и он резко меняется в лице. Этот разговор длится меньше минуты, да это и не разговор — потому что Бен не произносит ни слова. В какой-то момент мне кажется, что он сейчас обернется драконом, хотя это и нереально, конечно, но чувство именно такое — настолько хищным становится его взгляд, а радужка окрашивается в цвет пламени.

— Что случилось? — спрашиваю я, когда он нажимает отбой. Спрашиваю вовремя, потому что по ощущениям телефон в его руках вот-вот разлетится обломками.

Он смотрит на меня. Долго.

После чего произносит:

— Торнгер Ландерстерг потребовал официального подтверждения, что ты не беременна. У нас есть два часа, чтобы покинуть Рагран.

Глава 16

Покинуть Рагран. И что делать? Куда бежать?

В Аронгару?

Странно, что эти мысли первыми приходят мне в голову, только после того, как я осознаю, что Торн потребовал официального подтверждения.

— Что это значит? — спрашиваю я. — Что значит «официального подтверждения»?

— Это значит, что тебя обследуют по протоколу и результаты анализов предоставят ему.

— По какому протоколу? — спрашиваю я. Очень тихо, хотя готова сорваться в истерику.

— По протоколу международного соглашения медицинских обследований.

— В случае, если невеста сбегает с первенцем иртехана? — Я понимаю, что сейчас начну смеяться.
— Правящего?

— Лаура, — Бен шагает ко мне, — у нас нет на это времени. По закону они имеют право это сделать, даже помимо твоей воли.

— По закону? — я закрываю ладонью рот. — По закону?!

Да что это за законы такие, если я не могу нормально выносить своего ребенка! Мне хочется кричать, хочется что-нибудь разбить, но сегодня я уже подморозила свою кофточку и диван, поэтому все эмоции гашу на подлете. Не знаю, как насчет любви, но рядом с Торном отлично учишься контролировать свои чувства. И даже вдали от Торна тоже. Главное — при одном упоминании его имени.

Почему он не воспользовался этим сразу? Хороший вопрос. Видимо, поверил, что я не беременна, а значит, и в первый раз Арден ему ничего не сказал. Хотя что он мог сказать? У меня начинает кружиться голова, но к счастью, я все еще сижу. Рядом с лужей ото льда, на диване.

— Лаура, — Бен опускается рядом со мной, берет мои руки в свои, — наш единственный выход — Аронгара. В свое время, когда заключалось международное соглашение о предоставлении медицинских анализов любого человека или иртехана в критической ситуации даже вопреки его воле, Рэйнар Халлоран отказался его принять. Тебя может спасти только этот факт.

— А тебя? — я смотрю на него. — Ты только что устроился в клинику, Бен. Только что начал все заново, у тебя была серьезная операция сегодня... и ты снова все бросаешь? Зачем?

— Потому что если выбирать между клиникой и нами, я выберу нас. — Он сжимает мои пальцы. — Понимаешь?

Это становится последней каплей. Я отнимаю руки, вскакиваю и кричу:

— Нас нет! Нас?! Кто мы друг другу?!

— Не знаю, — он усмехается и поднимается следом за мной. — Это ты мне скажи, Лаура. Потому что я уже понятия не имею.

Что я там говорила про эмоции?! Меня опять начинает трясти, и Бен шагает ко мне. Оттолкнуть его — и предоставить Торну все его набловы доказательства, пусть подавится! И что дальше? Вернуться в Ферверн до родов? Отдать ребенка после, даже если выношу его в Рагране?

— Аронгара, — говорю я. — Что будет, если мы приедем туда? Меня не выдадут? Нас? Тебя? Что еще он может сделать, чтобы меня получить?!

То есть нашего ребенка. Ребенка, конечно же, ему нужен его первенец, а не я. Хотя сейчас я уже не уверена, что ему даже наша малышка нужна, потому что будь она ему нужна, этому делу ход дали бы сразу. А сейчас...

— Бен, — говорю я, — я не могу так тобой рисковать. Ты слышал про Ардена. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. В конце концов, это моя жизнь, и мне справляться с тем, что я наделала. Когда они получают анализы, я скажу, что обманула тебя и хотела выйти за тебя замуж, чтобы скрыть факт беременности от Торна. Скажу, что ты ничего не знал, и...

Под его взглядом я осекаюсь.

— И как ты предлагаешь мне себя чувствовать после твоего монолога, Лаура? — жестко интересуется он. — С твоим умением опустить мужчину, наверное, никто не сравнится. Ты в курсе, что я смогу постоять за себя и за свою женщину? И сейчас — по крайней мере, сейчас он единственный — я предлагаю тебе выход, который может все изменить. Который может что-то исправить, но уже пятнадцать минут я объясняю тебе, что нам нужно сделать. Аронгара — единственная страна в нашем мире, где люди защищены по максимуму. Хотя отчим должен мне высказать за мои слова, это на самом деле так.

— Это он звонил? — уточняю я. — Твой отчим?

Бен кивает.

— У него действительно хорошие связи.

— У него действительно хорошие связи. И именно благодаря им нам откроют ВИП-телепорт, который позволит нам уйти.

— А что будет с ним?

— Полагаю, он будет наслаждаться жизнью, как обычно, — Бен берет меня за руку. — Лаура, ты слишком много думаешь о других. Пришла пора подумать о себе самой, тебе так не кажется?

Кажется.

— Хорошо, — отвечаю я. — Ты прав. Едем в Аронгару.

У меня такое чувство, что в меня на полном ходу влетел флайс. То есть флайс влетел в меня, когда я была без флайса, и хотя, чисто теоретически, такое представить достаточно сложно, ощущения я уже словила. И продолжаю ловить, стоя у панорамного окна в два моих роста, в квартире, которая чем-то напоминает пентхаус Торна. Ночная Аронгара, а точнее, ночной Зингсприд — это россыпь огней над побережьем, которое кажется черной бездной. Сейчас, когда над городом ночь.

Гринни, которую я сначала везла в спортивной сумке под инвалидной аэроколяской, а потом усиленно запихивала в первый попавшийся заказной флайс, озираясь так, будто ограбила банк без маски, спокойно спит на роскошном диване. Мне спать сегодня точно не грозит, по всем законам жанра я должна валиться с ног, но я чувствую себя адреналиновой куклой.

Поэтому, когда за спиной раздаются шаги, даже не вздрагиваю. Просто оборачиваюсь и встречаю взгляд Бена.

— Все еще не спишь?

— Я же сказала, что тебя дождусь.

— А я обещал все рассказать. Помню.

Когда он объяснил, как мне нужно выйти из дома, я подумала, что оказалась в фильме про Баррета Крейна. Потому что мне никогда бы не пришло в голову выходить из дома в парике, а виари, которой Бен лично уколол снотворное, тащить в приоткрытой сумке для фитнеса. И уж тем более не сдавать потом пожилую женщину на руки мужчине с непробиваемой физиономией, который обещал доставить ее обратно (точнее, это обещал Бен, мужчина просто перехватил у меня ручки коляски и ушел, оставив меня с Гринни и сумкой).

Бен попросил ему довериться, и я доверилась.

Наверное, я никогда в жизни никому так не доверялась, как сегодня — ему.

— Пойдем, — он кивнул в сторону дивана, но я осталась на месте. Бен помолчал, потом все-таки произнес: — Помнишь, я говорил тебе о том, что мой отчим — не простой ир்தхан?

Очень непростой, если сумел провернуть то, что провернул.

— Он уехал из Раграна консулом. Долгие годы просто консулом он и был, но после смерти матери все изменилось. Его хотели отозвать из-за того, что его личная потеря могла повлиять на его работу, но не отзывали. Правительство Раграна решило, что в Ферверне он будет нужнее. Его связи открывали многие двери, а его статус не позволял заподозрить ничего лишнего. До определенного момента он был и консулом и поставщиком информации о некоторых важных вещах, доступ к которым в Ферверне было получить не так просто.

Про Баррета Крейна я не ошиблась.

— Твой отчим был секретным агентом? — уточнила я.

— Это слишком попсо́во. В какой-то мере, да. Сейчас он начальник внутренней и внешней разведки, или, попросту говоря, второе лицо Раграна после Бермайера.

Бермайер — Верховный правящий Раграна, как Торн в Ферверне, и если отчим Бена стоит после него, все вопросы по поводу случившегося отпали. Точнее, один остался. И весьма существенный.

— А ты? — спросила я, глядя на Бена в упор.

— А я кардиохирург. И, благодаря отчиму, частично параноик, хотя именно паранойя по большей части вытаскивала меня из многих ситуаций, которые я просчитывал заранее. Например, при создании частной клиники меня хотел нагреть деловой партнер.

— Но ему это не удалось.

— Нет, — Бен покачал головой.

— Вообще-то это называется интуиция, а не паранойя.

— В моем случае паранойя. Иначе бы я не сказал тебе про тест на беременность.

Тест на беременность.

Да. С него все началось, и стоило мне только представить, какую цепочку событий я запустила покупкой этих двух запечатанных упаковок, впору было рвать волосы на голове. Но волосы мне были еще нужны, а с головой придется провести профилактическую работу, чтобы больше не делать глупостей.

— Почему ты мне сразу не сказал?

— О чем? О том, что Торнгер Ландерстерг снял слежку за тобой и поставил ее за мной?

Я зажмурилась, потому что у меня начинала кружиться голова. Все-таки телепорт (а особенно второй телепорт за недолгий промежуток времени) — не самое лучшее, что можно придумать для беременной женщины.

— Лаура? — Бен взгляделся в мое лицо.

— Про своего отчима, — я покачала головой, показывая, что со мной все в порядке. — Почему?

— Чтобы тебе стало еще веселее? — Он усмехнулся.

— Откуда ты знаешь про Эллегрин и Ардена?

— Это допрос?

— Это вопрос. Я хочу, чтобы между нами больше не осталось слепых пятен. Не хочу идти в новую жизнь, не представляя, кто рядом со мной находится.

Бен прислонился к окну. В неоновом свете его профиль казался выточенным из мрамора.

— Арден врач. Мы пересеклись на конференции, зацепились за одну тему. Сначала просто общались, потом профессиональное общение переросло в дружеское. Потом он спутался с Эллегрин, я начал встречаться с ее подругой. Наши уютные посиделки закончились, когда об их интрижке — это ее слова — узнал Ландерстерг. С ним мы в то время тоже пересекались, пару раз, но не задалось. Умение смотреть на всех, как на дерьмо, мне никогда не нравилось, и я не стеснялся ему об этом говорить. Это не нравилось уже ему. В итоге после ситуации с Эллегрин Арден сказал, что не хочет портить отношения с Торном еще больше, и полностью прекратил общение со мной. Признаюсь честно, это было паршиво, потому что я считал его своим другом.

Я молчала. Просто не представляла, что сказать. Что еще добавить, прибавить, убавить. Иногда, когда требуешь откровенности от кого бы то ни было, нужно быть готовым эту откровенность принять, а не просто моргать, пытаясь вспомнить хотя бы одно нужное слово. Хотя возможно, слова здесь были излишни.

— Пожалуй, это все самое страшное, что я мог тебе рассказать. Хотя нет. В детстве я нацепил на хвост виаренку ленту со звенящими банками, и он в истерике носился по дому, пока это не увидел отчим.

Я попыталась улыбнуться. Не вышло.

— У тебя был виар?

— Да. История с банками была первой и последней, потому что на следующий день отчим отвез меня в школу, привязав банки к моей ноге. В школе я, разумеется, их снял, но мне хватило. В том числе и насмешек на месяца два вперед.

— Хорошенькие методы.

— Ну, у меня был выбор. Либо порка, либо поход до школы с банками.

— Добрый у тебя отчим.

— Его воспитание мне многое дало. В частности, первую прописную истину, что нельзя злоупотреблять силой и властью над теми, кто тебе доверяет. Пойдем спать, Лаура?

Я посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Потом в сторону холла.

— Где ты был сейчас, Бен?

— Это уже похоже на серьезный супружеский разговор, — он хмыкнул. — Ну а если быть точным, минуя бюрократические проволочки и всю используя связи отчима, договаривался о получении нами вида на жительство. Завтра пойдем отмечаться.

Я вздохнула.

Поняла, что смысла стоять больше нет, тем более что адреналин из меня просочился куда-то в подпространство, и я стала тряпичной куклой.

В этой квартире было две спальни, у каждой своя ванная комната. В моей была душевая и джакузи, как выяснилось, когда я туда заглянула. Не особо задумываясь, вытряхнула себя из одежды и быстро приняла душ. Потом так же быстро нырнула под одеяло полностью обнаженная (почти вся моя одежда осталась в Рагране) и поняла, что сон снова не идет.

Адреналин ушел, но вместе с ним и с водой ушла и накопившаяся за напряженный день усталость. Поэтому когда Бен заглянул, чтобы пожелать мне доброй ночи, я приподнялась на локте и откинула край одеяла.

— Что ты делаешь, Лаура? — очень хрипло интересуется он.

— А на что это похоже?

— На то, что ты не в себе и собираешься поблагодарить меня единственным и самым доступным способом, который первым пришел к тебе в голову, — он подходит и садится рядом со мной на кровать.

— И это говорит мужчина, который всеми силами меня соблазнял? — Я почему-то чувствую себя как пьяная. Совершенно, безоговорочно пьяная. — Тот, который говорил, что я веду себя как маленькая девочка? Я не девочка, Бен. И больше не хочу играть в игры. Мне надоело жить прошлым и все время бегать, поэтому заткнись и поцелуй меня, если хочешь. А если не хочешь, просто уйди, и так мы все и оставим.

— Ты не просто маленькая девочка, ты еще и шантажистка, — сообщает он, а потом склоняется надо мной и целует.

Не представляю, как это получается, но с ним каждый поцелуй совершенно новый. Этот, например — раскрывающе-порочный, как если бы он трахал меня языком. Слово «трахал» всегда казалось мне слишком грубым, но сейчас уже не кажется, сейчас оно единственно верное, когда мы полностью обнажены и между нами халат, который я только что с него стянула, и оставшиеся несколько сантиметров покрывала на моих бедрах. По моему бедру Бен и скользит ладонью, и я вздрагиваю, когда его пальцы касаются меня между ног.

В этих порочно-острых прикосновениях я раскрываю какие-то совершенно новые грани себя: например, удовольствие, вспыхивающее под его пальцами, раскрывается и в раскаляющемся харргалахт, из-за которого грудь становится невыносимо чувствительной. Когда Бен оставляет в покое мой рот и стягивает губами сосок, в тугий и плотный комок напряженной плоти, я выгибаюсь на простынях, кончиками пальцев касаюсь напряженного мужского естества.

Он выдыхает ругательство (почему-то я в этом уверена), не выпуская мою грудь изо рта, и это ругательство отдается во всем теле новой волной возбуждения. Такой, по сравнению с которой шторма Зингсприда кажутся легкими ветерками.

Мое тело отзывается на него совершенно бесстыдным, неправильным образом, и я шире развожу

бедра, позволяя его пальцам скользить свободнее. От того, как прокатываются эти движения через все мое тело, перед глазами слегка темнеет. Только для того, чтобы снова раскрыться истинным пламенем, отражающимся в его глазах — пламенем харргалахт.

— Ты нереальная, — хрипло произносит он, а потом чуть прикусывает сосок.

Я вздрагиваю: не то от короткой острой боли, не то от его «нереальная», в котором «р-р-р-р» звучит как раскатистое рычание. Вместо ответа плотнее обхватываю его напряженное желание ладонью, глядя ему в глаза. С удовольствием отмечая, как зрачок вытягивается в вертикаль. Что-то внутри меня просто дуреет от этой звериной силы, отзывающейся во мне, в каждой клеточке тела.

— Трахни меня, — говорю я, не отпуская его взгляд. Подаюсь бедрами ниже и потираюсь о его пальцы, впитывая его заострившиеся черты и темнеющий перед тем как разгореться истинным огнем взгляд.

У меня перед глазами совсем другие черты — резкие, хищные, ледяное пламя во взгляде в упор.

Хорошие девочки так не делают.

Хорошие девочки влюбляются раз и навсегда, и в их сказках все до одури прекрасно и солнечно, даже если их мальчики наматывают их нервы на локоть и превращают их в ледяные нити. Бесконечно хрупкие, которые можно разбить легким щелчком. Когда-то я тоже была такой девочкой, и тоже верила в сказки, но жизнь — это не сказка.

Поэтому я сейчас раскрываюсь под ласками другого мужчины, поэтому тянусь к нему, чтобы окончательно уничтожить ее в себе. Ее — это ту девочку, которая верила в то, что любовь одна на всю жизнь, как у мамы с папой. Что любовь — это когда тебя оберегают, а не преследуют через страны и континенты.

Наверное, я просто слишком много хотела.

Тянусь губами к его губам, пытаюсь раствориться в этих чувственных ощущениях, когда Бен неожиданно резко отстраняется и снова выдыхает ругательство. На сей раз вполне отчетливое. Черты его лица становятся еще резче, а пламя вспыхивает ярче, но сейчас я не чувствую звериного отклика. Скорее, звериную ярость, и это слегка отрезвляет.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

— Что-то?! — Бен резко подается ко мне, а потом проводит ладонью по моей щеке. Я чувствую влагу, которую он стирает так же отчетливо, как его прикосновение там, внизу. Он, словно опомнившись, отдергивает руку. И снизу.

И от щеки.

— Все в порядке, это просто...

— От счастья, видимо, — вот теперь в его голосе звучит привычный сарказм. — Ты плачешь, Лаура! Ты, драконы тебя дери, рыдаешь подо мной в постели!

Он поднимается раньше, чем я успеваю сказать хотя бы слово.

Поднимается и выходит, за дверью что-то с грохотом падает, разбивается, я слышу скрежетание когтей, и в спальню влетает перепуганная Гринни, взмывает ко мне на постель и ползет под одеяло. Под то самое, которое я недавно откинула, да.

Мне бы рассмеяться или разреветься и прорыдаться уже по-настоящему, но я чувствую себя полностью пустой, выпитой досуха, вымороженной изнутри.

У нас с Беном ничего не получится.

У нас ничего не получится не из-за Льдинки, не потому что я беременна от другого, а потому что тот, другой, во мне настолько, как если бы нас намертво спаяли льдом, а вместо сосудов и нервов пустили корни, прорастающие из меня в него. Причем самые сильные — в районе сердца, растопить которые не сможет даже харргалахт с истинным пламенем.

Не знаю, получится ли у меня когда-нибудь с этим справиться, но пока у меня нет ни сил, ни желания об этом думать. Особенно о том, что для него нет никаких корней, и что на мое место легко поставить любую — Солливер Ригхарн или кого бы то ни было еще. Я отбрасываю эту мысль, плотнее заворачиваюсь в покрывало, стягивая его с виари.

— Только поверх, — сообщаю недовольной Гринни.

И закрываю глаза.

Глава 17

Раньше мне всегда казалось, что утром станет легче, потому что начнется новый день и все такое. Но утром, когда я просыпаюсь и вспоминаю, что произошло вчера, легче не становится, наоборот, хочется малодушно заползти под одеяло и сидеть там до окончания веков. Именно поэтому я вытряхиваю себя из постели, заставляю принять душ, одеваюсь в одежду, в которой вчера бежала из Раграна, и выхожу из спальни.

Гринни наблюдается на перилах: сидит, вцепившись в них когтями, и вылизывает переднюю лапу. Мне надо спуститься и найти Бена, но я ненадолго зависаю рядом с ней, чтобы отсрочить неизбежное. То есть наш разговор. Чешу ее за ухом и понимаю, что у меня закрываются глаза. Все-таки все эти бесконечные смены часовых поясов (у Раграна с Аронгарой всего лишь два часа разницы, но сейчас меня сносит даже это) — приводят к тому, что я чувствую себя сонной тураской. Крохотным зверьком, обитающим в пустошах Лархарры, в подземных пещерах, где они почти круглосуточно спят.

Я бы тоже не отказалась поспать сутки-другие, но не сегодня.

— Бен, — говорю я, когда захожу на кухню.

Там пахнет так одуряюще вкусно, что мой желудок просыпается почти мгновенно, но мне сейчас не до гастрономических изысков.

— Доброе утро, — он оборачивается.

Так, как будто вчера ничего не было. Просто «доброе утро».

— Нам надо поговорить. О том, что случилось.

— Не надо. Потому что ничего не случилось, — он отворачивается к сковороде, которая тут невесть откуда взялась.

Вообще его отчиму надо выписать особую благодарность за то, что нам не пришлось жить в гостинице, а потом еще мотаться и искать себе жилье по всему городу. Наверное, если бы пришлось, я села в уголок и тихо плакала. В любом случае, у нас крутая полностью обставленная квартира на предпоследнем этаже, а из окон видно побережье. Сейчас оно лазорево-синее, я замечаю это, мельком бросив взгляд через плечо Бена.

— Я прошу прощения, — говорю я. — За то, что...

— Если мне придется заткнуть твой рот рогаликом, я это сделаю, — он смотрит на меня в упор. — Что в моих словах, Лаура, тебе непонятно? Я не хочу об этом говорить.

— Как хочешь, — я пожимаю плечами, сажусь. — Где ты нашел рогалики?

Они и правда возвышаются горкой на столе, на большом блюде. Тянусь к самому верхнему — он со сливочным сыром, и там внутри что-то еще, похожее на джем.

— Эй, — Бен ставит передо мной тарелку и стряхивает на ее кусочки поджаренного бекона. — Завтрак еще не начался.

— А он у нас по расписанию? — Из вредности вгрызаюсь в рогалик, а после повторяю вопрос: — Так где ты их нашел?

К бекону присоединяется пенное суфле с кусочками перца и крупной солью. Только после этого Бен отвечает:

— В нашем доме внизу есть рагранская кофейня. Там продается много всего интересного.

Откуда-то сверху доносится «вж-у-у-ух!» — и Гринни влетает на кухню. Пикирует прямо на стол, но Бен выставляет руку, и ей приходится резко менять траекторию. Она обиженно вирчит и садится на пол.

— Будешь вести себя как помойная набла — усыплю.

Я уже привыкла к стилю его общения, поэтому пропускаю этот комментарий мимо ушей.

— Что будешь делать сегодня?

— Ты уже забыла? Нам нужно оформить вид на жительство, потом буду искать работу.

Про работу — это просто моя боль. По двум причинам.

Во-первых, потому что из-за меня он потерял работу второй раз, а во-вторых, потому что мне нужно тоже искать работу. Только сейчас я понимаю, что если пойду на собеседование, мне придется сказать о том, что я беременна. Это открытие меня оглушает, равно и как и следующее за ним. Здесь, в Аронгаре, нет клиники знакомой Бена, и я не смогу сделать УЗИ. Точнее, смогу, но в тайне это не останется.

В эту минуту я понимаю, что больше не хочу, чтобы это оставалось в тайне.

Больше не хочу прятаться, скрываться, бегать по странам и городам, в том числе от самой себя.

— Ты знаешь хорошую женскую клинику в Зингсприде? — спрашиваю, в упор глядя на Бена.

Он откладывает вилку и нож.

— Ты о чем, Лаура?

— О том, что я хочу пройти полноценное обследование, чтобы убедиться, что со мной и с ребенком все будет хорошо.

А если Торн Ландерстерг хочет войны, он ее получит.

Если он не оставит меня в покое, я всему миру расскажу правду, и, клянусь, ему это не понравится. Ему, а особенно — его реформе.

Бен внимательно на меня смотрит, так внимательно, что мне начинает казаться, что на мне осталось что-то от рогалика или сливочного сыра. Или что я случайно уронила на себя кусок пенного суфле, и когда я уже готова идти к зеркалу, он, наконец, произносит:

— Ты права. Надо этим озадачиться.

Это несколько неожиданно. Мне казалось, он будет меня отговаривать, потому что ситуация, в которой мы оказались... назовем ее нестандартная. Чтобы не преувеличивать.

— Я узнаю у знакомых, — говорит он. — Спрошу про специалистов.

— Не надо, — неожиданно говорю я.

— Не надо?

— Ты и так слишком много для меня сделал. Я вполне способна пройти обследование самостоятельно у врачей, которых найду. Одно дело, если бы у тебя были знакомые, и совсем другое — снова из-за меня напрягаться.

— Тебе не приходило в голову, что мне приятно из-за тебя напрягаться?

— Приходило, но у нас не те отношения. Точнее, у нас их нет. Как бы я ни старалась, надо смотреть правде в глаза, Бен. Я думаю, что тебе лучше снять харргалахт, а мне стоит найти отдельную квартиру.

Теперь над столом повисает долгая пауза.

— Огонь первенца Ландерстерга — не то, что стоит запирать в отдельной квартире, Лаура.

— Возможно. Но я не хочу больше тебя использовать.

— А ты меня использовала? — Он смотрит в упор.

— Нет. Не совсем так. Я просто не могу ничего тебе дать в ответ. А то, что могу... оно даже мне кажется... — Я пытаюсь подобрать слова, и понимаю, что не могу. Еще вчера я приглашала его в свою постель, а сейчас чувствую, как пытаюсь ему сказать, что между нами ничего не может быть. Не в ближайшее время. С наибольшей вероятностью, никогда.

— Хорошо, — говорит он. — Я сниму харргалахт. Помолвка отменяется. Что касается квартиры, здесь у тебя есть своя комната, на которую я посягать не стану. Но я не хотел бы оставлять тебя одну, по крайней мере, пока не посмотрю на заключение врачей и на результаты УЗИ.

Я киваю и сглатываю ком в горле. Какими могли бы быть наши отношения после той встречи на катке? Если бы в этом уравнении не было Торна, с наибольшей вероятностью я бы действительно могла в него влюбиться. Возможно, и не только влюбиться, но этой реальности уже не существует, а в настоящем все так, как есть. Поэтому я киваю и говорю:

— И я хочу платить половину арендной платы.

— Как только устроишься на работу — на здоровье.

Больше мы не говорим. Завтрак проходит в молчании, в таком же молчании мы едем оформлять вид на жительство. Харргалахт жжет кожу, но я почему-то не сомневаюсь, что он его снимет, иначе бы не обещал. Пока что я смутно представляю себе, как все будет дальше, знаю только одно: я больше не стану бегать и скрываться. Я найду работу, найду возможность воспитывать Льдинку самостоятельно, и буду думать о том, как сделать свое шоу.

А все остальное... все остальное не так уж и важно, наверное.

Главное сейчас понимать, что с моей малышкой все хорошо.

Поэтому пока мы сидим в очереди (очередь, очевидно, есть даже для тех, кто приходит по рекомендациям), я монитору клиники Зингсприда и подсчитываю свой бюджет. У меня есть страховка Ферверна, которая здесь не работает, поэтому пойду я на платной основе даже в обычную клинику. Впрочем, сейчас мне как-то без разницы, куда идти, я в основном изучаю специалистов и отзывы, ориентируюсь не только на последние, но и на внутренние ощущения, когда читаю про врачей и смотрю их фото.

Нахожу — и нас вызывают в кабинет.

Все необходимые процедуры: сканирование радужки, стандартные вопросы о планах и прочая, прочая, прочая для меня кажутся бесконечными. Когда мы, наконец, выходим в коридор (уже с другой стороны) и идем к лифтам, облегченно вздыхаю. Снова достаю смартфон, чтобы записаться к женщине, которая мне понравилась, и мне выдает ближайшую запись через полтора месяца.

— У хороших специалистов всегда так, — говорит Бен.

Я перевожу на него взгляд.

Смотрю и вспоминаю, как искала о нем информацию и увидела очередь на плановые операции на несколько месяцев вперед.

— Ты должен меня ненавидеть.

— Я бы с удовольствием, девочка с коньками.

Этот разговор все равно ни к чему не ведет, поэтому тему я не развиваю. Мы возвращаемся в арендованный флайс, поднимаемся в воздух. Я снова смотрю врачей, но мне никто другой не нравится, поэтому я делаю запись к той женщине с пометкой «в случае возникновения возможности согласна на более ранний визит в любое время», а когда поднимаю голову, вижу, что мы опускаемся на парковку перед торговым центром.

Он напоминает планету, а парковка — бесчисленные кольца вокруг нее.

— Ты хочешь что-то купить? — спрашиваю я.

— Да так, по мелочи.

— Я могу посидеть в машине?

— Как хочешь.

Он уходит, а я бездумно листаю страницы в соцсети, когда меня выкидывает на пост Аронгарской информационной сети: «Звездная пара Гроу-Ладэ проведет ближайшие выходные в Зингсприде».

Пока я пытаюсь справиться с мыслью, что Джерман Гроу в том же городе, что и я (на самом деле, он в городе, где еще миллионы людей, но ведь я так хотела... точнее, думала о том, что могло бы быть, согласись он поставить для меня шоу), возвращается Бен. В руках у него два пакета, не сказать, что больших, которые он швыряет на заднее сиденье флайса.

Потом переводит взгляд на меня.

— Ого, — говорит. — Что ты там увидела?

— Вот, — я показываю ему запись.

— Джерман Гроу и Танни Ладэ?

— Я думала о том, чтобы предложить ему принять участие... то есть поставить мое шоу. Помнишь, я

показывала тебе бизнес-план?

— Драконы, Лаура. Разумеется, помню. Это было вчера.

А по ощущениям, год назад. Или два. Или все три разом, у меня такое чувство, что каждый день растягивается во времени, и я становлюсь старше куда больше, чем на одни крохотные сутки.

Бен садится. Заводит флайс, но больше не говорит ни слова. Это, в общем-то, его право — с чего ему говорить со мной о моем шоу, и тем более о том, кого я хочу в нем видеть, но все равно немного обидно. Просто потому, что мне хочется об этом поговорить. Нет, я вру. Мне хочется поговорить именно с ним, но сегодня утром именно я, а не он поставила точку в наших с ним отношениях, поэтому я молчу.

Пытаюсь понять, как попасть к Джерману Гроу. То есть как с ним встретиться.

Поэтому замечаю, что город, в основном, остается за нами, только когда впереди начинает маячить побережье. Раскаленная солнцем линия океана, над которой серебрится напоминающая тонкую паутину стена защиты.

Только сейчас вспоминаю, что в Аронгаре отключены щиты. Все щиты, кроме водных, но у них немного другое действие. Они не воздействуют на драконов, заставляя испытывать боль, они просто как силовая преграда.

— Никогда не видела водных драконов, — говорю я.

— Странно было бы, если бы ты их видела. В Ферверне это означает верную смерть.

Судя по настрою, общаться Бен не намерен, но куда мы вообще летим?

— Мне казалось, квартира в другой стороне.

— Квартира, может, и в другой, а побережье прямо по курсу.

— Вот прямо сейчас мне все стало понятно.

— Я тебе обещал отдых, — говорит Бен, кивает на заднее сиденье. — Там купальник и крем. Будешь валяться в шезлонге и ни о чем не думать.

— Позабочусь о вас, не спросив вашего мнения, — хмыкаю я.

— Да о тебе хоть заботься, хоть не заботься, — в тон мне отвечает он.

— Я об этом не просила.

— Ты никогда ни о чем не просишь. Такая удобная позиция.

— Разворачивай флайс, или я натяну верх от купальника тебе на голову.

— И будешь гулять без верха? Чудесная альтернатива, я согласен.

Бен из тех мужчин, которых регулярно хочется треснуть. Не просто треснуть — огреть чем-нибудь тяжелым, а сверху еще полить ледяной водой, но когда он такой, я как-то спокойнее себя чувствую. Чем когда он милый, носит рогалики, и вызывает у меня желание треснуть себя за то, что я собираюсь провести между нами черту.

Поскольку разворачивать флайс он не собирается, я думаю о том, что заслужила выходной. И поскольку я его действительно об этом не просила, отговаривать тоже не стану.

Флайс садится на парковку отеля «Шеррамел Стар», без преувеличения, огромную. Мне даже сложно сказать, сколько тут рядов и парковочных мест. Охлаждающий купол смыкается над нами, как гигантский мыльный пузырь, а я думаю о том, что в бюджет надо вписать хотя бы одно летнее платье. Потому что ходить в джинсах и самой легкой блузке, которая у меня есть не вариант от слова совсем.

В Зингсприде очень жарко.

Нет, не так.

В Зингсприде невероятно жарко, у меня даже корни волос потеют.

К счастью, не здесь. Здесь, пока мы идем от парковки к холлу, даже слегка прохладно. Холл огромный, сеть отелей «Шеррамел Стар» не зря считается люксовой во всем мире. Перед глазами вытягиваются колонны высотой в четыре огромных этажа, сверкает россыпью камней огромная

люстра, на стенах — оживающие панорамы побережья Зингсприда. Неизменный логотип — диадема, на который спит дракон, и на бедже встречающей нас за стойкой администратора, и на визитках. На бумажных визитках.

Такое себе в нашем мире позволяют немногие, это элемент роскоши. Ингрид была бы в восторге.

При мысли об Ингрид мне сразу хочется развернуться и идти в сторону выхода, но я просто запрещаю себе о ней думать. Если вчерашний день кажется невыносимо далеким, то Ингрид вообще осталась в прошлой жизни. Вот там пусть дальше и остается. Вместе с Торном и остальными.

— У нас бронь ВИП-зоны для отдыха на имя местра Эстфардхара.

Бен протянул свои документы, я свои. Администратор в белой блузе и кремовом жакете ослепительно нам улыбнулась.

— Разумеется, местр Эстфардхар. Для вас уже все готово, вас проводят. Браслеты нужно иметь при себе все время, пока вы будете на территории «Шеррамел стар». Дополнительно ничего оплачивать не нужно, у вас включено любое меню и любые напитки, то же самое касается развлечений.

Спортивного интереса ради, пока нам выдают браслеты, лезу посмотреть, сколько стоит день в Зингспридском «Шеррамел стар», когда у тебя все включено. Вижу цену, и у меня просто глаза лезут на лоб.

Глава 18

Я открываю рот, но тут же его закрываю. Во-первых, не при посторонних, потому что нас по роскошным коридорам отеля провожает мужчина в форменном костюме, а во-вторых, Бен уже взрослый мальчик, и сам знает, на что ему тратить свои деньги. Или на кого.

О деньгах, я, к слову, в самом скором времени забываю, потому что мы выходим в ту самую ВИП-зону отдыха. Это действительно ВИП-зона, без преувеличения. Во-первых, здесь отдельная территория, свой пляж для нас двоих. Во-вторых, шатер, в котором можно отдохнуть. Отдельные кабинки, где можно переодеться и принять душ или посидеть в джакузи, туалетная комната. Шезлонги, в которых можно загорать. Свой бассейн, дракона твоего задери.

Именно так я и думаю, глядя на бирюзовую воду, по которой идет легкая рябь от слабого ветра. Чуть поодаль находится бар на две ВИП-зоны, то есть обслуживают в нем нас, и тех, кто отдыхает с другой стороны. Планшет, где можно заказать напитки или еду, вмонтирован в столик между шезлонгами и в шатре для отдыха он тоже есть.

А вдалеке переливается солнечными бликами теплый океан. Легкие волны набегают на белоснежный песок, и тут же отступают: это все действительно выглядит как сказка. Как моя ожившая сказка, в которую Торн совершенно точно не вписывается. Почему-то мне легко представить его на берегу нашего ледяного побережья, но не здесь. Он выламывается из этой картины и осыпается осколками, как я ни стараюсь.

Пока я стою с пакетом в руках и пялюсь на все это великолепие, из раздевалки (если так можно назвать комнату размером с хороший зал для фитнеса) выходит Бен с полотенцем, перекинутым через руку. Это оказывается для меня слишком, потому что его фигура — как с обложки журнала. Все это великолепие я в теории уже имела возможность оценить (а если вспомнить вчерашний вечер, и на практике тоже), но сейчас мне стоит немалых усилий не пялиться уже на него.

На смуглые широкие плечи и грудь, на торс и на плавки.

Точнее, не думать о том, что то, что там под ними я вчера держала в руках.

От этих мыслей начинает кружиться голова.

— Пока ты оцениваешь свои потери, девочка с коньками, я, пожалуй, сплаваю, — сообщает он и идет мимо меня.

Спасибо, Бен!

Мне разом перестает хотеться на него пялиться, а следом я вспоминаю, что нахожусь на берегу океана. В Зингсприде. В «Шеррамел Стар»!

Это то, о чем я мечтала столько лет... И сейчас эта мечта у меня перед глазами, а я стою и пялюсь на мужчину, у которого все в порядке с самооценкой! К слову, терзания совести в этот момент меня окончательно оставляют, и я иду переодеваться. Здесь во встроенном шкафу бесчисленные вешалки (судя по всему, для тех, кто собирается десять раз переодеваться на пляже), вмонтированный в стену сейф, хотя никому и в голову не придет что-то прятать в «Шеррамел Стар». Или это мне не придет?

Я быстро избавляюсь от плотных джинсовых брюк и блузки, снимаю белье.

Купальник оказался от «Маррахью Файнтер», ценник был предусмотрительно скрыт. То есть выключен: у брендов сейчас все ценники электронные, вмонтированы в прикрепленные кучу бирочек. Стоимость этого купальника я могла представить себе без помощи сети. И верха, и низа, и легкой туники к нему соответственно. Белоснежной, с открытой спиной, на которой выделялась только огненная бахрома цвета истинного пламени. Купальник был открытый дальше некуда, черный с золотыми узорами.

Пару минут я смотрю на все это безобразие, хотя точнее будет сказать, великолепие, потом отстегиваю все бирки, одеваюсь, набрасываю тунику и выхожу.

Благо, солнце здесь не ярче, чем в снегах Ферверна, и мои солнцезащитные очки отлично справляются. Я оставляю их на шезлонге вместе с туникой и иду к океану, Бен маячит где-то на уровне ограничительной цепочки. Теплая вода касается пальцев, вызывая какой-то совсем невероятный восторг. Я шагаю вперед. Еще вперед, а потом быстро захожу, потому что волна пытается вытолкнуть меня на берег. Погружаюсь в теплую воду, позволяя ей обтекать меня со всех сторон, и плыву.

Драконы, я даже не представляла, каково это!

Вокруг рассыпается бликами солнце, вода подхватывает меня, и я переворачиваюсь на спину. Зажмуриваюсь от яркого света и счастья, и вдруг чувствую тоненькую пульсацию внутри. Это как ответ на мое счастье, и мне сейчас невыносимо хочется смеяться.

— Привет, Лыдинка. — Океанская вода позволяет мне положить руки на живот, по-прежнему лежа на спине. — Тебе тоже нравится плавать? Я тебя научу, обещаю.

Пульсация становится чуть сильнее, ударяет в пальцы тоненькими иголочками холода.

Если мы сейчас с ней так общаемся, то что же будет через два месяца? Через три? На последних сроках беременности? Мы качаемся на волнах вместе, и это странное чувство, как будто я сама еще не родилась. Особенно если закрыть глаза и представить, что вот это обтекающее тебя тепло — бесконечная безопасность. Мне так уютно, что даже не хочется разворачиваться и куда-то плыть, ни обратно к берегу, ни дальше.

— Да дракона ж твоего налево, Вэйд! Я кому говорил, не заплывать далеко?!

От этого более чем резкого голоса я подпрыгиваю прямо на воде, погружаюсь с головой, изрядно наглотавшись соленой водички. Ладно, она полезная, но когда я выныриваю на поверхность (вся такая прекрасная, волосы на лице), то сквозь мокрые пряди вижу на некотором расстоянии от себя Джермана Гроу.

Передо мной Джерман Гроу. Это как, скажем, увидеть... Джермана Гроу. Ничего другого я придумать не могу, но к счастью, он в мою сторону даже не смотрит. Вылавливает из океана ребенка, то есть своего сына. У них с женой сын, я об этом тоже где-то слышала. Ну если не сказать видела, потому что в фильме, который я смотрела, было очень много про них, и там у главной героини был сын. И у них тоже сын.

Вся эта связка крутится у меня в голове, пока ребенок возвращается чуть ли не от ограничительной цепочки, причем с такой скоростью, что ему может позавидовать профессиональный пловец. На меня тоже не смотрит, только на отца — весьма виновато, и говорит:

— Пап, я всего один раз.

— На берег!

После этой команды, когда мальчик наконец выходит из океана, на меня оглядываются. Окидывают ровно тем взглядом, которым можно было бы посмотреть на шезлонг, и направляется следом за сыном. Его жены нигде не видно, а я делаю глубокий вдох и ухожу под воду. Под водой безопаснее как-то, можно просто сидеть и пускать пузыри, и не думать об этом вот всем.

Впрочем, под водой я сижу ровно до той минуты, когда что-то касается моей ноги. Я с визгом выныриваю, кашляю и обнаруживаю напротив себя Бена, который смотрит на меня в упор. Слишком близко. Я смотрю на капельки воды, которые блестят у него на плечах, мне надо думать про Джермана Гроу, а я думаю про капельки.

— Ну и? — говорит он.

— Что?

— Собираешься ты ему презентовать свой проект, или так и будешь изображать самку водного дракона?

— Ну ты же изображаешь самца набла, — хмыкаю я, а потом замираю, глядя на него. — Стой. Погоди. Ты что... знал? Но... как?!

— Скажем так, я быстро ориентируюсь в информации, которую получаю.

— Погоди, но я тебе даже не говорила... Точнее, говорила, но уже здесь, в Зингсприде.

— Значит, мы просто мыслим в одном направлении. Когда ты мне показала свой бизнес-план, я сразу понял, что ему нужно имя. Помимо твоего, разумеется. Джерман Гроу просто удачно подвернулся со своими выходными в Зингсприде.

— Бен, мы вчера бежали из Раграна.

— Как я уже сказал, я быстро соображаю. Когда я говорил, что твой проект классный, я говорил это не просто так. Теперь все в твоих руках, Лаура.

До берега тут считанные метры, Бен преодолевает их в два броска, и я следую за ним. Не так

быстро, но по дорожке, проложенной на раскаленном песке, преодолеть расстояние до него гораздо проще.

— Как ты это видишь? — спрашиваю я. — Я в купальнике!

— А туника тебе зачем?

— Он здесь на отдыхе!

— Не думаю, что кто-то откажется от уникального проекта только потому, что он сейчас на отдыхе. Кроме того, вряд ли вы сразу побежите его воплощать. Это все не за один день делается.

Он говорит так, что я действительно начинаю верить в то, что это возможно. Больше того, возможно здесь и сейчас — мне просто нужно дождаться, пока Джерман Гроу сядет за барную стойку, сесть с другой стороны и рассказать о том, что я хочу сделать. Правда, когда я об этом думаю, у меня волосы начинают шевелиться на голове. Не только на голове, на всех местах разом, и становится нечем дышать.

Это же Джерман Гроу!

А Бен просто предлагает мне пойти к нему, и...

И.

Бен, к слову, устраивается на шезлонге.

— Тебе взять какой-нибудь коктейль?

Что-нибудь покрепче, хочется сказать мне, но я вспоминаю, что у меня Льдинка. Поэтому сейчас я понимаю, что он говорит про безалкогольный, и киваю. Мне для смелости, точнее, для того, чтобы выиграть время и подготовиться, сойдет любой. Поэтому я устраиваюсь в шезлонге, надеваю очки. Пью фруктовый коктейль со сливочной пенкой и смотрю на воду.

Что мне ему сказать?

Привет, я Лаура Хэдфенгер, и у меня есть крутая идея. Не могли бы вы стать ее постановщиком?

Да к нему по сто раз на дню с такими предложениями ломаются. Хорошо если по сто, а не по тысяче, и потом, я больше не Лаура Хэдфенгер. Я — Лаура Фил, и пусть так и будет. Мне надо запомнить это имя, научиться им представляться. Лаура Хэдфенгер осталась в прошлом, Лаура Хэдфенгер любила Торна Ландерстерга, Лаура Фил... мне кажется, я только еще начинаю ее узнавать. Только-только начинаю понимать, на что способна эта женщина, и что она может.

Лаура Фил точно не будет бояться и прятать голову в песок.

И уж совершенно точно она не откажется от своей мечты из-за глупых сомнений и страхов. Да, Джерман Гроу сейчас легенда с мировым именем, но когда-то он тоже начинал. Когда-то, возможно, он точно так же искал возможности реализации своего таланта.

Я глубоко вздыхаю и ставлю коктейль на столик.

— Решилась? — интересуется Бен.

Он повернулся на живот, и его спина сейчас кажется еще более смуглой, чем когда мы были в воде.

— Мне казалось, ты спишь.

— Тебе казалось.

— Да, я хочу подождать, пока он подойдет к бару.

— На твоём месте я бы не стал ждать.

— И что ты предлагаешь?

— Обойти бар и заглянуть к ним в гости.

— Это ужасно!

— Всяко лучше, чем дожидаться, пока они уйдут в номер.

В этот момент я понимаю, что да. Зайти к ним в ВИП-зону на побережье — это один момент, а бегать за ними по всему «Шеррамел-стар»... ну, это как минимум напоминает преследование.

— Расческа... — говорю я.

Вспоминаю, что она есть в нашей раздевалке, бегу туда.

Предметы индивидуальной гигиены, все аккуратно запакованные, разложены на полочках. Я хватаю расческу, роняю ее на ногу, наклоняюсь. Распечатываю, продираю спутавшиеся от ветра и соли волосы, смотрю на себя в зеркало абсолютно безумными глазами.

— Давай! — говорю себе. — Это твой шанс доказать, что ты что-то можешь сама.

Отражение испуганно моргает.

— Пошла! — повторяю резко. — Вдох-выдох. И пошла!

Вдох-выдох получается сдавленным, приходится повторить. Но дольше я не задерживаюсь, выхожу из раздевалки, подхватываю висящую на спинке шезлонга тунику. Дрожащими пальцами стягиваю тесемки.

— Удачи, девочка с коньками, — говорит Бен.

— Спасибо, мальчик с лыжами.

Он приподнимается, но я уже отворачиваюсь. Иду в сторону чужой ВИП-зоны, чувствуя, как меня начинает потряхивать. Знаю, что надо успокоиться, хотя бы ради Льдинки, но меня трясет, и так трясет, что даже руки холодеют. Да, может Джерман Гроу и начинал когда-то с нуля, но сейчас он — легенда, и сама мысль об этом заставляет мой желудок прижиматься к спине и размазываться по нему блинчиком.

Еще раз глубоко приходится вздохнуть, когда я огибаю бар.

Ноги становятся тяжелыми и начинают прилипать к охлаждающему настилу, как если бы я шла по песку. К счастью, Джерман Гроу не лежит в шезлонге и не спит, он стоит спиной к океану, в рубашке и плавках, и с кем-то говорит по телефону. Рубашка и плавки, конечно, не для деловых переговоров, с другой стороны — с кем-то же он говорит, и чисто теоретически Бен прав. Такие, как Джерман Гроу вряд ли отдыхают... в смысле, отдыхают так, чтобы с выключенными телефонами и полностью выключенными из творчества. Его жены и сына нигде не видно — спасибо всем драконам мира, иначе я бы просто убежала обратно, но сейчас, когда он завершает разговор, я решительно шагаю к нему.

И понимаю, что не знаю, как его назвать.

Ферн Гранхарсен?

Местр Гроу?

Это оказывается как удар под дых, и на меня очень не вовремя находит ступор. Потому что Джерман Гроу оборачивается и интересуется:

— Потерялись?

Сейчас самое время из ступора выпасть.

— Вовсе нет, — отвечаю я. — Я целенаправленно шла именно к вам. Я узнала вас там, в океане, и...

— Да чтоб тебя, — говорит Гроу и снова смотрит на дисплей смартфона.

— Простите? — интересуюсь я. — Вас не смущает то, что я здесь, и что я с вами разговариваю?

— Именно это меня и смущает, — заявляет он. — Смущает настолько, что я сейчас готов звонить в службу безопасности «Шеррамел Стар», чтобы узнать, с какой радости меня преследуют на моей ВИП-территории.

— Я вас не преследую. Я просто хотела...

— Дорогуша, меня совершенно не трогает, что ты там хотела. У тебя есть пара минут, чтобы найти дорогу туда, откуда пришла.

Я открываю рот. Потом его закрываю.

Честно говоря, меня уже так достали эти вконец очешуевшие драконы с чувством глубокой собственной ценности, что я готова просто развернуться и уйти. Но «развернуться и уйти» будет слишком просто, поэтому я подхожу ближе и снимаю очки.

— Знаешь, — говорю ему, возвращая его взгляд сверху вниз. — Ты только что потерял самый лучший контракт в своей жизни, который мог поднять тебя на новую высоту. Буквально.

Развернуться и уйти я не успеваю, потому что Гроу прищуривается.

— А я тебя знаю, — говорит он. — Ты та чокнутая.

Моя челюсть явно нуждается в сторонней поддержке, но поддержать ее некому.

— Которая бросила этого двинутого на голову Ландерстерга, — добавляет он, хотя мог бы не добавлять.

И тут происходит то, чего я точно не ожидала.

Точнее, если бы я этого ожидала, я бы сейчас сидела в раздевалке, в уголке, и шелестела оберткой от расчески.

Я влепляю Джерману Гроу пощечину, разворачиваюсь и ухожу.

Судя по ощущениям, в глубоком трансе. Глубже, наверное, уходили только шаманы Пустынных земель, перед тем как призвать дракона и начать вливать себе его кровь. Автопилот работает отлично, поэтому я возвращаюсь к шезлонгу, падаю на него прямо в тунике и смотрю на небо.

— Как дела? — интересуется Бен.

— Жопа.

— Большая?

— Драконья. Я дала ему пощечину.

— А? — Бен приподнимается на локте и выразительно смотрит на меня. Точнее, я предполагаю, что выразительно, потому что на него не смотрю, только чувствую его взгляд.

— Я. Дала. Ему. Пощечину, — повторяю по словам. — На его ВИП-территории. Так что чисто теоретически он может подать на меня в суд.

— Чисто теоретически я бы так и сделал, — раздается надо мной голос.

Я подпрыгиваю на шезлонге, а Бен просто садится. Совершенно не глядя в его сторону, Гроу присаживается на корточки и говорит:

— Но поскольку у нас уже было двойное взаимное вторжение на частную территорию со взаимным обменом комплиментами, я готов оставить все в прошлом. Значит, Лаура Хэдфенгер.

— Лаура Фил, — поправляю я.

— Да без разницы. У тебя есть еще пара минут, Лаура Фил, чтобы меня заинтересовать. Будь на твоём месте любая другая, я просто прошел бы мимо, но у психов обычно самые интересные идеи.

— Это ты по себе знаешь? — хмыкает Бен, садится на шезлонге и протягивает ему руку. На уровне лица Гроу — так, что не заметить его просто невозможно. — Бенгарн Эстфардхар. И если ты еще раз назовешь мою будущую жену психом, я зарою тебя физиономией в песок.

Это определенно самые странные деловые переговоры, которые можно себе представить, тем не менее Гроу пожимает руку Бена.

— Джерман Гроу, — после чего снова поворачивается ко мне. — Итак, две минуты.

— Я хочу сделать аэрошоу, — говорю я. — Аналогов которого в мире сейчас нет. Основная идея заключается в том, что все действие происходит в воздухе, на высоте. Это будет не просто набор номеров, а сюжетное представление, как театр или опера, только полностью в парении. Актеры не будут касаться пола ни на мгновение. Разве что каких-то конструкций, напоминающих скалы, или чего-то в том же ключе. Как бы там ни было, основная суть — именно в полете.

— О'кей. И что ты хочешь этим показать?

— То есть?

— То есть у любого действия должен быть концепт. Идея. Стержень, на котором все держится, иначе идея развалится, не начавшись. Какая основная идея твоего аэрошоу?

Ответ приходит раньше, чем я успеваю его осознать:

— Люди гораздо ближе к драконам, чем кажется. Я хочу показать, что полет доступен всем. Всем без исключения.

— Ладно, это способно взлететь. — Гроу резко поднялся. — Сценарий у тебя есть? Этапы реализации?

— У меня есть бизнес-план.

— А сценарий?

— Сценария пока нет.

— Нет?!

— Лаура собиралась сама его писать, — произнес Бен.

Я моргнула.

— Хочет закончить до лета.

Я его правда убью.

— Чудесно. В таком случае мне нужно вместе с бизнес-планом увидеть сценарий, и если меня все устроит, встретимся еще раз, обсудим условия и будем работать. Рад был знакомству, Лаура Фил. Эстфардхар.

Гроу вытащил из кармана рубашки визитку — нормальную такую, бумажную визитку, как у «Шеррамел Стар», и вручил мне.

— До связи.

Я смотрела, как он идет по дорожкам, потом по линии прибоа, потом скрывается на своей территории, и только после этого повернулась к Бену.

— Сценарий?! Seriously?!

— Никто лучше тебя его не напишет. — Он явно не понимал, что сделал, потому что завалился обратно на шезлонг, закинул руки за голову.

— Я не умею писать сценарии!

— Я тоже не умею кататься на коньках. Зингсприд — просто океан возможностей для творческих людей. Зажмурься, плюнь — и обязательно попадешь в какие-нибудь курсы сценарного мастерства.

— Это сценарий для Джермана Гроу! Ты думаешь, я смогу создать его после курсов?!

— Вообще-то я думаю, что даже курсы необязательны, но все-таки их стоит пройти, чтобы потом сценарий не пришлось подгонять под сценарный вид. Это не столько деньги, сколько время.

Я покачала головой.

— Ты сошел с ума!

— Ты только что говорила с Джерманом Гроу, и он согласился встретиться с тобой второй раз. Все еще считаешь, что ты чего-то не можешь?

Бен задержал на мне внимательный, очень пристальный взгляд, а потом закрыл глаза.

— Да я... я даже не представляю, о чем писать!

— Напиши о себе.

Глава 19

«Напиши о себе».

— Это ты сейчас так пошутил? — спрашиваю я. — Что я могу написать о себе?

— А что, о тебе совсем нечего написать?

— О том, как я разбила коленку в школе?

— Или о том, как ты бросила вызов правящему Ферверна.

Бен по-прежнему с закрытыми глазами, и это существенно усложняет наш разговор. Хотя я не уверена, что его усложнили закрытые глаза, а не его последняя фраза.

— Я не бросала ему вызов, — говорю я.

— Да ну? — Глаза он все-таки открывает. — Ты не бросала ему вызов, когда откровенно при всех расторгла вашу помолвку? Или когда уехала со мной в Аронгару и согласилась на мой харргалахт, будучи беременной от него?

Я поднимаюсь.

— Знаешь, если ты хотел испортить нам отдых...

— Вообще-то я хотел, — Бен садится на шезлонг, — чтобы ты поняла, кто ты такая на самом деле, Лаура. Ни одна из известных мне женщин — а впрочем, я понимаю, что и небезызвестных тоже, не решилась бы на то, что сделала ты. Не решилась бы открыто заявить о том, что не готова выходить за первую физиономию Ферверна, не решилась бы бороться за ребенка, который, по сути, прямой наследник сильнейшей линии власти. Не знаю, откуда это в тебе, но все, что ты делаешь, ты делаешь, не оценивая силы, которая в тебе скрыта. Ты даже не представляешь, какой внутри тебя стержень, хотя подсознательно отказываешься от того, что тебя не устраивает. Тебя не устраивает быть рядом с Ландерстергом — ты уходишь. Ты не готова отказаться от своего ребенка — ты убегаешь, хотя рушится все, на что ты рассчитывала. Это твое аэрошоу... я даже не знаю, крупинки по сравнению с тем, что я озвучил, но я даже не представляю, на что ты способна еще. После того, как ты дала Гроу по физиономии.

— Я была в стрессе!

— В стрессе просыпается истинная, глубинная суть. За что ты ему врезала, кстати?

— Он назвал меня чокнутой.

А Торна — двинутым на голову. Осознание этого просыпается во мне раньше, чем я понимаю, что врезала именно за это. Мысль совершенно некстати, но Бен обещал за меня окунуть физиономией в песок, а я...

— Напомни больше никогда не называть тебя девочкой с коньками.

— Называй, — хмыкаю я и возвращаюсь в шезлонг.

Мне нужно переварить все, что на меня свалилось, и поскольку мысли о Торне перевариваться отказываются, я думаю о себе. Возможно, написать сценарий о моей жизни не такая уж плохая идея. Тем более что когда снимали фильм про Джермана Гроу и его жену, в нем было бесчисленное множество допущений и художественного вымысла. А если еще перенести действие в древность, в Северные земли... Идея меня увлекает настолько, что я ненадолго выпадаю в альтернативную реальность, где моя история уже перестает быть моей. Это история совершенно другой девушки, которая родилась много столетий назад, в богатой семье.

У нее была счастливая жизнь, пока однажды правитель Северных земель не захотел сделать ее своей. Идея раскручивается сама собой, я даже не представляла, что это может быть так, и, когда Бен приглашает меня на обед, я не сразу возвращаюсь в реальность.

Отдых в «Шеррамел Стар» для меня не сказать, чтобы что-то новое — в окружении отца всегда был сервис, скорее, хорошо забытое старое. То забытое, когда не нужно думать, на что потратить деньги, а на что отложить, куда на неделе пойдет эта сотня, и как тогда придется прижаться на следующей.

— Я могу платить за еду, — говорю я. — Ну или вместе можем покупать продукты, или вообще их

разделить.

Бен закатывает глаза.

— Я знаю, что ты говорил, — тоже возвращаю его в реальность. — Но теперь, когда мы не вместе...

— Мне что, договор составить, что ты мне ничего не должна? — ухмыляется он. — Ни натурой, ни деньгами. Никак.

— Ты наблова задница.

— Сомневаюсь, что наблова задница стала бы так с тобой носиться.

— И то верно, — соглашаюсь, пробуя десерт. Внутри у него замороженный крем и литтоновые ягоды, и он просто тает на языке. — Давай договоримся так: когда шоу будет запущено, и у меня пойдет доход, я тебе все отдам.

— Давай договоримся так: когда шоу будет запущено, мы вернемся к этому вопросу. Возможно, я захочу проценты.

С Беном сложно понять, когда он говорит серьезно, а когда смеется, но сейчас это что-то среднее. Я понимаю, что процент от бизнеса — учитывая все, что он для меня сделал, это выход. В том числе и для меня, так я не буду чувствовать себя обязанной. В конце концов, он мужчина, а у них на это вообще нюх. Рассматривать его как инвестора мне гораздо проще, чем как... просто друга, который помогает мнedenьгами.

Друга.

Я мыслями возвращаюсь к Рин.

Понимаю, что Рин вообще ничего обо мне не знает. Ни о том, что я беременна, ни о том, что в Аронгаре. Даже о том, что я собиралась замуж за Бена.

Драконы, она меня убьет.

Она убьет, а Даргел поможет вывезти меня в пустошь и прикопать в ближайшей пещере, потому что близкие люди так не поступают. Но я не представляю, что могу сказать ей и брату — мне пришлось бежать в Аронгару, потому что Торн хотел заставить меня сдать анализы?

В Ферверне он имеет полное право на своего ребенка. В Рагране тоже. В Аронгаре...

— Бен, расскажи, как работают законы в Аронгаре? — спрашиваю я. — По моему вопросу?

— Скажем так, в Аронгаре тебя никто не заставит сдавать анализы помимо твоей воли.

— Даже если у меня была связь с правящим иртханом?

— Да хоть с первым драконом. Так было не всегда, этот законопроект рассматривали пять лет...

— Ого!

— Но все-таки приняли. Он защищает преимущественно женщин, но и мужчин тоже. Если, скажем, у обычного человека был роман с иртханессой, впоследствии он тоже имеет право на ребенка. Но до рождения ребенка никто не вправе диктовать тебе, что делать. Иртханесс, к слову, это тоже защищает — в случае романа, который родителям не понравился, они не имеют права заставить ее отдать этого ребенка, скрывать, прятать и так далее.

— То есть...

— То есть когда твой ребенок родится, Торн будет иметь на него право. Но не так, как в Ферверне: пришел и забрал, поскольку это первенец правящего. Это все решается цивилизованным методом, через суд. Рассматриваются все обстоятельства, в том числе, насколько у тебя хватает сил и ресурсов на воспитание иртханенка.

Мне нужно это шоу.

— В том числе на то, чтобы справиться с его пламенем.

Я глубоко вздыхаю. Потому что в этот момент понимаю серьезно, как никогда. Если я хочу воспитывать Лыдинку сама, мне придется выйти замуж за Бена.

Этот момент мы уже проходили. Значит, остается искать другой вариант. Не в смысле выйти замуж, а в смысле — как справиться с пламенем ребенка, если у тебя этого самого пламени нет. Ну или по

крайней мере, не будет, когда я рожу, потому что сейчас оно у меня есть, прорывается через мою еще совсем маленькую кроху.

— Ясно, — говорю я.

— И что тебе ясно?

— Что у меня есть семь месяцев, чтобы что-то придумать, — закрываю тему. — Благодарю за обед, Бен. И не только за обед.

Он приподнимает брови:

— На здоровье, Лаура.

Если мы уже начали называть друг друга по именам, а не «девочка с коньками» и так далее, дело плохо. Пора бежать в океан, тем более что вряд ли я упущу такую возможность, раз она мне представилась.

В воде я чувствую себя на удивление комфортно. Мне это представлялось иначе — чем-то похожим, но не настолько восхитительным. Солнце становится чуточку мягче, правда, в Зингсприде это воспринимается исключительно как «я не превращусь в уголек, пока буду бежать от воды до зонтика». На этот раз я доплываю до ограничительной линии и смотрю на берег: Бен по-прежнему в шезлонге.

Ну и что мне с этим делать?

В смысле, со всем, что нас связывает?

Сейчас мне кажется, что мне существенно не хватает ластика для памяти, как в графической программе. Затер часть воспоминаний — и живешь себе дальше, наслаждаешься, а не вспоминаешь ледяные глаза, в которых небо Ферверна мешается со снегами и вьюгами.

Толку-то, правда, их вспоминать?

Я возвращаюсь на берег, пытаюсь сопоставить время Ферверна и время Аронгары, понимаю, что в Ферверне сейчас дело движется к ночи, но мне жизненно необходимо позвонить Рин. Мне нужно с ней поговорить, хотя бы просто ни о чем, если не о том, о чем я молчала. Теперь молчать уже не имеет смысла, поэтому...

Рин не берет трубку. Я сбрасываю и пишу сообщение:

«Привет. Уже спишь?»

Что вряд ли, Рин не из тех, кто рано ложится.

Ответа на сообщение не приходит, Бен сдвигает солнцезащитные очки в сторону, чтобы посмотреть на меня. Потом оставляет их на шезлонге и идет купаться, а я переползаю в бассейн. В бассейне, в прогретой солнцем воде, вообще можно спать (если, разумеется, хочешь проснуться сваренной вкрутую). Поэтому я плыву под зонтик-водопад и там сижу, рассматривая темный дисплей.

От Рин по-прежнему ничего, и когда я уже думаю, что она все-таки легла спать, мне приходит сообщение: «Не пиши мне больше».

Это настолько неожиданно, что я не представляю, что и думать. Поэтому перезваниваю — раз, другой, третий. На четвертый, когда меня сбрасывают снова, чуть ли не швыряю телефон на песок, но передумываю и набираю снова.

Рин выключает телефон.

И тогда я набираю уже Сэфла. К тому моменту, как из динамиков доносятся гудки, меня уже слегка потряхивает, и я смутно представляю себе, что буду делать, если и он не ответит, но он отвечает.

— Привет, Лаура, — говорит он. — Надеюсь, у тебя есть достойные объяснения тому, что ты сделала.

Его тон не оставляет никаких шансов на то, что я разбила тарелку в доме родителей Рин или что-то вроде. Но откуда он может знать?! Откуда они могут знать?!

— Я думала, я все объяснила предельно ясно, — говорю я. — Когда мы прощались в здании телепорта, я думала, что...

— Я тоже думал, что мы друзья, Лаура. Но видимо, нет, — у него очень холодный голос. Не

припомню, чтобы он вообще со мной так разговаривал. — Ты действительно вывезла ребенка Ландерстерга сначала в Рагран, а затем в Аронгару?! Я даже представить не мог, что ты на такое способна.

— Это и мой ребенок! — ору я. Так, что остается только порадоваться, что Бен где-то плавает, а больше поблизости никого нет. Только бармен. — Сэфл! Откуда ты вообще об этом знаешь?

— Боюсь, это не то, что я хочу обсуждать с тобой. Все, что я могу тебе порекомендовать — возвращайся в Ферверн.

Тишина после обрыва связи ударяет по натянутым нервам.

Я не могу верить в то, что только что произошло. Не могу, не хочу, и... это же мои друзья! Те, кто был рядом со мной в самую тяжелую минуту, так что изменилось сейчас? Я чудом не роняю смартфон в бассейн, а лучше бы уронила.

Потому что, мазнув пальцами по дисплею, попадаю в новостные ленты.

СМИ пестрят видео и фото с официальной помолвки Торна и Солливер, они просто повсюду. В новостных лентах. В соцсетях. Во всплывающих окнах. Или это я просто минут десять старательно захожу на все порталы, чтобы на них посмотреть?

Не на них.

На него.

Я смотрю в эти глаза, от которых веет если не Ледяной волной, то чем-то очень близким, и, кажется, понимаю, зачем мне их вспоминать.

Чтобы охладиться слегка, вот как сейчас. Правда, «слегка» — это не совсем точное слово, я просто чувствую, как холод втекает в меня... и понимаю, что вода вокруг закручивается воронками, а в них клубится ледяное пламя. Иней бежит по облицовке бассейна, взбирается вверх по зонтику.

Смартфон не просто примерзает к руке, он полностью затягивается морозными узорами, внутри что-то щелкает, и дисплей гаснет.

— Льдинка, — шепчу я, — Льдиночка, стой. Остановись.

Но сил во мне хватает только на то, чтобы рвануться к бортику. Потому что вода стремительно замерзает. Под палящим солнцем Зингсприда покрывается коркой льда, которая стремительными изломами тянется ко мне.

— Нет, — шепчу я. — Нет, нет, нет...

Понимаю, что больше не слышу шума бегущей с зонтика воды исключительно потому, что она замерзла. И тогда я во всю силу легких кричу:

— Бен! Бен, помоги!

Из-за стойки перемахивает бармен, но тут же шарахается назад. Закручивающаяся во мне воронками сила прорывается сквозь меня, плещет во все стороны потоками ледяного пламени, превращая белый песок в заснеженную пустыню.

Глава 20

Странно, что в таком состоянии я все еще могу соображать, пусть даже частично, но я все-таки соображаю. У меня в голове какая-то совершенная метель, посреди которой я понимаю, что Бен не успеет (последний раз, когда я его видела, он был между ограничительной линией и берегом, примерно посредине, ему еще доплыть надо), а помимо этой метели — холод, который пробирает меня до костей и вплетается в каждую клеточку моего тела. Я чувствую, что замерзаю в бассейне, в Зингсприде. И честное слово, я бы над этим посмеялась, если бы могла разлепить губы.

— Ого!

У меня, кажется, начались галлюцинации, потому что надо мной детский голос.

Точно детский, но правда это или нет, я проверить не могу: сейчас ресницы у меня тоже слиплись, от инея. Голова тяжелая, и тянет она куда-то вниз до того, как я чувствую (весьма относительно) прикосновение. Или это тоже галлюцинации? Равно как и шум воды, под который я довольно шустро проваливаюсь на глубину.

В воду, которую только что... заморозила?

Я вынырываю на поверхность с такой скоростью, что мне может позавидовать водный дракон. Цепляюсь посиневшими пальцами за бортик, с трудом справляясь с нахлынувшей на меня паникой, и вижу перед собой мальчишку. Того самого, которого Гроу вылавливал из океана.

— Ну привет, — говорит он. — Я Вэйд.

И протягивает мне руку.

Только сейчас я понимаю, что вода с зонтика снова льется. На поверхности бассейна плавают крохотные льдинки, как доказательство того, что я не сошла с ума, а по снежным островкам, стремительно тающим под Зингспридским солнцем, ко мне бежит Бен. Точнее, к нам.

— Упс, — говорит Вэйд и вскакивает.

Потому что с другой стороны раздается:

— Дракона твоего налево!

И крик:

— Вэйд!

Эти голоса сливаются воедино, и кажется, что они вообще единое целое.

Гроу с женой и Бен к нам подлетают одновременно: Бен наклоняется и вытаскивает меня из воды, осторожно прижимает к себе. Меня должно трясти от холода, но меня не трясет.

— Я тебе говорил: сидеть в шатре? — чуть ли не рычит Гроу.

— То есть мне надо было просто ждать, пока она превратится в ледышку?!

Мне, наверное, надо на другое смотреть, но я смотрю на них, и только сейчас замечаю, как они похожи — отец и сын. Танни Гранхарсен-Ладэ снимает очки и касается руки мужа:

— Что?!

— Он действительно спас ей жизнь.

Как следует проникнуться ситуацией не успевает никто, потому что к нам уже бежит служба безопасности отеля «Шеррамел Стар».

— Прямо как полиция в кино. — Танни Гранхарсен хмыкает и складывает руки на груди.

Гроу награждает сына многообещающим взглядом, потом смотрит на нас, но что там происходит в этой семье дальше, остается под покровом тайны. Бен уносит меня в шатер, заворачивает во все полотенца, которые находит, а сверху еще накидывает халат.

— Я в порядке, — пытаюсь сообщить ему, но он почему-то избегает моего взгляда, а у самого глаза очень темные. Настолько темные, что кажется, еще чуть-чуть, и я в них просто провалюсь, как в бездну. Что сомнительно, поскольку бездна от меня все время съезжает то в одну сторону, то в

другую.

— Местр Эстфардхар...

— Дайте нам пару минут! — рычит на сунувшегося в шатер безопасника Бен.

Безопасник ретируется, а он, наконец-то, смотрит на меня:

— Как ты себя чувствуешь? Нигде не болит? Холод?

— Я об этом пыталась сказать: мне не холодно.

Бен недоверчиво щурится.

— Правда. — Я выворачиваюсь из кучи полотенец и показываю ему руку. — Видишь? Мурашек нет. И пальцы.

Я беру его за ладонь.

— Все хорошо. Правда.

Пальцы у меня горячие, как если бы я только что не подморозила Зингспридское побережье, а подожгла Фервенские пустоши.

— Ладно, — говорит Бен, продолжая ощупывать меня взглядом.

Потом неожиданно резко выдыхает, замыкая мое лицо между ладонями, и касается лбом моего лба. Это настолько неожиданно, что я чувствую дрожь, втекающую в мое тело через него. Короткие мгновения, которые ускользают достаточно быстро для того, чтобы понять, были ли они на самом деле. Потому что уже в следующий миг Бен отстраняется:

— Нам придется побеседовать со службой безопасности «Шеррамел Стар».

— Да уж догадываюсь, — с губ срывается смешок.

Бен кивает:

— Пойдем. Провожу тебя в раздевалки.

— Да я сама могу...

Под его взглядом понимаю, что лучше помолчать. На самом деле мне полагается биться в истерике, но как-то не бьется. Все со мной произошедшее воспринимается нереальным, далеким, как сон, в котором я убегала от дракона. С той лишь разницей, что это произошло в реальности.

В том числе и прикосновение мальчика, сына Джермана Гроу, который не позволил мне заморозить себя и половину побережья. И не позволил мне уничтожить мою Льдинку. На этой мысли меня начинает трясти с такой силой, что я никак не могу расстегнуть застёжку купальника. Пальцы срываются, ногти царапают кожу.

— Я помогу, — произносит Бен.

Мягко расстегивает застёжку, и отступает. Я накидываю полотенце на плечи, разворачиваюсь уже под ним. Чтобы не скатиться в истерику, думаю о мальчике, который меня спас.

Ребенок... сколько же ему лет, и какая в нем сила?!

А еще (я очень не хочу об этом думать, но не могу перестать) — я все время вспоминаю, как они с Гроу стояли друг напротив друга. О том, как сын похож на отца.

Это «похож на отца» не дает мне покоя. Знаю, что есть куча семей, в которых дети не знали, а точнее, не видели в глаза настоящего отца. Еще я знаю, что я росла без матери, и чего мне это стоило. Может, другой мужчина и способен стать отцом ребенку, которого родила любимая женщина, но вот так — как Джерман Гроу и его сын, они стоят друг напротив друга не будут.

Или я слишком много думаю.

— Лаура, — напоминает о себе Бен. Или о том, что нам пора идти.

Мы вместе проходим в комнату службы безопасности, точнее, в просторный кабинет, где помимо выбежавших к нам безопасников и семейства Гроу-Гранхарсен стоит еще высокий седой мужчина, чьему телосложению могут позавидовать многие молодые.

— Местр Эстфардхар. Эсса Хэдфенгер, — он кивает нам на кожаный диван, стоящий у панорамного окна. Он протягивает Бену руку для знакомства. — Итан Нейджгорски. Прощу. Расскажите нам, что произошло?

— Разумеется, — отвечает Бен и пропускает меня вперед.

Здесь этих диванов два, и на втором как раз устроились Гранхарсены. Не сомневаюсь, что им не привыкать ко всеобщему вниманию, но сейчас все трое напоминают грозовые тучи. Младший, судя по насупленным бровям и угрюмому взгляду, потому что ему все-таки влетело от отца. А вот что со старшими, я бы очень хотела понять. Нет, понятно, что их сын сунулся в ледяную пустыню, которую я только что устроила, но все обошлось. На мальчишке нет ни царапины, поблизости нет врачей, а значит...

До меня доходит, почему они мрачные в ту минуту, когда я смотрю в глаза Танни Гранхарсен.

О его силе никто не знает.

О силе этого ребенка, по крайней мере, об истинной, вряд ли знает кто-то, кроме его семьи.

— Итак, — начальник службы безопасности располагается на кресле, которое замыкает пространство для отдыха, его подчиненные выстраиваются рядом. — Что случилось на том пляже?

— Я беременна, — говорю я раньше, чем кто-либо успевает открыть рот. — Беременна очень сильным ребенком, иногда его пламя прорывается. Поскольку я человек, я не всегда могу это контролировать, и, когда все случилось... так сильно, я в первый момент растерялась. К счастью, рядом оказался ребенок.

Я смотрю на Вэйда.

— Потому что именно благодаря ему я смогла взять себя в руки и справиться с пламенем.

— Человек? — Итан приподнимает брови. — Справиться с пламенем?

— Это правда, — резко отвечает Бен, и я почему-то выдыхаю. Не думала, что он меня не поддержит, но... Но. — У Лауры есть такая особенность, иначе бы я не оставил ее одну на побережье. Она, видимо, просто сильно переволновалась сегодня.

— Это в любом случае ваша ответственность, — теперь внимание начальника службы безопасности полностью переключается на Бена.

— Моя, — соглашается он. — Я совершил ошибку, и я готов возместить весь ущерб, который повлекла моя... — Бен словно спотыкается на этом слове. — Халатность, которая могла дорого всем обойтись.

Мне очень хочется накрыть его руку своей, но я держусь. Потому что не знаю, как он отреагирует, не представляю, нужна ли ему моя помощь вообще. Сцепляю пальцы, бросаю мимолетный взгляд в окно, а потом, мазнув взглядом по панораме побережья, возвращаюсь в кабинет. Случайно цепляя взгляды Гранхарсенов. Они оба на меня смотрят: и Гроу, и его жена. Смотрят так, что мне хочется проверить, не начала я ли где-то дымиться.

— Если все было именно так... — Итан смотрит теперь уже на них. — Местр Гранхарсен, у вас или у вашей жены вполне законно могут возникнуть претензии.

— Нет, — Гроу хлопает себя по бедрам и поднимается.

— Нет?

— Совершенно точно нет, — его жена поднимается следом за ним, Вэйд следует примеру родителей.

— Вы же понимаете, что согласно правилам нашей конфиденциальности, эта информация не будет вынесена за пределы отеля? И что если вы хотите сделать заявление о том, что жизнь вашего сына подвергалась опасности...

— Нейджгорски, не будьте занудой. Думаю, мы все понимаем, что если бы я хотел сделать заявление, здесь были бы не только полицейские, но и спецслужбы. — Гроу хмыкает. — Я не претендую на репутацию вашего отеля и не стану заявлять о вспышке смертельного ледяного пламени, которое чуть не снесло полпобережья.

У начальника службы безопасности дергается кадык, Танни Гранхарсен кашляет, выразительно глядя на мужа.

— Словом, никто не пострадал, все живы, на этом предлагаю разойтись, — Гроу указывает Вэйдю на дверь. — Шагай.

— Вы свободны, — последнее Итан говорит своим сотрудникам, которые выходят следом за отцом и сыном. Задерживается только Танни, она внезапно оборачивается, и в ее глазах я читаю: «Спасибо». По крайней мере, мне кажется, что это оно — длится ее взгляд очень недолго. Танни Гранхарсен выходит за дверь, и мы с Беном и Итаном остаемся втроем.

— Если не возражаете, — Бен тоже поднимается. — Лауре сейчас нужен отдых, от вас жду акт с описанием повреждений и необходимых восстановительных работ и оценкой. Счет оплачу сразу же, как увижу. Всего доброго, Итан.

Он больше ничего не говорит, и нас никто не пытается останавливать, когда мы выходим. В таком же молчании мы возвращаемся во флайс. Эта тишина становится особенно невыносимой, когда машина вырывается на центральную аэромагистраль Зингсприда, залитую раскаленным солнечным драйвом. Бен, словно опомнившись, на полную включает музыку, но я ее выключаю. Ловлю его взгляд в зеркале заднего вида и говорю:

— Я должна вернуться в Ферверн.

Глава 21

— Что ты должна сделать? — спрашивает Бен.

Очень-очень тихо, но лучше бы он на меня орал, потому что от его интонаций хочется выйти из флайса, несмотря на высоту.

— Ты меня слышал, — отвечаю тоже тихо. — Ты видел, что я сделала, и я...

— А ты видела, что сделал я. Я вытащил тебя из Раграна для того, чтобы ты вернулась к этому наблову отморозку?!

Я складываю руки на груди.

— А вот это уже не твое дело.

— Ошибаешься, Лаура, — Бен усмехается. — Это мое дело. Мое гораздо больше, чем ты можешь себе представить. По-хорошему, надо бы тебя отпустить.

— Но?

— Но мне очень не хочется, чтобы тебя нашли где-нибудь в пустошах с перерезанным горлом.

Я разворачиваюсь к нему в упор.

— Серьезно, Бен? Я знаю про твою любовь к Торну, но это — то, что ты сейчас говоришь, уже перебор.

— Я не говорю про... — Бен делает выразительную паузу, а потом выплевывает: — Торна. Я говорю про его будущую жену, которая очень не любит конкуренцию.

— Если ты сейчас скажешь, что с Солливер Ригхарн тоже знаком, — хмыкаю я, — я заподозрю тебя в нехорошем.

— Нет, к счастью, это знакомство обошло меня стороной. А вот отчим очень ей заинтересовался — с тех пор, как Торн, — он не упускает момента произнести его имя как ругательство, — тоже ей заинтересовался. Эта девушка, с позволения сказать, жила в Аронгаре, где одна из девиц, которая наравне с ней участвовала в кастинге в крупное модельное агентство, случайно погибла от рук ревнивого бойфренда. Разумеется, он во всем сознался, вот только — на минуточку — Солливер Ригхарн в тот момент встречалась с иртханом.

— И?

— Связать тот факт, что иртхан отдал парню приказ убить свою пассию, достаточно просто.

— Правда? — хмыкаю я. — Это только твое предположение.

— Допустим. Но спустя два года еще одну претендентку на ведущий показ обливают кислотой. Загадочное совпадение, не так ли? А девушка, которая клеилась к богатому парню, который содержал Ригхарн, тоже совершенно случайно попала в аэрокатастрофу.

— Слушай, Бен, — я поднимаю руки вверх. — Я очень ценю вашу заботу... вашу с отчимом. Но все это — исключительно ваши предположения.

— Разумеется, — хмыкает он.

— Солливер Ригхарн не сказать, что мне нравится...

— Да ты что?

Я замолкаю, и только когда Бен выразительно смотрит на меня, приподнимая брови, а после произносит:

— Я тебя внимательно слушаю.

Говорю:

— Так вот. Она меня бесит, и я с удовольствием пнула бы ее под коленку, но я не думаю, что ваша с отчимом шпионская паранойя имеет какое-то отношение к тому, что делала Солливер Ригхарн. У Торна есть служба безопасности, и он наверняка обратил бы внимание на эти факты, если бы в них

было что-то подозрительное.

— Та самая служба безопасности, которую он почти полностью распустил? И которую теперь возглавляет небезызвестный нам Сэфл Роудхорн?

Во мне который раз за день кончаются слова.

Зато появляется много ответов на вопросы: о том, чем спровоцировано поведение Рин и Сэфла, откуда они все узнали, и почему Сэфл рекомендовал мне вернуться в Ферверн. После такого мне хочется выйти из флайса уже по другой причине.

В Ферверне меня никто не ждет — кроме, возможно, Даргела. Возможно — потому что я не знаю, как он отреагирует на всю эту кашу, которую я заварила. У него есть Мел, у него есть карьера, и жизнь, которую он строит, и которая не должна быть разрушена из-за меня.

— Я не смогу с ней справиться, Торн, — говорю я.

И только сейчас понимаю, что сказала.

— Бен, — поправляюсь я. — Бен, прости, я...

— Давай ты просто помолчишь?! — рычит он.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь.

Да, в Ферверне у меня нет никого. Но если Льдинка погибнет, если я случайно заморожу ее и себя, позволив ее пламени вырваться наружу, какая я после этого мать? Бен не сможет быть со мной постоянно, а даже если и сможет, он не должен. У него тоже должна быть своя жизнь, свободная от меня и от всего этого.

В квартире мы расходимся, а я сажусь на постель. Верчу в руках визитку Гроу, верчу до тех пор, пока не начинаю понимать: это — единственный выход. Чтобы понять, что мне делать дальше, я должна поговорить с родителями ребенка, в чьих силах было остановить поток ледяного пламени.

Поэтому я набираю номер и слушаю гудки, и, когда на том конце раздается знакомое, с резковатыми нотками:

— Да!

Говорю:

— Это Лаура Хэдфенгер. Мне очень нужно поговорить с вами и с вашей женой.

На встречу Танни Гранхарсен пришла одна. От Бена, когда я собиралась, тоже никаких комментариев не последовало, и со мной он желания поехать не изъявил. На самом деле, я была этому искренне рада, потому что говорить с ним о том, что между нами закрутилось, сейчас была не готова. Да и не это меня волновало в первую очередь.

— Спасибо, что пришли, — сказала я, когда Танни приблизилась к столику. Она предложила встретиться в небольшом ресторане, стилизованном под заведение из прошлого века. Здесь даже был музыкальный автомат, а за столиком в углу вряд ли кто-то обратил бы на нас внимание.

Один из немногих (это уже давно было немодно), ресторанчик располагался на первом этаже, что позволяло просматривать улицу и идущих по ней людей. А еще здание напротив, стремительно уносящееся в небо.

— Я вам в своем роде должна, — ответила она, отодвигая стул и усаживаясь. — Но пришла я не поэтому. В свое время я тоже была беременна очень сильным ребенком и тоже была человеком. Обычной женщиной. Поэтому я понимаю, что вы сейчас чувствуете.

Я кивнула.

— Как вы с ним... справились?

— Вообще-то мне повезло. — Танни наконец сняла очки и кашлянула. — Если можно так выразиться. Я стала драконом раньше, чем мне пришлось бы столкнуться с пламенем Вэйда. С другой стороны, если бы я не стала драконом, возможно, его пламя было бы абсолютно иным. Почему вы промолчали?

Она смотрела мне прямо в глаза, и я пожала плечами.

— Я тоже скоро стану матерью. Не считая того, что ваш сын спас мне жизнь.

К нам подошел официант. Принес дополнительное меню с маркерными строчками на доске (тоже по старинке), и тут же удалился.

— Пицца здесь огонь, — сказала она. — Так о чем вы хотели спросить?

— О том, как проявляется сила Вэйда. Когда это случилось впервые?

Танни мельком глянула меню и отложила его в сторону.

— Пламя Вэйда впервые проснулось, когда ему был год. Для мира иртеханов это... — она задумалась, словно подбирая слово. — Это очень мощно. Раньше у самых сильных детей огонь проявлялся ближе к подростковому возрасту, но за последние годы многое изменилось. Тем не менее даже для иртеханов древности год — это очень и очень рано.

— Вы много знаете об иртеханах древности?

— Можете мне поверить, более чем.

Ах, да. Ильеррская.

— А во время беременности? Как вы справлялись с пламенем во время беременности?

— Я ходила с пластинами. Мне не помогало.

Я глубоко вздохнула, но в этот момент к нам снова подошел официант.

— Пиццу, — сказала я. — Замороженный крем и кофе.

— Мне просто кофе, — Танни дождалась, пока он отойдет, и продолжила. — Точнее, помогало через раз, но мне сложно сказать, где я справлялась с пламенем, и не факт, что со своим, а не Вэйда, теперь я это понимаю, а где лекарства.

— Существуют такие лекарства?

— Да. С тех пор, как пламя иртеханов начало возрастать, а у детей стал сдвигаться возраст первого выброса, пластины стали необходимостью.

Я молчала. Не представляла, что мне ответить еще, и что еще спросить. Хотя...

— А для людей такие пластины есть?

— Честно говоря, я не в курсе, — она покачала головой. — Это была разработка для иртеханов, с прямым воздействием на пламя. Что касается людей... Вы уже были у врача?

— Нет.

— Нет?!

Глаза у Танни округлились, и в этот момент я подумала о том, как их цвет похож на мамин.

— Мне было немного не до того, — я подняла руки. — Знаю, это звучит странно, особенно учитывая мое положение, но... так получилось. Я записалась к специалисту, но у нее очередь на полтора месяца, а она — единственная, кто мне понравился, и...

Я осеклась, потому что Танни уже поднесла смартфон к уху. Что ни говори, а в этом они с мужем были очень похожи.

— Да, слушай... мне нужно срочно связаться с Кэдрен. Она сможет выйти хотя бы на час в ближайшие дни? Это очень важно. Ага, жду.

Я выразительно посмотрела на нее.

— Я наблюдалась у Кэдрен Аджоу во время беременности. Если кто и знает все о странных беременностях, то это она.

— О... — только и смогла сказать я.

Смартфон Танни драконом зарычал на весь ресторан, и мы подпрыгнули. Все, кажется, исключая саму Танни.

— Вэйд любит поставить мне на мессенджер какой-то... гм, громкий звук, — сообщила она, ни

капельки не смутившись. — И ведь какие я ни ставлю пароли, он все равно их взламывает. О. Тебе повезло: Кэдрен сможет принять нас сегодня. Полетели.

Это все произошло так быстро, что половину происходящего я не запомнила. Только что я сидела в ресторане за столиком, и вот уже лечу во флайсе с Танни Гранхарсен. В руках у меня коробка с пиццей, стаканчик с кофе и тающий замороженный крем, потому что перед сканированием точно лучше ничего не есть.

— Хочешь позвонить своему парню? — поинтересовалась она, когда мы вышли на центральную аэромагистраль.

Я покачала головой.

— Точно? Первое сканирование — это очень волнительно.

Я закусила губу и кивнула:

— Точно.

Больше мы не разговаривали, и я перестала кусать губы только тогда, когда они начали гореть.

— Готовься к тому, что там будет кое-что мелкое, совершенно невнятное, но безумно тебе дорогое, — сказала Танни, когда мы вошли в здание частной клиники.

От волнения я почти ничего не запомнила, ни имени вежливой девушки-администратора, ни как мы шли к лифту. В кабине обработки я чуть не вышла туда, откуда зашла, к счастью для меня, задняя дверь кабины заблокировалась, и выйти я смогла туда, куда нужно.

— Тук-тук. Кэдрен? — Танни зашла в кабинет первой, и я последовала за ней.

— Добрый день! Минутку, пожалуйста. Местра Аджоу освободится, и сразу же вас примет, — навстречу нам поднялась ее ассистент. — Пока что мне нужно внести ваши данные в карту. Проходите сюда, пожалуйста.

Танни уступила мне дорогу, а сама устроилась на диванчике и достала смартфон, что-то быстро набирая на дисплее.

— Позвольте ваши документы?

— Да, разумеется.

Пока она вносила данные, я сцепила руки под столом, чтобы они не дрожали. Когда дверь открылась, и в приемную вышла высокая ирландка в белом халате, у меня перестало дрожать абсолютно все. По ощущениям, я вообще превратилась в статую, а вот Танни поднялась ей навстречу.

— Кэдрен! Сколько мы уже не виделись?

— С той поры, как ты взяла Вэйда на руки, я полагаю, — она улыбнулась и перевела взгляд на меня.

— Это Лаура, — Танни кивнула. — Она немного затянула с обследованием, поэтому сейчас нужна твоя помощь.

— Отлично, — Кэдрен кивнула, — рада познакомиться, Лаура. Подписывайте договор, и я жду вас у себя.

— Я ничего не соображаю, — честно призналась я, когда ассистентка протянула мне планшет. Строчки расплывались перед глазами.

— Не волнуйся, — Танни подошла ко мне. — Если ты переживаешь, что это пойдет куда-то за пределы клиники — зря. Сюда вообще нереально попасть с улицы.

Я кивнула, снова закусила губу. Договор все-таки прочитала и подписала, после чего поднялась и направилась в кабинет. Врач уже стояла возле аппаратуры.

— Какое предпочитаете обследование, Лаура?

— А какое может быть?

— Можно в сканирующей капсуле, можно на кресле. Технология совершенно одинаковая, но в сканирующей капсуле вы все увидите постфактум, на записи, потому что монитор будет за пределами вашего поля зрения.

— Тогда на кресле, — поспешно сказала я.

Я хочу ее видеть. Свою Лыдинку.

Странно, что я не свалилась с кресла, или что вообще на него забралась, потому что до прикосновения датчика к телу чувствовала себя деревянной. А потом я увидела ее. Точнее, как и сказала Тинни, совершенно крохотную, мою маленькую Лыдинку, которую благодаря современной аппаратуре и технологиям, я уже сейчас могла рассмотреть.

Увеличенное многократно изображение показало комочек жизни внутри меня, у которого едва формирующаяся ножка была тоньше соединяющей нас пуповины. В этот момент я поняла, о чем говорила Тинни, а еще пожалела, что не выбрала сканирующую камеру. Потому что когда услышала тонкие гулкие удары, просто не выдержала и разревелась.

Возможно, именно поэтому не сразу обратила внимание на легкое, отраженное на экране сияние. А когда обратила, наткнулась на пристальный, глубокий взгляд врача.

— Вы же знаете, что у вас необычный малыш, Лаура?

— Не совсем.

Я даже не поняла, был это вопрос или констатация факта. И в моем, и в ее случае.

— Пока что я не могу сказать пол, но вы видите эту оболочку?

Оболочка вокруг крохи и правда была. Тонюсенькая, похожая на прозрачный мешочек.

— С ней все отлично. Но ваш ребенок, помимо нее, окружает себя пламенем. Это не совсем обычное развитие, а если быть точной, совсем необычное. Для человека или для ирхана.

— А для кого обычное?

— Для дракона. — Кэдрен посмотрела мне в глаза. — В любом случае, мне потребуются дополнительные исследования, поэтому сейчас я возьму у вас кровь.

— Вы сказали — для дракона? — уточнила я.

— Лаура, давайте не будем забегать вперед. Сейчас мне нужно понимать, почему так происходит, а для этого необходимы анализы. Хорошо?

Можно подумать, у меня был выбор. Разумеется, кровь я сдавала, зажмурившись — не то чтобы я этого сильно боялась, просто не очень любила. После чего Кэдрен еще минут десять позволила мне полежать, а потом разрешила подняться. Кровь тут же унесла ее ассистентка.

— Что теперь?

— Теперь вам лучше вернуться домой. Как только я смогу сказать что-то конкретное, я с вами свяжусь. Предположительно, завтра или послезавтра. Советую вам пока что избегать лишних волнений и просто наслаждаться состоянием. Ваше состояние — первые месяцы в первый раз, особенно сильно влияют на ребенка. Поэтому чем спокойнее будете вы, тем спокойнее ему. Или ей.

Да я бы с удовольствием. Честное слово.

— Хорошо. Благодарю, Кэдрен.

— Хорошего вечера, Лаура.

Вечер был уже когда мы летели сюда, то есть не поздний, но в Зингсприде темнеет очень рано. Когда же я вышла, за панорамными окнами была бы черная ночь — если бы не миллионы огней. Тинни по-прежнему сидела в приемной, а, заметив меня, поднялась.

— Ну как?

— Все странно.

— Главное, что Кэдрен не выбежала из кабинета с воплями «спасайся, кто может», — она подняла руки вверх. — Шучу.

— Ага, — я кивнула.

— Отвезти тебя домой?

— Ты и так слишком много для меня сделала. Я просто вызову флайс.

— Хорошо, — Танни подняла палец вверх. — Тогда пойдем, хотя бы вместе прогуляемся до парковки.

До парковки мы действительно прогулялись вместе, но все это было лишено смысла, потому что мысленно я по-прежнему сидела в кабинете Кэдрен.

«Это не совсем обычное развитие... для человека или для иртхана».

«А для кого обычное?»

«Для дракона».

— М-м-м... оплата! — воскликнула я, когда увидела паркующийся заказанный флайс.

— Все нормально.

— Но я забыла оплатить...

— Я сказала: все нормально, — Танни указала на машину. — Давай домой. Тебе точно не помешает отдохнуть сегодня.

Здесь я не могла не согласиться. Равно как и с Кэдрен, которая сказала, что мне стоит меньше волноваться, поскольку у меня внутри кроха, и мое волнение передается ей сразу же. Если еще и учесть, как она на это волнение реагирует... то лучше не стоит никого волновать. Ни себя, ни Льдинку.

Поэтому я кивнула:

— Спасибо тебе. И поблагодари за меня Вэйда.

— Я ему передам. Но он и так жутко гордится тем, что сделал. С самооценкой у него всегда все отлично.

— Супер.

Я не нашлась, что сказать еще, поэтому просто села во флайс. Смотрела, как Танни идет к своему, и только сейчас вспомнила, что забыла там пиццу и замороженный крем с кофе. Впрочем, последние два стаканчика уже можно было смело выбрасывать, а вот пицца... надеюсь, Вэйд любит пиццу. Ну или Танни любит пиццу. Или ее муж.

Вот такие странные мысли меня посещали, а когда в салоне заработал кондиционер, еще и начало знобить.

— Можно сделать чуть потеплее? — спросила я.

— Замерзли, эсса? — водитель, молодой парень, мне подмигнул.

— Да, немного.

— Как скажете, — он тут же убавил холод, но я все равно обхватила себя руками.

Почему моя Льдинка защищается пламенем? Что не так?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я полезла в соцсети. Правда, вспомнила, чем закончилось мое предыдущее посещение соцсетей, и вбила в поисковике сразу адрес странички Лари Эрро. Точнее, ее студии, где должны были быть размещены рекламные фото, где я парю.

А ведь тогда у меня тоже прорывалось пламя — ледяное пламя моей Льдинки через Бенов харргалахт. Получается, реагирует она не только на отрицательные эмоции, но и на положительные: тогда я была по-настоящему счастлива, и она тоже. Значит, пламя — это не плохо, это просто такая особенность. В любом случае, сейчас первым же делом поговорю с Беном об этом. Он должен знать, и...

Я нахмурилась: в соцсети вместо странички студии Лари мне выдало белый фон, грустного виара с разведенными в сожалеющем жесте лапами и надпись «такого аккаунта не существует».

В смысле — не существует?

Я проверила написание имени, но вроде бы написала правильно. Попробовала вбить в поисковик, но получила то же самое. Больше того, сайт Лари, который обычно выпадал на первой страничке, сейчас съехал на вторую, а когда я зашла на него, обнаружила объявление, что «Студия временно не работает».

Хмыкнув, перешла на личную страничку Лари, и замерла. Вся стена была усыпана комментариями от друзей с выражением соболезнований. Пролистнув чуть ниже, увидела сообщение от ее парня, что несколько дней назад Лари Эрро погибла в аэрокатастрофе. Я смотрела на это сообщение, наверное, минут пять, пока голос водителя не выдернул меня в реальность:

— Эсса, вы что-то совсем задумались. Откуда вы?

Я подняла голову, столкнувшись с молодым человеком взглядом.

— У вас такой интересный акцент, а еще вы мерзнете. Все, кто живет в Зингсприде, обычно просят сделать похолоднее.

— Простите, я сейчас не в настроении разговаривать, — ответила я, отложила смартфон и стала смотреть в окно.

Считать пролетающие мимо флайсы и глубоко дышать.

Бен предлагал Лари сто тысяч за мои фото. Я отказалась. Отчим Бена связан с разведкой Раграна. Лари погибает при столкновении флайсоцикла с флайсом, управляет которым подвыпивший водитель.

Что вообще происходит?!

Я снова глубоко вздохнула, положила ладони на живот. Мне нельзя волноваться, мне вообще нельзя об этом думать, поэтому я не стану. Ровно до того момента, как пересеку порог квартиры, в которой собиралась жить с Беном. За которого собиралась замуж! И клянусь, ему придется многое мне объяснить.

Поэтому в лифте я отбивала пальцами дробь по запястью. Поэтому в квартиру почти ворвалась, швырнув сумочку и ключи на полку.

— Бен! — крикнула я. — Бен, нам срочно нужно поговорить...

— Ферна Хэдфенгер, добрый вечер.

Голос показался мне издевательским, и еще он совершенно точно был мне незнаком. Я обернулась, чтобы удариться от холодный взгляд стоявшего напротив мужчины. В руках которого поблескивал сталью лазерный пистолет.

Глава 22

Это какая-то шутка, да?

Потому что в моей истории в моей квартире не может оказаться незнакомый мужчина, который целится в меня из пистолета, и, хотя эта квартира сомнительно моя, этого мужчины в ней все равно быть не должно.

Я смотрю, на него, не мигая, когда сзади раздается голос:

— Проверили, все чисто. Ждем Эстфардхара.

Я оборачиваюсь: второй, а с ним и третий мужчина приближаются к нам.

— Чудесно, — это говорит первый. — Ферна Хэдфенгер.

Я снова поворачиваюсь к нему, чувствуя себя жертвой идиотского розыгрыша или непрекращающегося кошмара.

— Как вы уже поняли, нам нужно дождаться вашего несостоявшегося мужа. Поэтому, во избежание всяких недоразумений, вам лучше просто сесть на диван и не делать резких движений. Ну и чтобы мы с вами правильно друг друга поняли... — Взгляд мужчины вспыхивает алым: иртва. — Садись на диван. Сиди неподвижно. Молчи.

Три короткие отрывистые фразы, пустые, неестественно-спокойные, лишённые всяких эмоций. Сила иртва, ударяющая в меня, в мою волю, как несущийся на неистовой скорости флайс.

Ментальный приказ?

Я отступаю назад раньше, чем понимаю, что совершенно спокойно двигаюсь. То есть двигаюсь по своей воле, а не потому, что он так сказал. Но ему об этом знать необязательно, правда? По хорошему, стоило бы удивиться: почему на меня это не действует, но сейчас мне не до удивлений. Я просто подхожу к дивану, сажусь, откидываюсь на спинку и замираю.

Мужчины мгновенно теряют ко мне всякий интерес.

— Наблов Эстфардхар, — говорит тот, который ждал меня на входе. — Кто вообще мог представить, что ему придет в голову сунуться к Халлорану?

— К Халлорану не так просто сунуться, — отвечает второй. Достает пачку сигарет, щелкает зажигалкой, закуривает.

— К счастью.

— Или к несчастью, ферна Хэдфенгер?

Ферна Хэдфенгер молчит и смотрит прямо перед собой.

— Зачем ты полез ей в голову? Теперь будет сидеть, как кукла.

— Теперь она будет делать все, что нам нужно: сидеть тихо и не мешать. По крайней мере, пока Эстфардхар не вернется, нам здесь не нужны крики. Сигарету потуши.

Мужчина подчиняется беспрекословно, из чего я делаю вывод, что за главного у них встречавший меня у двери. Он же и самый опасный, хотя к моему счастью, оружие он убирает. Уже хорошо.

Мозг у меня, тоже к счастью, работает. Работает совершенно не так, как я привыкла — я смотрю на их костюмы и думаю о том, что они не похожи на наемников. Гораздо больше им подойдет характеристика «спецслужбы», но чьи — тоже хороший вопрос.

Смогу ли я проскочить к двери, когда они окончательно расслабятся?

И куда мне бежать потом?

Я восстанавливаю в памяти схему холла перед лифтами, панель пожарной сигнализации находится в центре между нашей квартирой и соседней. Если ударить по ней... ничего не получится, потому что у нас всего две квартиры на этаж. Не факт, что у соседей кто-то дома, а даже если там кто-то есть, не уверена, что эти... агенты остановятся. Им уж точно не привыкать подчищать следы.

Я не знаю, как это все складывается в моей голове, оно просто щелкает, как в неисправной панели

управления. Снова и снова, снова и снова, снова и снова.

Мне нужно отсюда выбраться до того, как вернется Бен, потому что когда он вернется («пока Эстфардхар не вернулся, нам здесь не нужны крики»), ничего хорошего не будет. Запоздало вспоминаю про Гринни, и понимаю, что эта умница просто где-то спряталась.

Молодец, малышка.

Спряталась — и сиди.

— Нам сообщат, когда он будет на парковке, — произносит тот, кто у них главный. А я понимаю, что мне нужно не убежать от них, а выиграть время, чтобы успеть предупредить Бена. Мобильный у меня в сумке, и у меня на нем быстрый набор. Значит...

Я по-прежнему смотрю в одну точку, мужчины застыли изваяниями. Двое — по обе стороны от входной двери, третий — тот, что «заставил» меня сесть, у барной стойки. Никого из них не видно из холла, зато отлично видно сидящую на диване меня. Бен сконцентрируется на мне, когда войдет.

Но сейчас сконцентрироваться надо мне, на меня вообще никто не смотрит. Главный что-то изучает в смартфоне, двое других переговариваются. Я медленно, по миллиметру, сдвигаю ладонь и опускаю руку с колена на диван, залезаю в сумку. Провожу пальцем по дисплею вправо, когда слышу:

— Вы всерьез считаете, что можете меня обмануть, ферна Хэдфенгер?

Сердце падает, а вместе с ним падает что-то внутри, какая-то невидимая заслонка. Я разворачиваюсь к нему:

— Ну что вы, ферн Вкостюмеиспистолетом, зачем мне лгать мужчине, который втроем справляется с одной беззащитной женщиной.

— Такой ли уж беззащитной? — хмыкает он. — Похоже, Эстфардхар скрывал гораздо больше, чем мы думаем.

— Кто — мы? — спрашиваю я.

Мне надо что-то спрашивать, чтобы паника не захлестнула меня с головой, потому что если это случится, я заморожу полгорода и себя заодно. И Льдинку.

— Вы считаете, что я стану вам что-то рассказывать? — Он обходит диван, садится в кресло напротив меня. — А вот вы станете. Почему на вас не действует ментальный приказ?

— Понятия не имею, — я развожу руками. — Я вообще женщина-загадка.

Мужчина усмехается. Жестко.

— Ваш юмор я оценил, ферна Хэдфенгер, но я привык, когда мне отвечают на вопросы. Лучше вам сделать это без посторонней помощи.

— Что? — я приподнимаю брови. — Будете пытаться беременную женщину?

В том, что они в курсе, что я беременна, я не сомневаюсь. Осталось только понять, кто это — они.

— Беременной женщине все равно недолго осталось, — сообщают мне, глядя прямо в глаза. — Или вы думали, что выйдете отсюда живой? По-хорошему, вы нужны нам только для того, чтобы допросить Эстфардхара. Судя по всему, вы его единственная слабость.

Он говорит настолько спокойно, что у меня по коже идет мороз. Когда я понимаю, что буквально, становится уже поздно. Иртхан меняется в лице, вскакивает. Помимо вспыхнувшего в глазах пламени в меня вонзается прицел лазерного пистолета.

— Прекратите это немедленно, или...

Договорить он не успевает, потому что дверь вылетает, как от удара драконьей лапы, отбрасывая стоящих по обе стороны мужчин в квартиру. Из дымной завесы вырывается лазерный луч и ударяет в грудь первому пытающемуся подняться мужчине. В том, что он уже не поднимется, сомнений нет, второй стреляет наугад, в клубящийся густой дым. Я ничего не слышу, в ушах словно ваты набили, разве что чувствую, как меня перехватывают, рывком вздергивают на ноги, в висок упирается холодная сталь.

В ту же минуту, как луч врезается в лицо второго мужчины, из дыма в квартиру шагает Бен, включается пожарная сигнализация, и нас окатывает дождем.

— Назад, Эстфардхар, — цедит тот, кто держит меня, — или я ее пристрелю.

— Ты ее и так пристрелишь, — отвечает Бен и вскидывает лазерный пистолет.

Луч смотрит мне прямо в грудь, когда на удерживающего меня мужчину с визгом и верещанием бросается невеста откуда взявшаяся Гринни. Он отбрасывает ее одним ударом ноги, виаренок ударяется о барную стойку и меховым мешочком падает на пол.

— Не-е-ет! — ору я, и хотя мой голос доносится, как из-под земли, я на миг еще и слепну. Потому что вспышка, исходящая от меня, пламенем испаряет пространство.

В квартире мгновенно становится невыносимо холодно, вода замерзает на лету, «сигнализационный дождь» превращается в иглы нависших над нами сталактитов.

Опомниться заставляет только шипящий звук выстрела, и следующий за ним хруст.

Мужчина отваливается от меня в прямом смысле: он весь покрыт инеем, губы — ледяной коркой.

— Лаура, — говорит Бен, отбрасывая пистолет и шагая ближе. — Лаура...

— Нет, — шиплю я, выставляя вперед руки. — Не подходи. Слышишь?!

— Ты просто себя убьешь. Позволь мне помочь.

Лед и иней кристаллизуются на моих руках морозными узорами, я пытаюсь броситься к Гринни, но понимаю, что не могу: ноги просто вросли в пол. Бен рывком приближается ко мне, обнимает, и лед устремляется к нему. Ползет по рукам, впитывается в рубашку, взбирается по плечам на шею, подбородок, высветляет губы и брови.

— Лаура, — он обхватывает мое лицо ладонями. — Лаура, сосредоточься на своем ребенке, слышишь? Я не могу даже к тебе пробиться, твоё пламя блокирует мое.

Что...

Что?!

Как может мое пламя что-то блокировать?! Его у меня нет! Нет и не было никогда...

Тем не менее я пытаюсь сосредоточиться на Лыдинке, на той крохе, которую видела сегодня. Она заслуживает жизни! Я должна остановиться. Должна это остановить... Я снова и снова цепляюсь за кадры, которые показывала мне Кэдрен, и в глазах Бена внезапно вспыхивает истинный огонь. Не знаю, что я чувствую раньше: тепло, втекающее сквозь его руки и харргалахт в меня, или же этот взгляд, который раскаляется с каждой минутой.

Бен рывком дергает меня в сторону, к выходу, и ледяные наросты с грохотом обрушиваются на пол, один за другим.

— Гринни! — кричу я. — Там Гринни!

К счастью, сейчас Гринни под навесом барной стойки, и это последнее, что я успеваю увидеть — это, и короткое движение Бена. Игла вонзается в кожу, перед глазами все плывет, и я соскальзываю прямо ему на руки. И в темноту.

Глава 23

Я прихожу в себя от того, что ощущаю чье-то касание. Легкое скольжение пальцев по щеке, и, когда открываю глаза, вижу склонившегося надо мной Бена. Первый порыв шарахнуть от него пресекается собственной же слабостью — я слабая, как новорожденный виаренок.

— Гринни!

— С ней все в порядке, Лал. Ты в безопасности.

Прежде чем я успеваю приподняться, Бен подносит к моему лицу Гринни. Виари смешно сопит и облизывается, лапка у нее перебинтована, и грудка тоже.

— Этот урод сломал ей несколько ребер и лапу. Главное, что крылья не пострадали, — комментирует Бен. — Если сломать дракону крыло, это... надолго. Возможно, навсегда.

Я закрываю глаза: от подступившей к горлу дурноты и душащих меня слез. На меня внезапно обрушивается все, что произошло, обрушивается с такой же ужасающей ясностью, как если бы я до сих пор стояла там, а в меня целились из лазерного пистолета. Сначала незнакомый ирлхан.

Потом Бен.

Перед глазами мелькает игла, и я зажмуриваюсь сильнее.

— Кто ты такой?! — шепчу сдавленно.

— Лал...

— Кто. Ты. Такой.

Тишина. Вздох.

Потом щеки касается мохнатый бок: Бен кладет Гринни рядом со мной на подушку. Виари устраивается поудобнее, тыкается носом в щеку, заставляя вздрогнуть и открыть глаза. Надо мной высокие потолки: слишком высокие, чтобы быть тюрьмой, и слишком светлые. Поворачиваю голову — ко мне подключено столько аппаратуры, что сложно ее даже пересчитать. Это место больше напоминает исследовательский центр Ардена, чем что бы то ни было еще, и тем не менее...

— Ты в клинике, — говорит Бен. — В закрытой клинике. Тобой занимаются ведущие медики Аронгары.

Ве...

Я поворачиваюсь к нему. Точнее, поворачиваю голову — насколько позволяет вращающаяся рядом виари.

— Мне многое нужно тебе рассказать, Лаура. Но позже. Когда ты отдохнешь и придешь в себя.

Я, кажется, уже отдохнула.

— Какой сейчас день?

— Сейчас ночь. По крайней мере, в Зингсприде. — Бен усмехается, но его улыбка тут же гаснет. — Ты спала сутки.

Спала? Или была под воздействием непонятного вещества, которое ты мне вколол?

— Сейчас.

— Да, сейчас.

— Бен, это был не вопрос. — Я языком-то с трудом шевелю, но это проговариваю жестко и четко. — Ты расскажешь мне все сейчас, или можешь просто выйти за эту дверь.

Он подается вперед, и я отшатываюсь. Инстинктивно, насколько позволяют все эти опутывающие меня провода. Бен замирает — на мгновение, потом отодвигается.

— Я работаю на разведку Раграна, — произносит он. — Точнее будет сказать, работал.

Я сглатываю. То, что произошло — точнее, как он вошел в квартиру, не оставляло никаких

сомнений в его словах.

Вопрос только в том, как...

— Как давно?

— Ты хочешь спросить, было ли случайным наше с тобой знакомство на катке? — Он смотрит мне прямо в глаза. — Нет, не было. И все, что за ним последовало — тоже.

Недавно, когда я переехала в Рагран, мне казалось, что мой мир осыпается осколками, но сейчас он не просто осыпался осколками. Он превратился в ледяную крошку, которая собиралась вокруг моего сердца.

— Мне нужно было следить за тобой. Втереться к тебе в доверие, и самым простым способом был любовный интерес. — Бен на меня не смотрел, он смотрел куда-то в сторону аппаратуры. — Но то, что произошло потом... когда я тебя узнал, это перестало быть просто работой, понимаешь?

Он снова смотрел на меня.

— Когда ты меня узнал? — поинтересовалась я. — На катке? На горнолыжном курорте? Когда мы вместе проходили телепорт в Рагран? Ты просто уточняй, потому что вокруг меня столько лжи, что я могу запутаться.

— Лал...

— Не смей меня так называть, — прорычала я. Откуда только силы взялись. — Не смей. Вообще не смей говорить со мной так, как будто я твой друг, Бен. Я вам никто, ферн Эстфардхар, всего лишь объект.

Сама не знаю, с какой радости это было настолько больно.

В конце концов, Бен — не Торн, не Даргел и даже не Рин с Сэфлом, которых я считала лучшими друзьями. До отца с Ингрид ему тоже далеко, но сейчас мне хотелось просто забыть это все. Стереть ту часть прошлого, в котором Лаура Хэдфенгер была наивной душой, позволяющей всем играть с ней так, как им того хочется. Играть, манипулировать, вывозить из страны в страну... как ручную виару! Бросаться обидными словами, диктовать, что она должна делать, а потом высказывать, что она виновата в том, что их жизнь разрушена.

Виновата.

Только в том, что позволила всему этому случиться — с собой.

— Ты убил Лари Эрро? — холодно спросила я.

— Нет. Это была зачистка. Когда я об этом узнал, я сразу связался с Рэйнаром Халлораном. Потому что понял, к чему все идет — и приказ избавиться от тебя действительно пришел от моего отчима.

— Он помогал нам сбежать. Что изменилось? Прошло двое суток.

— Если бы я это знал, Лаура, я бы подобного не допустил.

— Да ты что? — зло усмехнулась я.

— Не веришь — спроси у Халлорана, — Бен снова подался вперед. — Ему совершенно точно незачем лгать.

— Правда?

Никогда не знала, что слово «правда» можно произнести так. Так, что даже Бен, собиравшийся продолжать, осекся, а в следующий момент дверь бесшумно ушла вправо, и вошел врач с ассистенткой. Этого мужчину и эту женщину я видела впервые, но мне было все равно: я гораздо больше хотела видеть их, чем Бена. Чем кого-либо из моего прошлого, за исключением, пожалуй, Даргела.

Увы.

— Местр Эстфардхар, оставьте нас, пожалуйста, — произнес врач.

— Я останусь здесь.

— Уходи.

Это сказала я. Сказала так, как если бы могла отдать ментальный приказ: сухо, жестко и

равнодушно.

— Лаура, — он пристально посмотрел на меня, ноздри его раздулись, но я спокойно встретила его взгляд.

— Уходи, — повторила без лишних эмоций. — Уходи, Бен. Я больше никогда. Не хочу. Тебя. Видеть.

— Всенепременно, — сообщает он и снова откидывается на спинку кресла.

Кажется, ему вообще побоку, что я только что сказала. К счастью, его заслоняет врач — его спина достаточно широкая, чтобы закрыть Бена, а когда к нам присоединяется ассистентка, все вообще становится относительно хорошо. Не вижу — значит, его нет. По крайней мере, можно притвориться, что его нет, и что все это — вот это вот все — рогастики, замуж, поездки на Зингспридское побережье, даже то, как он прижимался ко мне после того, как я чуть не превратилась в ледяную статую — всего лишь прошлое.

Всего лишь.

— Ферна Хэдфенгер, — врач обращается ко мне, как в Ферверне, хотя Бена только что называл мейстер, — как вы себя чувствуете?

— Бывало и лучше.

— У вас что-то болит? Есть какие-то неприятные ощущения? — Он внимательно вглядывается в мое лицо.

— Нет. Только слабость.

Врач едва заметно (или заметно, раз даже я это заметила) расслабляется.

— Простите, я не представился. Меня зовут Вишуар Лагез, я занимался вами, когда вы только что поступили в нашу клинику.

Закрытую клинику Аронгары.

Перед глазами встает лицо Ардена, который сейчас, если верить отцу Эллегрин, арестован и дожидается трибунала. Тогда я звонила Торну — в тот день. Что было бы, если бы он ответил? Или если потом — ответила бы я?

— Кэдрен Аджоу переслала мне все ваши снимки и анализы, — произносит он, возвращая меня в реальность. — Но я все равно повторно сделал свои.

Врач смотрит на ассистентку:

— Лив, заведи животное, пожалуйста.

Животное клацает зубами, когда девушка пытается ее взять.

— Я хочу, чтобы она осталась здесь, — говорю я.

— Клиника — не место для виари, ферна Хэдфенгер. Мы разрешили ее оставить, только чтобы вы могли убедиться, что с ней все в порядке, когда вы придете в себя.

— Она останется со мной, — говорю я. — Или я вас всех тут приморожу. Устраивает такой поворот?

Кажется, не устраивает, потому что врач открывает рот, а потом закрывает. В том, что они о моих способностях слышаны, сомнений нет, но оно и к лучшему. Я устала со всеми церемониться и думать о чувствах других.

Вишуар кивает ассистентке, та отступает в сторону, и я вижу пальцы Бена на подлокотнике. Эти пальцы сейчас совершенно не в тему, поэтому я отворачиваюсь и смотрю в потолок.

Недолго.

Чтобы собрать силы и приподняться, вызывая недовольный писк аппарата, у которого потревожили датчики.

— Чего мне ждать? — спрашиваю я, глядя на врача в упор.

— С ребенком все хорошо, — говорит он. — По крайней мере, сейчас пламя спокойно, но у вас в крови обнаружена одна странная аномалия.

— Вот как.

— Ферна Хэдфенгер, я понимаю, что вы многое пережили. — Вишуар поправляет очки на крупном носу. — Но пожалуйста, давайте без лишнего сарказма. Ваш ребенок настолько силен, что он буквально передает вам пламя. Для человека это... не норма. Любой полукровка, когда развивается, дарит матери частицу пламени, но в вашем случае оно...

— Оно?

— Скажем так, это похоже на то, как если бы мы воссоздавали процесс вливания с шаманами пустынных земель и драконами. Только в вашем случае источником... донором пламени является ваш малыш.

Я приподнимаю брови:

— Я что, становлюсь ир்தханессой?

— Похоже на то.

М-да.

— Но мы совершенно точно ни в чем не можем быть уверены, — он разводит руками. — Я предположил, что пламя может остаться в вас навсегда, но с той же вероятностью оно может угаснуть после родов. Потому что все-таки... это не совсем обычная ситуация. Я бы сказал, ферна Хэдфенгер, вы парадокс.

М-да, снова.

— И вы не можете дать никаких прогнозов? Ничего? — Я оглядываюсь: Гринни уже заняла всю мою подушку, вытянув здоровые лапки в стороны.

— Я могу спрогнозировать только усиление пламени. С каждым месяцем развития ваш малыш будет становиться сильнее, а следовательно, пламени в вас тоже будет становиться все больше и больше. Сейчас в вашей крови препарат, который стабилизирует пламя и не позволяет ему вырваться наружу.

То, что вколол мне Бен?

— Тот, который местр Эстфардхар ввел вам перед тем, как доставить сюда, — отвечает на мои мысли мужчина. — Это очень сильнодействующее вещество, разработано несколько лет назад для мгновенной стабилизации пламени, поскольку огни ир்தханов и драконов усиливаются. У него пролонгированное действие, и никакого вреда организму он не наносит, поскольку действие оказывает исключительно на пламя. Сейчас, пока вы у нас в клинике, мы проведем все исследования и тесты, которые помогут нам определиться с дальнейшей стратегией.

— С дальнейшей стратегией чего? — уточняю я. — Насколько часто мне нужно колоть этот препарат, пока я не рожу в вашей просторной тюрьме?

Ассистентка, которая в этот момент подключала планшет к аппаратуре, резко обернулась и задела штатив, к которому стекались все провода с датчиками, чтобы потом растечься ко мне. Она едва успела его перехватить, возможно, поэтому я вздрогнула, услышав:

— Вы не пленница, ферна Хэдфенгер. Вы здесь гостя.

В этот раз ассистентка повернулась очень медленно и аккуратно.

Я же — поверх ее плеча — увидела вошедшего в палату Рэйнара Халлорана. Председателя Совета Аронгары.

Глава 24

С Председателем Совета Аронгары я еще не общалась. С другой стороны, я общалась с Драконом номер один Ферверна, а их всех, видимо, на одном заводе делают. Потому что у Рэйнара Халлорана та же выправка, то же непроницаемое лицо, а заодно и тот же приказной тон, когда он командует:

— Оставьте нас.

Врача с ассистенткой выносит тут же, а вот Бен остается. Просто медленно поднимается и шагает к моей постели. Можно подумать, он мне нужен.

Защитничек.

Лучше бы я его вообще никогда не знала!

— Тебе особое приглашение нужно? — хмыкаю я, поворачиваясь к нему.

Бен смотрит на меня, но молчит.

Ну что я могу сказать — отличная тактика!

— Местр Эстфардхар, думаю, вам действительно лучше уйти. Вряд ли ферна Хэдфенгер сможет быть откровенной, пока вы рядом.

— Совершенно точно!

Пока что я вижу этого Рэйнара Халлорана впервые в жизни (не считая визора, разумеется, и СМИ), но сейчас я с ним уже согласна. Потому что присутствие Бена заставляет меня нервничать и злиться.

Почему, кстати, оно заставляет меня нервничать и злиться?!

— Ты действительно этого хочешь? — он поворачивается ко мне.

— Если тебя не убедили все мои предыдущие слова, — хмыкаю я, — то вот тебе новые. Видеть тебя не могу. Не хочу. И не буду.

— Больше похоже на слова обиженной девочки.

— А вы можете ему приказать? — я поворачиваюсь к Рэйнару Халлорану. — Или пригласить кого-то, чтобы его вывели?

— Местр Эстфардхар.

Сомневаюсь, что это был приказ, но Бен все-таки выходит. Дверь здесь полностью автоматическая, и, кажется, именно это ее и спасло, потому что яростью и пламенем окатывает знатно.

— Итак, ферна Хэдфенгер. Вам уже рассказали, как вы здесь оказались?

— В целом это было так: я работал на разведку Раграна и обратился к Халлорану. Это можно назвать рассказали?

Председатель кивает.

— Крайне поверхностно. Позвольте, если я изложу свою версию?

— Вашу послушаю с удовольствием.

Рэйнар Халлоран улыбается. У-лы-ба-ет-ся!

После опускается в кресло, в котором только что сидел Бен, и кивает на виари:

— Чудесная.

— Да, она замечательная, — подтверждаю я и все-таки осторожно откидываюсь на подушку (голова начинает кружиться). Гринни возмущенно пищит, но пододвигается, чтобы освободить мне место.

— Местр Эстфардхар действительно работал на разведку Раграна. Скажем так, до встречи с вами более чем косвенно, но его симпозиумы, конференции, статусные клиенты были достаточно актуальны для того, чем он занимался.

— И чем же он занимался?

— Помогал изучать Ферверн изнутри. Тем не менее когда появились вы, для него появилось новое задание. Ему нужно было изучить, насколько вы важны для ферна Ландерстерга.

— О, — только и говорю я.

— Его знакомство с Сэфлом Роудхорном сыграло в этом не последнюю роль. Я бы сказал, первостепенную — в его назначении на эту операцию. Впоследствии он наблюдал за вами издали, до тех пор, пока ваши пути снова не сошлись.

Я киваю. Странно говорить об этом с этим... иртханом, но с ним куда проще, чем было бы с Беном. Потому что сейчас я ничего не чувствую. Почти ничего.

— В планы рагранской разведки входило держать вас под контролем — с того самого дня, как они узнали о первенце Торнгера Ландерстерга.

А Бен и рад был стараться. Даже жениться на мне собрался.

— И что они собирались делать дальше?

— Ждать. Наблюдать. Растить вашего ребенка, как гражданина Раграна — до определенного момента.

— До определенного?

— В политике никогда не известно, когда этот момент наступит. — Халлоран сцепил пальцы в замок. — Но со своей стороны могу обещать, что я этого так не оставлю, и что Мировое сообщество проведет расследование по поводу случившегося. Особенно — по поводу случившегося вчера.

— Вы имеете в виду тот факт, что меня чуть не убили?

— Именно. На моей территории.

Его глаза остаются человеческими, но я чувствую — кожей, буквально, силу исходящего от него пламени. Возможно, я чувствую это так остро исключительно потому, что сейчас во мне пламя Льдинки, и я — недочеловек, недоиртханесса, и вообще непонятно кто. А может быть, потому что это пламя просто сокрушающее. Такое я чувствовала раньше только рядом с Торном.

И хотя у них совершенно разные полюса — лед и огонь, от силы просто голова начинает кружиться, а волосы на теле словно воспламеняются.

— Но дело не только в этом. Дело в нарушении прав человека. — Халлоран смотрит на меня в упор. — Конкретно — ваших. Поэтому все, что случилось до момента нападения ничуть не лучше. Именно поэтому я завтра экстренно собираю заседание Мирового сообщества. Эстфардхар на нем — наш главный свидетель.

— Будет свидетельствовать против собственного отчима?

— Будет. Он здесь из-за вас.

Ну и что вы хотите сказать этим «он здесь из-за вас»? То, что я должна впасть в экстаз и радоваться тому, что Бен в меня влюбился (если, конечно, это не очередной трюк)? И что благодаря этому я сейчас в клинике, а не остываю где-то в нашей квартире, на пару с Гринни и Льдинкой?

При мысли об этом меня передернуло.

— Ферна Хэдфенгер, я понимаю, что вы напуганы и растеряны, — Халлоран произнес это мягче, и я только что поняла, что обхватила себя руками. — Я клянусь, что не причиню вреда ни вам, ни ребенку. У меня нет никаких скрытых мотивов в отношении вас. Единственное, что меня сейчас беспокоит — помимо сложившейся ситуации — это ваше состояние и то, что вы намерены делать дальше. Ваш ребенок действительно безумно силен, и совершенно непонятно, как его пламя на самом деле на вас влияет.

Я парадокс, помню.

— Я бы рекомендовал вам остаться в клинике, чтобы понаблюдать за состоянием малыша и пламенем. Ну и разумеется, я обязан назначить вам наставника.

— Наставника?

— Того, кто будет обучать вас обращению с пламенем, пока оно у вас есть. Местр Эстфардхар

вызвался это делать...

— Нет!

Я произнесла это очень быстро.

— Я так и думал, — Халлоран кивнул. — Поэтому в настоящее время изучаю другие достойные кандидатуры. Если, разумеется, вы не хотите вернуться в Ферверн.

— Нет.

Это я произнесла еще быстрее, но продолжить мы не успели. Я ничего не услышала, а вот Халлоран нахмурился, достал смартфон, поднес его к уху.

После чего нахмурился еще больше.

— Да. Нет. Нет. Позже.

Все, что он сказал, было совершенно не информативно, но у меня почему-то волосы снова самовоспламенились. По крайней мере, я чувствовала себя так, как если бы меня всю пронесли над костром.

Халлоран отложил смартфон на столик, потом снова посмотрел на меня.

— Ферн Ландерстерг совершил оборот, — произнес он. — И в настоящий момент направляется к нам.

Во рту неожиданно пересыхает.

— Что значит — совершил оборот? — переспрашиваю я.

Хотя прекрасно понимаю, что значит «совершил оборот». «Совершил оборот» — это когда иртхан стал драконом и часто-часто машет крылышками, «направляясь к нам».

Халлоран, судя по всему, понимает, что этот вопрос риторический. Потому что вместо ответа на него сообщает:

— В современном мире обороты, не продиктованные угрозой жизни или другими вескими обстоятельствами, запрещены.

Я молчу.

— Но этот, с наибольшей вероятностью, продиктован. Нам осталось только понять, был ли он спонтанным или осознанным. И, разумеется, разбираться в этом желательно не посреди города.

Я сглатываю.

— Воды можно? — спрашиваю тихо.

Халлоран, совершенно не смущаясь того, что он первое лицо государства, поднимается и наливает мне воды. Протягивает стакан, а я, к счастью, справляюсь с этой предательской дрожью в руках раньше, чем пролью на себя половину.

— Он обернулся из-за меня?

— Думаю, это лучше спросить у него.

Я снова глубоко вздыхаю.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что... лучше не посреди города?

— Это значит, что вас лучше вывезти в пустоши, Лаура. Он идет за вами.

Я провожу ладонями по лицу. Его слова не подразумевают того, что я могу отказаться — но я и не могу. И вовсе не потому, что я пытаюсь придумать себе отговорку вроде «Я же не хочу, чтобы пострадали люди в городе», и все такое. Я не могу отказаться по другой причине. По той, о которой предпочитаю сейчас не думать, а точнее, «не могу» — не совсем правильное слово.

— Как скоро он будет здесь?

— У нас в запасе примерно десять-двенадцать часов. Вполне можете выспаться.

— Вы издеваетесь?

— Согласен. Шутка была неудачная, — соглашается Халлоран.

А я думаю про океан. Огромный, безбрежный океан, разделяющий нас, и меня снова начинает потряхивать. Это безумное расстояние, кишачее драконами, и, хотя водные обычно не претендуют на воздушное пространство...

— Лаура, — он неожиданно обращается ко мне по имени. — Вам правда лучше отдохнуть. Я ничуть не преувеличу, если скажу, что Торнгер Ландерстерг сильнейший в наше время. Поэтому волноваться вам совершенно не о чем.

Я хочу спросить, с чего он вообще взял, что я волнуюсь, потом понимаю, что это их звериное чутье... чутье иртханов, или как оно там называется. Он не просто видит меня насквозь, он понимает каждую мою эмоцию, ловит ее, как приемник радиоволны.

— Я боюсь, — признаюсь я.

— Вам нечего бояться. Вы просто как магнит для дракона — когда он сядет, с наибольшей вероятностью, ваше присутствие больше даже не потребуется. Потому что произойдет обратный оборот.

— Но у вас не произошел, — говорю я.

Халлоран приподнимает брови:

— Вы изучали историю?

— Вашу историю невозможно было пропустить.

— Это было давно, Лаура. Больше пятнадцати лет назад. Сейчас мне в любом случае придется вас оставить. Если хотите, я попрошу, чтобы вас не беспокоили.

— Буду рада.

— Никто, кроме местра Эстфардхара.

— Почему он?!

— Потому что кто-то должен постоянно находиться рядом с вами, чтобы отслеживать состояние вашего пламени.

— В клинике нет ответственных сотрудников?

Халлоран улыбнулся.

— Не думаю, что с ответственными сотрудниками вы будете чувствовать себя комфортно.

А с ним — буду?!

Этот вопрос я тоже не задаю, просто закрываю глаза. В мыслях снова и снова звучат слова Халлорана: «Направляется к нам, направляется к нам, направляется к нам». Я, наверное, сошла с ума — потому что не могу думать больше ни о чем. Только о том, что Торн скоро будет здесь.

«Нам осталось только понять, был ли он спонтанным или осознанным».

Зачем он летит сюда?

Удаляющиеся шаги. Шорох двери.

Шорох двери. Приближающиеся шаги.

— Лаура.

Я не открываю глаза, поэтому могу только слышать, как Бен подходит. Кажется, он останавливается рядом со мной.

— Лаура, мне жаль, что все так получилось.

— Жаль, что меня чуть не убили? Или жаль, что не убили? — я открываю глаза, врезавшись в его взгляд. Сознаюсь, сейчас мне хочется сделать ему больно — так же, как он сделал мне.

И кажется, у меня получилось.

— Я тоже не железный, — цедит он. — Что мне сделать, чтобы мы могли поговорить нормально?!

— Ничего, — отвечаю я. — Вряд ли у нас это получится.

Закрываю глаза, и снова оказываюсь над беснующимися волнами. Где-то высоко, там, где больше нет ни души. Сверху бездна, и снизу — бездна. Каково это — быть драконом?

Каково оказаться один на один со стихией — там, где ничего больше нет?

Бен по-прежнему стоит рядом, не просто стоит. Он касается моих пальцев. Может, если не реагировать — просто уйдет? Не из палаты, разумеется, на такое я даже не надеюсь. Просто уйдет от моей кровати.

— Лаура, я бы хотел все исправить, — говорит он. — Но все исправить я могу только в настоящем. И в будущем. Если ты мне позволишь.

Я не отвечаю, не шевелюсь. Даже когда рядом возится Гринни, просто изображаю бревно, и это действительно срабатывает.

Потому что прикосновение разрывается.

Шаги.

Шорох.

Тишина.

Глава 25

Есть мужчины, с которыми все легко и просто. Наверное, где-то они есть. Когда он просто забирает тебя на флайсе, и вы едете куда-то... ну, не знаю — смотреть на закат. Потом вместе ужинаете, ложитесь спать, а утром занимаетесь сексом. Потом он бежит в душ, а ты готовишь ему завтрак. Или вы вместе стоите под душем, а потом он готовит тебе завтрак.

По крайней мере, в моих романтических представлениях было именно так.

И ни разу у меня так не сложилось. Предположим, с Мистом (ладно, его предполагать не будем, потому что его я теперь даже за мужчину не считаю) я сама не особо способствовала развитию событий. Но в случае с Торном и с Беном...

Хотя как можно говорить о Торне и о Бене одновременно?

Они совершенно разные. И рядом с ними я испытывала совершенно разные чувства, в которых теперь совершенно не могу разобраться. Это, однозначно, радует, потому что хотя бы какое-то совершенство в моей жизни есть.

А мужчины, с которыми просто, если и существуют — то очень далеко от меня. Не в моей Вселенной.

Вот такие мысли меня посещают последние полчаса, пока время отсчитывает последние минуты до встречи с Торном. Халлоран не сказал, как все будет, да по большому счету, он мне вообще ничего не сказал — кроме как «ложись и спи». Или отдыхай, что для меня в принципе нереализуемо, потому что перед глазами огромный дракон, который несется в Аронгару на сумасшедшей скорости.

А на мне — харргалахт Бена, который он так и не снял.

Мне надо попросить его это сделать. Потому что не надо обладать доскональным знанием драконьей натуры, чтобы понять, что дракону не понравится, что на девушку, к которой он прилетел, наложил свою лапу другой дракон. Про Торна я вообще молчу. Хотя Торн уже в курсе про харргалахт.

Что вообще заставило его обернуться драконом и лететь сюда?

Нападение?

Но между нами больше нет никакой связи, и, если честно, я вообще не понимаю, при чем тут именно дракон.

— Лаура, может перестанешь кряхтеть и откроешь уже глаза? — интересуется Бен.

Надо.

Надо, мне надо это сделать.

И харргалахт он тоже должен снять, пусть даже говорить с ним не очень хочется.

Поэтому я открываю глаза и смотрю на него:

— Сними харргалахт, Бен.

— Не сейчас.

— Не сейчас?!

Я спрашиваю это так, что Гринни, которая переползла спать ко мне в ноги, подпрыгивает.

— Ты сейчас слишком слаба.

— Это мне решать.

— В данном случае это решать не тебе, а медикам. Сейчас я не могу этого сделать.

Я сажусь, и мониторы отзываются возмущенным писком.

— Не могу или не хочу?!

Бен спокойно встречает мой взгляд:

— Не имею права. В первую очередь как врач.

— Как врач?! — я задыхаюсь от нахлынувших от меня чувств. — И многих ты... отвращевал? Что, секреты выпытывал, когда они под наркозом были?!

Бен резко подается вперед, пальцы на подлокотниках сжимаются до белизны:

— Не поверишь, но да. Я многим спас жизнь, Лаура. Тебе спас.

— Ой, да что ты? После того, как сам же подвергал ее опасности?!

В его радужку примешивается пламя, но мне все равно. Я готова с ним сцепиться, и не уверена, что только словесно, даже Гринни подскочила и вздыбила шерсть. Как раз в это время к нам заходят Вишуар и Халлоран. Врач поспешно приближается ко мне:

— Вам лучше не подниматься так резко, ферна Хэдфенгер.

Я чуть отклоняюсь вбок, чтобы видеть Бена:

— И да, ты прав. Я тебе не поверю. Больше никогда.

Халлоран негромко кашляет.

— Лаура, нам пора.

Бен хмурится.

— Куда?

Только сейчас я понимаю, что ему не сообщили. Халлоран ему не сказал. Ни слова.

Честно, меня прямо окутывает злорадство, совершенно мне несвойственное.

— Приятно, когда за твоей спиной происходит что-то? — интересуюсь с милой улыбкой. — Что-то, что ты вроде как должен знать, но — упс?

Бен поднимается — резко, и теперь смотрит на Халлорана в упор.

— Что происходит?

— Торнгер Ландерстерг совершил оборот. Мы забираем Лауру в пустоши, чтобы избежать возможной паники и огласки.

— Ого, — говорит Бен. — И ты все это время об этом знала?

Я встречаю его взгляд и произношу. По слогам.

— Ра-зу-ме-ет-ся.

Он молчит, не произносит больше ни слова. Просто смотрит мне в глаза, а потом отворачивается. Подходит к Халлорану:

— Я не позволю вам этого сделать.

— Вы знаете, что это единственный выход, местр Эстфардхар.

— Тогда я поеду с вами.

— А этого уже я не могу вам позволить. Утихомиривать драконов, почувствовавших вас, будет лишним.

Бен сильнее сжимает челюсти, а я почему-то чувствую это напряжение на физическом уровне. Напряжение и что-то еще, ударяющее в самое сердце с такой силой, что на мгновение становится нечем дышать. Все это длится секунды, пока у них с Халлораном дуэль взглядов, но что-то мне подсказывает, что к дуэли взглядов это не имеет ни малейшего отношения. Он обходит Халлорана, притихшего врача и выходит за дверь, но это чувство слабее не становится.

Странное чувство, как будто мое сердце разматывают, как клубок по ниткам.

— Ферна Хэдфенгер, — Халлоран снова поворачивается ко мне. — Вы готовы?

Я смотрю на него: высокий, темноволосый, со стальными прядями седины.

— Не могу сказать, что я готова, но я готова. Если вы понимаете, о чем я.

Дальше все происходит, как в странном сне. Врач проверяет все показатели, говорит, что они в норме, и стабилизация пламени в ближайшее время не потребуется. Но если потребуется, то вот — мне показывают инъекционную ручку, в которой тот самый препарат. Я отмечаю такие детали мельком, равно как и одежду, которую мне приносят — и сопровождение первого ирхана Аронгары.

Мы проходим по коридорам, поднимаемся на верхнюю парковку. В Зингсприде скоро полдень, солнце слепит, и Халлоран протягивает мне очки.

Я надеваю их, сажусь во флайс. Вереница флайсов поднимается в воздух и выстраивается какой-то особой геометрией, чтобы максимально прикрыть нас.

Так мы и летим над городом, как решившие изучать искусство драконы, дорога полностью пустая — разумеется, ее для нас расчистили. Мигают только дорожные знаки и полицейские патрули, а мне почему-то становится нечем дышать.

Я бы хотела расплакаться, но, по-моему, сейчас вообще не время для этого, поэтому остается только смотреть вперед и молчать.

— Все будет хорошо, Лаура. Я обещаю.

— Хорошо, — эхом отозвалась я.

Хотя вообще-то это предполагало ответ.

Зингспридская пустошь расстилается бесконечной, сухой пустыней. Конечно, до какой-нибудь Лархарры ей далеко, но здесь под солнцем видны выжженные пучки колючек, потрескавшаяся земля, а горы вдалеке кажутся раскаленными добела.

Кордон боевых флайсов остается позади, впереди точно такой же, только более узкое кольцо.

— Когда мою жену похитили, — неожиданно произносит Халлоран, — я тоже обернулся.

Я отрываюсь от полосы пустоши, перевожу взгляд на него.

— Мгновение, когда я почувствовал, что ей грозит опасность — настоящая, ее зов о помощи — и вот уже я чувствую, как во мне разрастается пламя дракона. Я мог бы это остановить, но не стал. Потому что чувствовал, что иначе не успею.

— Со мной это произошло больше суток назад, — ответила я. — Торн тогда обернулся?

Халлоран качает головой.

— Нет?

— В то же время произошло покушение на Солливер Ригхарн. Возможно, это его отвлекло. С другой стороны, это все равно не объясняет отсутствие мгновенной реакции дракона. Как бы там ни было, Лаура, нам нужен ферн Ландерстерг. Чтобы понять, что именно случилось, и почему.

Я даже не представляю, как с этим справиться.

Покушение на Солливер Ригхарн?!

Одновременно со мной? Точнее, с тем, что меня пытались убить?!

— Это не случайность?

— В этом нам тоже предстоит разобраться. Что, признаюсь, будет нелегко. У меня состоялся непростой разговор с правящим Раграна. Бермайер сообщил, что отчим Бена всю эту игру провел за его спиной. Сейчас он исчез, на заседании Мирового сообщества Бермайер изъявил желание быть подвергнутым ментальному допросу, чтобы исключить неприятные последствия случившегося для Раграна. Разумеется, он окажет максимальное содействие в его поиске и поимке, но предполагаю, что со знаниями и навыками теневой разведки Эстфардхара-старшего это будет не так легко.

— Зачем вы все это мне рассказываете?

— Потому что вы достойны правды, Лаура.

За вторым кольцом боевого транспорта и вершинами оставшихся позади смотровых башен видны

парящие над пустошами драконы. Отсюда до них далеко, но кажется, я чувствую их пламя, его силу даже отсюда.

— Они чувствуют приближение лидера, — коротко комментирует Халлоран. — Чужого, но лидера.

Я этого лидера тоже чувствую: когда флайсы опускаются на растрескавшуюся от солнца землю, меня начинает знобить.

Знобить!

В Зингсприде.

Халлоран касается наушника, выходит из флайса. Я выбегаю за ним. Именно выбегаю, потому что меня подбрасывает — как пружиной.

— Лаура, вам лучше остаться во флайсе, — произносит он, а я вижу на фоне вспышек пламени — красных драконов, стальной отблеск.

Этот отблеск увеличивается в размерах, приближается, и вот уже виден размах крыльев.

— Возвращайтесь во флайс, Лаура, — с нажимом повторяет Халлоран.

Ко мне тут же приближаются двое из нашего сопровождения.

Вокруг нас столько иртханов, что меня уже штормит от пламени, а Торн все ближе, ближе и ближе.

Меня чуть ли не силой усаживают во флайс, и мне приходится пригнуться, чтобы продолжить смотреть. Чем он ближе, тем сильнее меня знобит. Тем сильнее что-то внутри тщетно пытается раскрыться, подавленное препаратом.

Проходит, кажется, всего несколько мгновений — или несколько бесконечно долгих минут, когда шлейф из красных драконов остается позади, а на нас падает огромная тень. Я даже не представляла, что тень может быть настолько огромной. Не говоря уже о том, кто ее отбрасывает: дракон начинает снижаться, и я впервые в жизни чувствую себя такой крохотной.

Когда он садится, флайс вздрагивает от потоков воздуха, пыль и мелкие камни жалят стекло.

Я смотрю на него, не в силах поверить своим глазам: на огромного, мощного зверя, кажется, заполняющего собой всю пустошь. Чешуя, иссиня-ледяная, сверкает на солнце, охлаждая дрожащий от столкновения жара и холода воздух. В тот момент, когда пронзительно-синий взгляд врезается в меня, я словно перестаю быть собой, Лаурой Хэдфенгер, Лаурой Фил, человеком, иртханессой или кем бы то ни было еще.

Рывком распахиваю дверцу флайса и бросаюсь к нему.

— Назад, ферна Хэдфенгер! — я даже не успеваю понять, кому принадлежит этот крик, потому что голоса вокруг вдруг становятся едины, как автоматизированные.

Кто-то бросается мне наперерез, но этот кто-то тут же рывком подается назад, потому что дыхание дракона выстилает стену ледяного пламени между нами.

— Всем не двигаться!

Это тоже чей-то приказ, но его поглощает треск ледяного пламени теперь уже слева от меня.

Я иду по этому коридору, вдоль пламенно-ледяных стен, под моими ногами потрескавшаяся от жары пустошь становится ледяной пустыней. Этот взгляд притягивает меня как магнитом, взгляд, и странное чувство внутри, которому я не могу найти объяснения. Безграничное, бесконечное чувство единства, ощущение, что внутри меня глубокая пустота, и с каждым шагом она заполняется.

Сумасшедшей силой, пламенем, мощью, сливая, спаивая нас воедино, как нечто, что не может существовать по отдельности.

Дракон, который стоит передо мной, закрывает собой все, даже небо. Рядом с ним просто невыносимо холодно, но когда я протягиваю к нему руку, он опускает голову. Из ноздрей вырывается тонкая струйка дыма, скользящая по запястью, как воздух из кондиционера.

Он почти касается моей ладони, когда неожиданно в меня ударяет недоверием... и болью. Такой невыносимой болью, что я захлебываюсь от нее, а в следующий миг харргалахт Бена на груди вспыхивает под ударом ледяного пламени. Дракон вскидывает голову, и его рычание, раздирающее меня на части, выбивают из сердца удары, а из легких — воздух.

В то же мгновение стены огня гаснут, кто-то перехватывает меня за талию и тащит назад, а вокруг дракона вспыхивает ледяное пламя. Его столько, что перед глазами двоится, или мне так кажется, но мир начинает меняться — а точнее, меняться начинает сам зверь. Крылья смыкаются, пока не превращаются в узкую линию, тают. Следом растворяется в огне чешуя, дракон встает на задние лапы.

— Во флайс, — говорит кто-то.

— ... ее...

— Срочно!

Короткие отрывистые фразы никак не складываются воедино, я рвусь из удерживающих меня рук до тех пор, пока меня не усаживают на заднее сиденье флайса — силой. Почти закрывая мне то, что происходит там, за его пределами. Я на миг замираю, потому что перед глазами — лицо Сэфла, а в его глазах — лед. Буквально. Полосы вертикальных зрачков делят радужку на две части, он смотрит на меня в упор, и я понимаю, что ледяное пламя погасил именно он.

Это длится секунды, потом Сэфл резко подается назад, и дверца флайса захлопывается. Раздается щелчок блокировки.

Не в силах в это поверить, дергаю дверь: снова и снова. Бесплезно.

Она не поддается, равно как и стекло, по которому я колочу кулаками — в спину Сэфла.

Но вот он чуть сдвигается в сторону, и в яростном сиянии пламени я вижу уже не дракона, а человека. Точнее, иртхана.

Торн шагает по льду босыми ногами, подхватывает плед, который ему подают. Теперь я вижу еще и Халлорана, который идет к нему, и в этот момент оживает наушник управляющего флайсом военного. Спустя несколько секунд — мотор.

— Нет! — кричу я. — Нет, нет, нет! Вы не имеете права меня увозить!

— Ферна Хэдфенгер, я действую по протоколу.

Флайс начинает подниматься ввысь, и я перехватываю взгляд Торна — ледяной, холодный, чужой. Лишь на миг, он больше не смотрит в мою сторону, что-то говорит Сэфлу и шагает к Халлорану. Это последнее, что я вижу здесь, потому что флайс разворачивается, зацепив обзором кружащихся вдалеке над пустошью драконов, и направляется в сторону города.

Я сижу неподвижно, кольцо боевых флайсов остается позади, второе еще только приближается. Во мне все еще тоненько бьется что-то. Что-то, чему я не могу найти определения, подобрать слов. У меня чувство, что часть меня оторвали, выдрали из самого сердца, и оставили там.

И, разумеется, я не могу не думать о том, что произошло.

Дракон, опустившийся на землю. Невыносимое, сумасшедшее притяжение.

Удар, слияние, боль... его боль, которая меня чуть не убила.

Харргалахт до сих пор пульсирует, и я подавляю безотчетное желание вцепиться в нее ногтями. Я же просила ее снять! Просила!

Что там вообще произошло?

Ото всех этих мыслей становится не по себе. Особенно не по себе — от взгляда Торна. Он смотрел на меня в точности так же, как в последний раз, в кабинете. Как на пустое место.

Даже хуже.

Как на грязное пустое место.

Чего я ждала от этой встречи?

Не знаю. Наверное, подсознательно — того, что взгляд человека... то есть иртхана будет таким же как взгляд дракона. До той минуты, пока он не почувствовал чужую харргалахт.

Как бы там ни было, таким этот взгляд не был, и мне надо это признать. А после того, как я это признаю, надо признать, что...

Между нами все кончено.

Глава 26

За последнее время я столько раз переезжала, что еще один переход — закрытый ВИП-телепорт в Мэйстон, столицу Аронгары, по сути, ничего не изменил. В принципе, он и не изменил — поменялся только пейзаж за окном с жаркого Зингспридского на более привычный зимний. Поменялся персонал частной закрытой клиники, в которую меня привезли. В остальном — все та же аппаратура, монотонный писк которой подсказывает, что со мной и с Льдинкой все в порядке.

Сейчас все в порядке.

Поэтому когда открывается дверь и появляется Халлоран (хвала всем кому только можно за то, что это именно он), я даже сильно не удивляюсь. Я вообще не уверена, что слово «сильно» ко мне теперь применимо, потому что все мое сильно осталось в той пустоши. Я помню, как бросилась к дракону, как меня трясло от сумасшедшего, безумного притяжения.

Кстати, о притяжении.

— Что это было — там, в пустоши? — спрашиваю я. — Я не собиралась выходить из флайса.

— Притяжение пламени.

— Это как?

— Когда огни драконов или иртханов совпадают, это реализуется притяжением на физическом уровне. Если они еще и сочетаются... — Халлоран осекается, потом подходит ближе. — Словом, суть заключается в том, что возникает такое вот алогичное для человека притяжение. Поскольку перед вами был даже не иртхан, а дракон, это сработало именно так.

— Почему вы не заставили Бена снять харргалахт? — Я смотрю на него в упор. — Вы же знали, что так будет. И не надо вешать мне на уши всю эту чушь про то, что у меня плохое состояние, что я была слабая и так далее. Давайте говорить откровенно, местр Халлоран. Зачем это было нужно вам?

— На самом деле харргалахт малоизучена, и я действительно предпочел бы оставить ее в покое до того, как вы родите.

Я хмыкаю. Надеюсь, взгляд у меня сейчас по-настоящему скептический, потому что вот это вот «малоизучена» могло прокатить с Лаурой-Хэдфенгер-развесы-уши. Когда-то безумно давно.

— Но вы правы. Была еще одна причина, не менее веская. Эта причина — выход из оборота. Мне нужно было, чтобы дракон перестал видеть в вас пару, и ферн Ландерстерг смог вернуться обратно.

— Как он может видеть во мне пару?! — взрываюсь я.

— Из-за вашей особенности.

— Это... — я поднимаю руки, потому что во мне кончаются слова.

— И еще одна причина, Лаура. Пока вы являетесь потенциальной супругой местра Эстфардхара, чисто теоретически ферн Ландерстерг не имеет права вас забрать.

— А грязно практически?

Халлоран усмехается.

— Мы сейчас побеседовали. Только что. Первенец правящего — особенно правящего державой — это очень и очень серьезно.

— Да, я это уже поняла, когда чуть не заморозила ваш лучший курорт.

— Хорошо, что у вас сохранилось чувство юмора.

— Это не чувство юмора. Это сарказм.

На какое-то время воцаряется долгое молчание, в течение которого Халлоран смотрит на меня, а я изучаю паутинку датчика, тянущуюся вдоль моего предплечья. Облегчать ему задачу я тоже не собираюсь, я порядком устала от этих интриг и политических игр. Устала от того, что меня использовали все, кому не лень, и вот от этого — взгляда навывлет, жесткого, скользящего по мне льдом, как будто не было между нами всего, что случилось на курорте, этого тепла, этих объятий, как будто он не сжимал мою руку после того, как я поломалась на катке — устала больше всего.

Он словно сошедшая лавина обрушился на меня в пустоши, и я до сих пор как под этой лавиной.

— Помимо особенностей вашего малыша или малышки, — все-таки возвращается к разговору Халлоран, — существует еще его право на ребенка, и все это в принципе преодолимо. Но не без потерь.

— Что значит — не без потерь? — интересуюсь я.

— Это значит, что я мог бы — с учетом уже вашей особенности — объявить себя вашим наставником и взять под свою защиту. В этом случае ферн Ландерстерг будет иметь дело уже со мной, но это — международный конфликт. Учитывая его настрой, в котором я только что имел возможность убедиться лично, это будет не просто международный конфликт, а война.

Да, не думала я в свой двадцать один год, что когда-нибудь стану причиной войны между Ферверном и Аронгарой. Проблема в том, что я не хочу ею становиться — я никогда не жила в войне, и жить в ней не хочу. Не хочу, чтобы из-за меня гибли люди. Не хочу, чтобы из-за меня разрушались дома. Драконы, да я даже представить не могу, во что это может вылиться сейчас — с ультрасовременными технологиями.

— Подводя итог вашей пламенной речи, — я понимаю, что не должна злиться на него, но я злюсь. Видимо, Халлорану сейчас достается за все и за всех, кому не досталось в процессе, — я делаю вывод, что вы выдадите меня ему. Я правильно поняла?

— Есть еще один выход, Лаура.

— Какой?

— Вы можете умереть.

Да, это определенно выход. Был бы выход: Лауры нет, нет и проблем, но даже тут есть проблема — я не хочу умирать. Не хочу больше играть в эти набловы игры, и что — даже если на минутку представить, что я могла бы согласиться — как он это вообще себе представляет?

— У вас есть жена, местр Халлоран, — говорю я. — Как вы думаете, как бы она отреагировала на новость о том, что вы мертвы?

— Моя жена — это совершенно другое дело, — его голос становится холодным, но мне плевать. Пусть он хоть весь запас лимонада со льдом выпьет из своего гигантского председательского холодильника, на меня это больше не действует.

— Правда? Ну в таком случае, кто там у вас еще есть? Брат, кажется? Как думаете, он будет счастлив, если узнает о том, что вас нет? — Мне не просто хочется орать, мне хочется швырнуть в него штативом с проводами, а после добавить аппаратурой. — Может, в вашем высоком политическом мире такое в порядке вещей — а может, вы такое уже проворачивали, а? Но я никогда. Никому. Из своих близких — пусть даже останется всего один человек в этом мире, которому я дорога, не позволю это испытать. Так что можете идти со своим предложением туда, откуда пришли. Ясно?

— Ясно, — говорит он. — И это было всего лишь предложение, Лаура. Я не собираюсь заставлять вас делать что бы то ни было.

— А вы и не сможете, — говорю, глядя ему в глаза. — Никто не сможет.

Он кивает.

— Это я уже понял.

— Замечательно. В таком случае, думаю, мы можем продолжить наш разговор. С того момента, на котором остановились — что будет, если ответственность за меня возьмет кто-то другой? Не имеющий такого отношения к политике, как вы. Это тоже может спровоцировать международный конфликт?

— Поскольку вы сейчас ир்தханесса, — произносит он, — на вас распространяются законы нашего мира. То есть если у вас появится сильный наставник, который согласится взять на себя всю ответственность за ваше обучение и за вашу безопасность на время обучения, вы будете под его защитой и — по крайней мере, до родов — Торнгер Ландерстерг не сможет на вас претендовать. Проблема в том, что его это совершенно не волнует.

— Совершенно не волнуют законы вашего мира?

— Пока он не знает о том, что вы — временно или не очень — ир்தханесса.

— Вы ему не сказали?!

— С одной стороны это преимущество — по той причине, о которой мы с вами говорили. С другой — первенец от иртханессы гораздо сильнее, чем первенец от обычной женщины, и это минус. Пока мы не вывели Ферверн из Мирового сообщества, он вправе поднять вопрос о вашем содержании на территории Ферверна — хотя бы из-за сложившейся ситуации и из-за нападения на вас, которое мы не смогли предотвратить.

— Погодите. Какой выход?

Халлоран потер лоб и опустил в кресло.

— Не так давно Торнгер Ландерстерг совершил оборот.

— Да, около суток назад.

— Нет, это произошло гораздо раньше. Вы, должно быть, не знаете, но в современном мире запрещены обороты. Это связано с тем, что силы иртханов, даже с самыми мощными огнями, не всегда позволяют им удержать сознание и, как следствие, вернуться к человеческому облику. Что, разумеется, может привести к самым непредсказуемым последствиям, особенно когда речь заходит о правящем или тем более главе государства.

Халлоран чуть помолчал, потом продолжил:

— После того, как это произошло, на заседании Мирового сообщества, связанном с этим фактом, Торнгер Ландерстерг отказался признавать факт несоблюдения этого закона — мотивируя это тем, что все произошло на его территории. Оборот, который он совершил сейчас, затрагивает не только Ферверн и Аронгару. Если мы сейчас дадим этому делу ход, это перевернет мир и в самом деле может привести к войне. Мне бы очень этого не хотелось.

Да. Мне тоже.

— Поэтому Лаура мы сейчас ходим по очень и очень тонкому льду мирового баланса. Только поэтому я предложил вам тот выход, который вы, — он сделал паузу, — так восприняли.

Я покачала головой, в которой все это просто отказывалось укладываться. Торн оборачивался. Если верить Халлорану, не раз. Зачем... почему? Как? Торн из тех, кто контролирует себя всегда и во всем, от и до. Тем не менее он позволил дракону, который почему-то считает меня парой, взять верх.

И хочет вывести Ферверн из состава Мирового сообщества.

Да тут просто с ума можно сойти.

— Если дракон считает меня парой, как вы собирались инсценировать мою смерть?

— Считал, — поправляет Халлоран. — После харргалахт он больше так не считает.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы провернули все это, чтобы «отключить» меня от дракона Торна, а его от меня, — говорю я. — Вы все это изначально спланировали, хотели, чтобы я «умерла». Чтобы слегка стабилизировать ситуацию в мире.

— Ваша «смерть» больше не способна навредить дракону — как следствие, ферн Ландерстерг не страдает. Даже если он выведет Ферверн из основного состава, ваша страна просто станет изолированным государством. Хотя я не исключаю пересмотр дела после того, что произойдет.

Я усмехаюсь.

— Как же у вас, у политиков, все просто.

— Все гораздо сложнее, чем вы можете себе представить, ферна Хэдфенгер. Зачастую мы принимаем решения, которые идут вразрез с тем, чего мы хотели бы. В свое время я надел на свою будущую жену таэрран, чудом не разрушив отношения с ней и не лишившись пары. Сейчас даже мне сложно вспомнить, чего мне это стоило — но это было одно из тех решений, которое вывернуло меня наизнанку. Между стабилизацией ситуации в городе, сохранения баланса между иртханами и людьми — и собственными чувствами — я выбрал первое.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно. В Мэйстоне набежали тучи: удивительно быстро, в Хайрмарге такое только летом бывает. Ощущение такое, что они вот-вот прорвутся снегом.

— Мне нужно подумать, — говорю я.

— Пара часов у вас есть.

— Два часа?!

— Экстренные решения требуют экстренных мер, ферна Хэдфенгер.

Я морщусь.

— Торн заставит вас предоставить доказательства. Он не поверит, пока не увидит сам.

— На этот случай у нас есть ваш отец, — Халлоран поднимается. — Я говорил с ним за пару часов до визита в пустошь. Юргарн Хэдфенгер очень сожалеет о том, что между вами произошло, и очень хочет все исправить.

Всем привет.

Меня зовут Лаура Фил, но когда-то я была Лаурой Хэдфенгер. Хэдфенгер — фамилия, которую дал мне отец, но с некоторых пор я больше ей не являюсь. С того дня, как я отказалась выходить за Торнгера Ландерстерга, моя жизнь превратилась в череду переездов и бесконечных интриг.

Когда-то я думала, что все это возможно только в приключенческих фильмах и книгах. Несколько месяцев назад я была одной из самых обычных студенток: я заканчивала Хайрмаргский Государственный Университет по специальности «Экономика и маркетинг». Я строила планы и думала о том, куда отправлять свое резюме, когда получу диплом.

Меня пригласили на кастинг в шоу «Эрвилль де Олис»: это было моей мечтой долгие годы. Моя мама хотела стать Соурской чемпионкой, но получила серьезную травму. Обо всем этом мне рассказал отец. Так же, как и о том, что она отдала за меня свою жизнь — когда встал выбор между спасением меня и ее, она выбрала меня.

Точно так же я сейчас выбираю своего ребенка.

Я узнала о том, что беременна, когда уехала из Ферверна. Я уехала из Ферверна, потому что не могла дольше оставаться с мужчиной, которому нет до меня никакого дела, и до которого я пыталась достучаться всеми возможными способами, пока не сдалась.

Однажды я сдалась.

Но больше не сдамся.

В Рагрane я хотела начать новую жизнь. Я хотела просто жить, спокойно выносить и родить своего малыша, увидеть его первую улыбку, подержать на руках — тогда как его отец счел меня недостойной быть матерью и прислал ко мне тех, кто должен был принудительно вывезти меня в Ферверн.

Мне помогли этого избежать, но у этой помощи была своя причина.

Спецслужбам Раграна было выгодно держать меня при себе, когда они узнали о моем положении. Они убили девушку, которая могла выдать мое состояние — ее звали Лари Эрро, и у нее была своя студия танцев. Когда власти Раграна решили, что им выгодно отдать меня в Ферверн, мне снова помогли бежать — на этот раз в Аронгару. Чтобы на следующий день прийти за мной с целью уничтожить меня и мою Льдинку.

Так я называю ту, кого уже сейчас люблю больше жизни.

Сейчас я нахожусь в закрытой клинике, и мне предлагают инсценировать собственную смерть, чтобы избежать международного конфликта. Я не хочу международного конфликта. Я не хочу больше жертв. Я беременна первенцем главы Ферверна, и у меня хотят отнять мою жизнь и моего ребенка.

Поэтому я сейчас обращаюсь ко всем, кто меня видит и слышит.

Ко всем, кто только готовится стать матерью или отцом, или уже стал.

Я просто хочу жить и растить свою дочь.

Помогите мне избежать участи безвольной куклы политических интриг. Помогите мне вернуть мою жизнь и свободу.

Поддержите меня в сети — чем больше людей узнает правду, тем больше шансов, что меня и Льдинку не разлучат.

Я отправляю это видео, и я не знаю, сколько оно просуществует.

Но надеюсь, достаточно, чтобы мою историю узнал мир.

Я нажала кнопку «отправить» и отложила смартфон. Солнце уже перекаатилось вниз и сейчас под тяжестью огненного диска медленно падало в океан. Острова Мэйстона, соединенные мостами и аэромагистралями, сейчас выглядели как нечто нереальное. Нереальным казалось и происходящее со мной, но, как бы там ни было, свой выбор я сделала.

После ухода Халлорана я думала недолго.

Попросила принести мне смартфон и включила запись. Я не стала готовить речь, я не стала даже переодеваться в одежду, в которой меня возили в пустошь — снимала в больничной рубашке.

Тот выход, который мне предлагал Халлоран, для меня был невозможен.

Поэтому я нашла свой: видимо, не зря протираю юбки и платья в ХГУ. Оставалось только надеяться, что мне он поможет, потому что если не поможет это, не поможет уже ничто.

Я не хотела заходить в сеть, потому что боялась.

Боялась, что не будет просмотров, боялась, что видео просто уничтожат спецслужбы — Раграна, Аронгары, Ферверна. Поэтому когда смартфон завибрировал (по умолчанию все новые модели стоят на беззвучке), вздрогнула. перевела взгляд на дисплей — номер был незнаком. Равно как и следующий. И следующий. И следующий. Современные смартфоны позволяют принимать до ста вызовов, и ты выбираешь, кому ответить первым — но сейчас номера вываливались списком, я даже не успевала их все фиксировать. Кто-то отключался, но взамен высвечивались все новые и новые номера.

Значит... сработало?..

Дрожащими руками открыла соцсеть и увидела больше миллиона просмотров.

Это было последнее, что я там увидела, потому что дверь распахнулась и в палату шагнул Торн.

Конец второй книги

